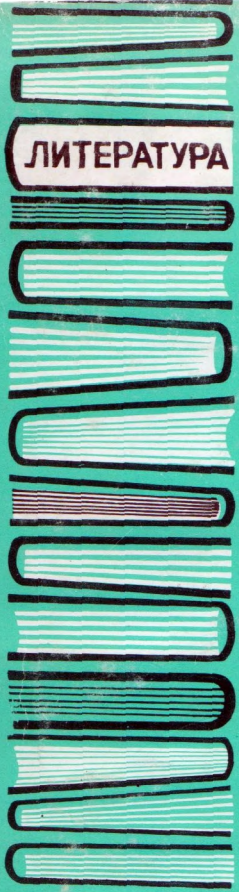
ЛИТЕРАТУРА



ЭЛИЭЗЕР СМОЛИ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

26

ЭЛИЭЗЕР СМОЛИ ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

ЭЛИЭЗЕР СМОЛИ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

עבריה וצבי עופר
קבוץ יפעת

עיריית חיפה
[illegible]
[illegible] לעולים
[illegible] - ספריה
מס. מלאי.....
400

ЭЛИЭЗЕР СМОЛИ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

БИБЛИОТЕКА «АЛИЯ»

א. שמאלי

אנשי בראשית

E. SMOLY

FRONTIERSMEN OF ISRAEL

ספרייה של הפורום
הציוני • חיפה •
БИБЛИОТЕКА СИОНИСТСКОГО
ФОРУМА • ХАЙФА •
2866

Перевел с иврита И. Ниселевич

Это издание напечатано библиотекой АЛИЯ
для абонентов газеты «Наша страна»
עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדיטיין - ספריה
מס. מלאי.....
400

כל הזכויות שמורות
ל„ספריה עליה"
ת"ד 7422. ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן הזכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

נדפס בישראל
1975

דפוס מפא"י

OCR Давид Титиевский, декабрь 2019 г., Хайфа

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы предлагаем детскому читателю книгу «Они были первыми». Ее с интересом прочтут в русском переводе дети-репатрианты из Советского Союза.

Это повесть о жизни шомера (сторожа) Хермони и его семьи, об их любви и преданности родине, об их борьбе с бандитами и разными трудностями. Книга поэтически описывает природу страны. Этим объясняется успех книги у израильских детей.

Дети и внуки Хермони пашут и сеют, собирают урожай, и никакие бандиты их не запугают и не прогонят.

Книга воспитывает молодых израильтян в любви к отчизне. Это из их среды вышли поселенцы, осевшие на Голанских высотах, в степях Негева, в Иорданской долине и в Северном Синае.

Итак, те, кто были первыми, живут с нами. Государство Израиль нуждается в них и сегодня, в наши дни.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		. . . . .	11
Глава	I	Вначале	15
Глава	II	Петух поет — значит, здесь живут люди	24
Глава	III	Амалия и Узи изобретают	32
Глава	IV	Еврей-бедуин учится пахать . . .	40
Глава	V	Гости	50
Глава	VI	Земля открывает свои тайны . . .	63
Глава	VII	Преступник скрылся. Семья Хермони строит барак	69
Глава	VIII	Праздник на холме	89
Глава	IX	Эйтан едет учиться	109
Глава	X	Сын родился в поезде	119
Глава	XI	Дом Хермони открыт для всех . .	130
Глава	XII	Нападение	143
Глава	XIII	Мыши и чиновники	151
Глава	XIV	Эйн-Роим — еврейское пастбище .	168
Глава	XV	Радости и горести	184
Глава	XVI	Плохой гость предвещает беду . .	195
Глава	XVII	И начали с начала	204

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале двадцатого века представители различных кругов в России начали открыто и решительно выступать против самодержавия, требовать установления гражданских прав и участия населения в органах власти. Стремясь отвлечь внимание масс от тяжелых условий и устарелых форм общественной жизни, царь и его приближенные, играя на глубоко укоренившейся ненависти к евреям, постоянно втолковывали невежественным крестьянам и рабочим, что все их беды происходят от «жидовского засилья» и что главные враги России — евреи и поляки.

Не уступали им в этом и многие служители церкви. Силясь снова укрепить могущество империи, пошатнувшейся после поражения в русско-японской войне, они провозгласили лозунг: «Бей жидов, спасай Россию, православную веру и престол».

В 1905 г. вновь всколыхнулась волна погромов, по своей жестокости намного превосходивших погромы 1881-1882 годов. На этот раз явно чувствовалась направляющая и организующая рука. Официальная идеология открыто возлагала на евреев ответственность за все беды и неудачи России.

Еврейские дома в Кишиневе и Одессе, Гомеле и Киеве, Белостоке и Житомире и многих других городах и местечках были разгромлены и разграблены. Сотни евреев были зверски убиты, причем погромщики не щадили никого — ни стариков, ни детей. Царская полиция и армия не только не защищали жертв нападений, но в некоторых случаях принимали участие в убийствах и грабежах. В ряде мест представители власти сами организовывали погромы или помогали их инициаторам. Когда евреи поняли, что от «блюстителей закона» — от полиции и армии — защиты ожидать не приходится, они организовали нелегальные

боевые отряды самообороны, которые с оружием в руках охраняли еврейские районы и отражали нападения погромщиков.

Отряды самообороны состояли в основном из еврейских рабочих и ремесленников, членов рабочих партий: Бунда, Сионистов-социалистов и Поалей-Цион. Были среди них и гимназисты и студенты — еврейская учащаяся молодежь. У самообороны было мало оружия. Ее члены подвергались нападению полиции и казаков, которые избивали и арестовывали еврейских юношей. На судах, следовавших за погромами, бойцы самообороны оказывались среди осужденных значительно чаще, чем погромщики.

Десятки тысяч евреев покинули в те годы Россию, отправившись в поисках новой родины в Америку и другие страны. Многие примкнули к русскому революционному движению, но вскоре — особенно в период реакции после разгрома революции 1905 года — разочаровались и утратили надежду добиться гражданских прав в России и быть признанной частью русского народа, борющегося за свою свободу. Усилилось сионистское движение, и началась Вторая алия в Эрец Исраэль.

Среди олим тех лет было немало членов партии Поалей-Цион: Миха Гальперин, Ицхак Бен-Цви, Иехезкиэль Хенкин, Исраэль Шохет, Исраэль Гилади, Иехезкиэль Нисанов. Среди них был и Александр Зайд, который является прототипом главного героя предлагаемой книги — Хермони.

В те годы, т. е. в первое десятилетие нашего века, в Эрец Исраэль — в Галилее, Самарии и Иудее — уже было немало еврейских поселений: Ришон-Лецион и Нес-Циона, Зихрон-Яаков и Хадера, Рош-Пина и Метула, Явниэль и Кфар-Табор, Гедера и Реховот. Их основатели прибыли из России и Румынии в годы Первой алии, в 80-90 годах прошлого века. Именно они — репатрианты Первой алии — заложили основу нового заселения страны, ставившего перед собой национальные цели и задачи — создание еврейских сельскохозяйственных поселений.

Евреи, приехавшие из России после погромов начала XX века, в годы Второй алии, прибыли в сельскохозяйственные поселения и работали там наемными рабочими у фермеров евреев. Бок о бок с ними трудились тогда в еврейских поселениях и рабочие арабы,

числом значительно превосходившие еврейских рабочих.

С первых дней существования сельхозпоселений в Палестине встала проблема их охраны от бедуинов-кочевников, живших по соседству, а иногда и от самих арабских наемных рабочих, снимавших по ночам урожай с полей еврейских поселений и угонявших скот. Охрана поселений поручалась бедуинским шейхам или арабам из соседних деревень, но и те, и другие нередко вступали в сговор с грабителями. В годы Второй алии возникла идея создания еврейской организации, члены которой охраняли бы еврейские поселения и их имущество. В 1908 году была создана организация «Ха-Шомер», взявшая на себя защиту и охрану поселений и постепенно вытеснившая рабочих неевреев. Члены этой организации утверждали, что всю работу евреи должны взять в свои руки. В хозяйстве фермера еврея в Эрец Исраэль должен трудиться рабочий еврей и охрана его жизни и имущества должна также находиться в еврейских руках.

Организаторы «Ха-Шомер» были в основном члены отрядов самообороны, действовавших еще в России. Немалую роль сыграли и уже упоминавшиеся ранее Ицхак Бен-Цви, Исраэль Гилади и Иехезкиэль Нисанов, Иехезкиэль Хенкин, Цви Бекер и Александр Зайд. К ним постепенно присоединялись десятки юношей и девушек, и мало-помалу в их руки перешла охрана большинства еврейских поселений страны. Самоотверженность и смелость членов «Ха-Шомер» поднимали престиж евреев в глазах арабов и удерживали последних от нападений на поселенцев.

Организация «Ха-Шомер» просуществовала около десяти лет, и членов ее можно было встретить по всей стране — от Метулы на севере до Рухамы на юге. В 1916 году уже немолодые основатели «Ха-Шомер» создали поселение, в котором собрали вдов и сирот членов организации, погибших на посту или умерших в годы службы в «Ха-Шомер». Это поселение они назвали «Кфар-Гилади» в честь одного из основателей и руководителей «Ха-Шомер» Исраэля Гилади.

В этом поселении около десяти лет провел главный герой книги Хермони (Александр Зайд). Затем он вместе с семьей переселился в Шейх-Абрек, чтобы охранять землю, приобретенную Национальным фондом у одного из арабских эфенди. Здесь он построил

себе домик и основал хозяйство, в котором работали члены его семьи. Сам Хермони охранял приобретенный Национальным Фондом лес. Рассказу о жизни членов этой семьи, об их труде и защите от нападений посвящена предлагаемая книга.

Элиэзер Смоли

Глава первая

В НАЧАЛЕ

После двадцати лет скитаний между Метулой и Рухамой старый шомер* Хермони решил перейти на оседлый образ жизни. Всю свою жизнь, всеми помыслами стремился он к сельскому труду, мечтал сторожить собственное поле. Но профессия вынуждала его кочевать, и его мечта долго оставалась мечтой. Между тем дети росли дичком — без должного воспитания, без учебы. Его товарищи давним-давно уже обзавелись землей, и хозяйства их процветали, а он, как и в день его прибытия в страну, ровно ничего не имел.

Посоветовавшись с Тиквой — женой и спутницей в скитаниях и сторожевой службе, — он уехал верхом на лошади искать в холмистой Галилее место для поселения.

Его жена не хотела жить в кибуце,** а его самого не очень влекло в мошав.*** И он решил создать собственное хозяйство вдали от населенных мест, наподобие американской фермы. Устав от скитаний, он искал тихий уголок для жизни и труда.

В те дни Еврейский национальный фонд приобрел обширные лесные угодья на склонах прекрасных галилейских холмов. То был старый лес из дубовых, фисташковых и рожковых деревьев, а на его лесных полянах зеленели сочные пастбища. Лес был запущен. Редкие пастухи-бедуины пасли там свои стада, феллахи рубили деревья для кольев и плугов, угольщики выжигали там уголь для продажи, и никто не мешал им.

Хермони решил поселиться около леса — беречь его от лесных вредителей и порубщиков. Еврейский

---

* Сторож (иврит).

** Сельскохозяйственная коммуна (ивр.).

*** Кооперативное сельскохозяйственное поселение (ивр.).

национальный фонд выделил ему небольшой участок земли и обещал построить там дом для его семьи.

Однажды, летним вечером, когда солнце медленно и тяжело заходило за гору Кармель, в лес въехала нагруженная нехитрыми пожитками телега, которую тянула лошадь.

На облучке сидел подросток лет тринадцати, рядом шагали его родители. За ними медленно брели мальчик и девочка и подгоняли большую, черную козу.

— Ну ты, попрыгунья! — покрикивал мальчик, толкая козу, упрямо тянувшуюся к низким зеленым кустам.

— Бэ-э-э! — блеяла радостно коза и прыгала от куста к кусту.

Телега остановилась. Мужчина и женщина опустили на землю рюкзаки и перевели дыхание. С их загорелых лиц катился пот, влажная одежда прилипла к телу. Мужчина снял широкополую шляпу и устало опустился на землю под ветвистое дерево. Женщина осталась стоять, пристально и сосредоточенно оглядывая местность. Потом она вытерла лицо и руки платком, снятым с головы.

— Смотри-ка, вода! — радостно воскликнул мужчина и указал на небольшую долину возле леса. Женщина и подросток обернулись и поглядели, куда указывал мужчина.

Узкая долинка светилась свежей и сочной травой. Можно было разглядеть длинные деревянные корыта с водой и стадо мелкого скота.

— Много ли пастухов пригоняют сюда свой скот? — со скрытой тревогой спросила женщина.

— Этот родник и все кругом принадлежит нам, Тиква, — ответил серьезно муж, — там внизу посеем овощи и корм для скота.

— Распряги лошадь, Эйтан! — обратился он к подростку, — хоть мы и устали, но надо заняться шалашом для ночлега.

— Зайчики! Зайчики! — Вдруг донеслись голоса малышей из-за деревьев.

Два зайчика промчались галопом, их уши торчали прямо, а глаза глядели со страхом и удивлением. Лошадь подняла голову, перестала есть траву. Малыши подогнали козу к телеге и провязали.

— Воды, папа, пить хочется! — захныкали они.

— Потерпите немного, я спущусь к роднику, — ответил с улыбкой отец, лаская их своими костлявыми руками.

— И весь этот лес будет нашим? — спросил мальчик.

— Весь, Узи!

— И зайчики? — спросила девочка.

— Да, да, Амалия, — подтвердил Эйтан со смехом, — если только сможешь поймать их!

— Возьми с собой козу, Хермони, — сказала жена, — хорошо бы ей напиться перед дойкой.

Хермони встал, потянулся, отвязал лошадь и козу, достал ведро из телеги и пошел к источнику.

— Соберите хворост, дети — сказал он малышам, — а я принесу воды.

Когда Хермони вернулся, уже горел, весело потрескивая, небольшой костер. Огонь длинными, красными язычками облизывал сухие ветки.

Наступала ночь, она медленно и плотно покрыла землю.

Тиква достала из телеги кастрюлю, наполнила ее водой и поставила на огонь. Дети расположились вокруг костра и болтали. Хермони снял с телеги мешок, вынул хлеб и овощи, разложил все на расстеленном платке. Малыши подбежали к матери, выхватили у нее миску и помчались к козе.

— Дай мне, Узи!

— Ты же не умеешь доить, Амалия!

— Глупый!

— Дай мне, говорю тебе!

— У нее отрезали вымя!

— Не болтай!

— Честное слово!

— Мама, кто-то отрезал вымя у козы! — Воскликнули оба с тревогой.

Эйтан рассмеялся, из любопытства подошел к козе и потрогал ее живот. Тиква тоже подошла, улыбаясь.

— Это козел, мама! — воскликнул удивленный и смущенный Эйтан. — Папе подменили козу около источника.

Женщина нагнулась и общупала козу.

— К черту, — воскликнула она не то со смехом, не то с досадой, — вот вам чертовы проделки!

Хермони подошел, посмотрел на козу и чуть улыбнулся:

— Видно, пастухи пошутили и обменяли козу на козла, когда я поил кобылу, — сказал он. — Завтра, наверное, приведут.

— Он бородатый, папа! — воскликнул Узи и потянул козла за бороду.

Потом он сел на козла и ударил пятками, а тот сердито заворчал, подскочил и свалил седока на землю.

— Бе-е-е, — засмеялись все, — это действительно козел!

— Стыдно рассказывать, — вздохнула Тиква после короткого молчания. Вот тебе и земледельцы...

После ужина Хермони и Эйтан стали готовить место для ночлега: нарубили дубовых веток и обложили ими телегу. Тиква разостлала платок и одеяло. Вся телега была закрыта зелеными листьями, она превратилась в большой, душистый шалаш.

— В полночь я разбужу тебя, Эйтан, и ты посторожишь немного, — сказал отец, когда все, включая и козла, забрались в шалаш.

Хермони подбросил веток в костер, привязал лошадь к телеге, собрал все разбросанные вещи в кучу. Затем он вынул что-то из мешка, осмотрел при свете костра и сунул в карман штанов. На этот раз он сторожил свое — жену и детей, все, что было частью его жизни.

Ночь была короткая. Хермони даже не успел как следует подумать о своем будущем хозяйстве, как уже начало светать. Он так и не стал будить Эйтана в полночь. Всю ночь вокруг телеги рыскали шакалы, пытавшиеся пробраться в шалаш.

На заре Хермони задремал было, но поспать не успел. Козел с блеянием выскочил из шалаша. Хермони встряхнулся, провел руками по лицу, выполз из шалаша и, ополоснув лицо холодной водой, согнал с себя дремоту.

На востоке стало светать. Солнце взошло из-за синих Хоранских гор. Вся долина с востока тонула в белом плотном тумане; он подымался над землей, как молочные облака. Лес проснулся. Горлицы стонали, горные курочки кудахтали, чирикали синицы.

Мальши вылезли из шалаша, протирая сонные глаза и с удивлением глядя на восток.

— Что там — море, папа?

— Это туман, — сказал Эйтан, высунув голову из шалаша. — Какой густой туман!

— Папа, здесь так хорошо... — шептал Узи, ласкаясь к Хермону.

— Тур, тур, тур... — подражала Амалия горлицам.

Тиква вышла из шалаша, подбросила дров в тлеющий костер и поставила на огонь кастрюлю с водой.

— Ты хоть немного спал? — спросила она Хермони.

— Не было у меня времени, — ответил он и погладил кобылу по спине, — я всю ночь думал о нашем хозяйстве.

Эйтан вскочил на лошадь и поскакал к источнику за водой.

— Цубах-а-нур!* — вдруг раздалось арабское приветствие из лесу.

Из-за деревьев вышел старик-араб, ведя черную козу.

— Вот и коза! — радостно закричали дети и помчались навстречу.

— Бэ-э-э! — заблеяла коза и вырвалась из рук араба.

— Ребята, хаваджа,** — сказал старик, приятно улыбаясь, — ребята в шутку обменяли вашу козу на старого козла, да будет разрушен их дом... Возьми свою козу, она хорошая, дает много молока, хвала Богу!...

— Да пошлет тебе Бог здоровья, старик! — приветствовал его Хермони, — скажи, как зовут тебя?

— Шейх Саид, — ответил старик, держа за рога козла, который легонько бодал его.

— Ты араб из племени зубейдов?

— Я из племени туркманов, — и немного помявшись, — есть покурить, хаваджа?

— Я не курю, — ответил Хермони с огорчением.

— Возьми спички, — сказала стоявшая у костра Тиква и протянула ему коробок.

— Да поможет тебе Аллах, — сказал араб, — отблагодарим вас со временем. Иншалла!*** Вы будете тут жить?

— Да, да, — ответил Хермони, — наверно, так...

---

* Доброе утро (араб.).

** Господин (араб.).

*** Дай Бог (араб.).

— Шалом, — произнес старик с дымящейся трубкой во рту и ушел в лес вслед за тянувшим его козлом.

Хермони осмотрел ближние холмы, примыкавшие к источнику с востока. На одном холме с несколькими кряжистыми дубами на склонах Хермони задержался и шагами измерил в ширину и длину площадку. Холм был большой с некрутым спуском к роднику. На южном склоне было несколько пещер. Он заглянул в них: стены там были черны от копоти, а на земле в кучу был собран навоз.

«Здесь держали зимой скот, — подумал Хермони. — Мы почистим и приспособим несколько пещер под сарай и сеновалы. Пока что в одной из них можно держать лошадь».

Неуклюжее колючее животное неожиданно проскользнуло в пещеру и скрылось в темном логовище. Хермони вздрогнул от неожиданности и отступил назад, но сразу успокоился: это был жирный дикобраз с длинными иглами.

Поднявшись опять на холм, он обратил внимание на большие камни, торчавшие из земли. На них ясно видны были надписи.

«Наверно, здесь было поселение в древние времена, — подумал он, — может, здесь жили евреи. И мы с Тиквой начнем все сначала».

— Эйтан! — крикнул он сыну, поднявшемуся по склону верхом на лошади с полным ведром в руке. — Здесь, на этом холме, мы будем жить! Видишь эти камни? Это остатки древнего поселения. Давай, соберем их!

Эйтан передал отцу ведро и соскочил с лошади. Оба — отец и сын — стали перетаскивать камни в кучи.

— Что это вы собираете? — вдруг услышали они голоса.

Тиква и дети пришли посмотреть, что они делают.

— Мы очищаем место для нашего будущего хозяйства, — ответил Хермони серьезным тоном и продолжал работать.

— В добрый и счастливый час, — сказала Тиква и глаза ее засияли. — Да поможет нам Бог, и мы здесь построим наше будущее.

Слезы умиления показались на ее глазах. Хермони устал от тяжелой работы, но продолжал перетаскивать камни.

После завтрака все вернулись к работе. Хермони рубил топором колья и жерди для временного жилья, Тиква и Эйтан под холмом накладывали жирную землю на телегу и перевозили наверх. Мальши сторожили пожитки и собирали в лесу яйца горлиц. Солнце жгло, лился пот, но работа продвигалась быстро. К полудню Хермони заготовил целую гору кольев, жердей и ветвей. Тиква, оставив работу, вернулась в лес готовить обед. Малыши выбежали ей навстречу, гордо неся плетеную корзинку, полную горличьих яиц.

И вскоре по лесу распространился запах яичниц. Семья уселась в тени ветвистого дерева и наслаждалась едой.

— Кто из вас отличился? — спросил Хермони.

— Я, — воскликнул Узи, подмигнув Амалии.

— Нет, это я нашла! — победоносно заявила Амалия.

— Я уже сыт... — сказал Эйтан, запивая еду водой из ведра.

Было очень жарко. Хермони прилег в тени дерева и тотчас уснул, Узи устроился рядом и зеленой веткой отгонял мух с его лица. Эйтан углубился в лес и точил пилу и топор для работы. Тиква насыпала муки в миску, добавила воды и начала замешивать тесто.

— Когда спадет немного жара, — сказала она детям, — соберите камни, и мы сложим печь для хлеба. Одними яйцами сыт не будешь!

— Мы их сколько хочешь найдем! — воскликнула Амалия.

— Дайте им высидеть птенцов, — сказала совсем серьезно мать, — надо жалеть птичек.

Когда Хермони проснулся, солнце уже повернуло на запад. В тени одного из деревьев поднимался дымок из только что сложенной печи. На большом жестяном листе белели лепешки. Запах печеного хлеба разносился по лесу. Подул западный ветер, листья деревьев зашелестели.

Хермони проснулся весь в поту. Глаза его были красны, лицо смятое. Он напился из ведра, стоявшего позади телеги, вымыл лицо и смочил волосы. Вернувшийся Эйтан подал ему пилу и топор, и оба они бодро зашагали к холму.

— Будем строить шатер, папа? — спросили Амалия и Узи.

— Идемте с нами, помогать будете, — подмигнул им Хермони, — но возьмите корзинку, будете собирать небольшие камни!

Поднявшись на холм, Хермони и Эйтан вырыли ямы и вбили в них толстые неоструганные колья. Земля была мягкая. Лопатами они выбрасывали черепки, комья глины, куски необожженных кирпичей и кости. Мальши собирали камни и закладывали их в ямы вокруг каждого кола. Проверяя устойчивость кольев, дети пробовали расшатать их.

В четвертой яме Эйтан наткнулся на большую каменную глыбу. Он мотыгой несколько раз ударил по камню. Отскочил большой кусок. Он вновь замахнулся, чтобы ударить снова — да так и застыл... в яме белый скол светился блестками. Он нагнулся и ощупал камень рукой. Потом собрал мелкие осколки и осмотрел их.

— Мрамор! — воскликнул он с восторгом. — Папа, смотри, я нашел мраморный камень!

Хермони подошел к Эйтану, с любопытством нагнулся и внимательно осмотрел камень.

— Да, это мрамор, — сказал он. — Дай-ка мне мотыгу, Эйтан! Камень, видать, большой.

Хермони ударил по камню несколько раз, потом отложил в сторону мотыгу и смахнул мелкие осколки.

— Опять надпись! — воскликнул Хермони. — Да это же столб! Нет, плита! Давай-ка, попробуем вытащить.

Забыв о работе, они мотыгой и заступом попеременно копали вокруг мраморного камня. Мальши подошли и смотрели на них с удивлением, потом начали собирать руками в корзинку выкопанный из ямы песок и относить его в сторону.

Через полчаса камень кругом очистили от земли. То была мраморная плита в половину квадратного метра. Часть плиты была разбита. С волнением они руками смели с плиты песок. Эйтан промыл камень водой, и их глазам открылись знакомые, родные изображения: семисвечник, гроздь винограда, плод граната, рог.

Долго рассматривал Хермони древний обломок, пролежавший здесь сотни, а может, тысячи лет. Чьи руки вырезали эти изображения и узоры? Что украшала эта мраморная доска?

— Это ханукальный подсвечник, папа! — воскликнул Узи. — Сохраним эту доску к Хануке!

Из леса появилась Тиква со свежими лепешками. Дети побежали ей навстречу, на бегу рассказывая о находке.

Когда вся семья принялась за лепешки, Узи сказал:

— Надо снять с доски виноград и съесть!

— А я возьму гранат, — заявила Амалия.

— Все у нас будет: и виноград, и гранаты, и финики, — сказал Хермони серьезно и тихо. — На этих холмах растут дикие плоды, значит, здесь будут расти и фрукты... Зимой мы посадим фиговые деревья и виноградные лозы.

Через три дня шатер был готов. Стены были из жердей, ветвей и хвороста, пол покрыли рогожей, купленной у бедуинов за болотом. В западной стене шатра было окно, а в восточной, обращенной к лесу, темнел дверной проем, на который навесили цветную занавесь.

Хермони и Тиква долго разглядывали свое первое собственное жилье за двадцать пять лет скитаний по стране. Эйтан украсил притолоку двери связкой дубовых жолудей. Мальши вскарабкались на крышу, уселись там и запели.

— Осторожней! — воскликнула с нежностью Тиква. — Развалите весь дом!

— Здесь можно даже плясать хору,* — кричали мальши, — шатер такой крепкий!

Пожитки с веселым шумом перенесли в шатер. Эйтан привязал два шеста к стене и укрепил полки. Тиква расставила на них посуду, горшки и кастрюли — то, что привезли с собой. В углу у двери устроили место для козы, постелив ей сухие листья и траву.

На стене против двери Хермони повесил охотничье ружье, полученное в награду за хорошую работу, и дамасский кинжал с кривым клинком — подарок за безупречную сторожевую службу.

Оставшиеся шесты Эйтан наклонно приставил снаружи к шатру и накрыл их листьями — получилось стойло для лошади.

В честь освящения дома Тиква нажарила оладий и сварила борщ из дикой зелени, собранной около источника, у подножия холма.

---

* Народный израильский танец.

Глава вторая

ПЕТУХ ПОЕТ — ЗНАЧИТ, ЗДЕСЬ ЖИВУТ ЛЮДИ

К югу от холма, где поселилась семья Хермони, в часе ходьбы, проходила железная дорога. Вдоль нее, подобно серебристой блестящей нитке, извивалась речка Дебора, а позади вздымалась к небу гора Кармель. На востоке распростерлась широкая Изреэльская долина — там разбросаны недавно созданные еврейские поселения. Самые близкие к холму поселения назывались Кишона и Алона — два мошава, в которых жили многие товарищи Хермони по сторожевой службе.

На западе и севере лежали леса, охранять которые должен был Хермони. За этими лесами расположены были еще более густые леса, уже много лет принадлежавшие другому еврейскому обществу. На юге лес упирался в длинный ряд голубоватых холмов, между которыми темнели долины и котловины, красиво вырезанные, словно созданные рукой человека. Земля в долинах была очень плодородная, непаханная в течение сотен, а то и тысячи лет. Нагромождения серых каменных глыб, как проказой пораженных сырыми, мшистыми лишайниками, покрывали землю. Заросли диких колючих растений покрыли сотни и тысячи дунамов. То здесь, то там видны были заросли шезафа и дикого артишока, а несчетные бугорки кротовых нор только усиливали пустынность и дикость пейзажа. С восточной стороны, близ родника, была круглая котловина; вода пропитала ее насквозь и превратила в болото.

Камыш и тростник густо росли в этой маленькой долине. Почва была унавожена пометом от мелкого рогатого скота, приходившего сюда на водопой. Тучи комаров кружились над болотом, наполняя воздух беспокойным жужжанием и наводя тоску и уныние.

В одно прекрасное утро Хермони и Эйтан, захватив хлеба и воды, отправились обследовать местность с картой Еврейского национального фонда Границы

на карте не были обозначены, но, продвигаясь вперед, они убедились в том, что все вокруг — холмы и долины на восток и на юг от леса — отданы под их наблюдение.

Много часов спускались они с холмов в долины и снова подымались на холмы. Глаза их покраснели от напряжения, но они никак не могли наглядеться на чудесные виды: четко очерченные холмы, круглые и продолговатые долины, красивые котловины и множество пещер, превращенных в склепы древних кладбищ.

В одной долине, в часе ходьбы от их шатра, они наткнулись на фиговые деревья. Подойдя ближе, они обрадовались, как малые дети: деревья гнулись под тяжестью плодов. С жадностью усталых путников они набросились на это неожиданное богатство — ели фиги и радостно смеялись.

Был полдень. Солнце стояло над головой. Усталые от долгой и трудной ходьбы, они прилегли в тени деревьев и наслаждались приятной прохладой и тишиной. Долина, притаившаяся в стороне от главной дороги, не привлекала ничьего внимания. Деревья вольно росли, напоенные росой и солнцем.

— Здесь, — сказал Хермони торжественно, и его усталое, в морщинках, лицо засияло, — здесь будет наш дом, наше хозяйство. Все эти маленькие долинки принадлежат нам. Земля плодородная, она даст нам вдоволь хлеба. Посмотри на эти фиговые деревья — ни один человек еще не срывал их плодов. А как много на них фиг!

Отец и сын напились воды, принесенной с собой, собрали полную корзину фиг и, немного отдохнув, распрощались с гостеприимной долинкой.

На всей территории, что прошагали с утра, они не встретили ни одной живой души. Лишь трусливые зайцы нет-нет да показывались из-за кустов, а потом они убегали смешными длинными прыжками. Раза два или три попалось им семейство газелей; животные долго и удивленно смотрели на них, прикрыв собою детенышей. Затем они легкими прыжками убегали, скрывались в зарослях, оставляя следы своих маленьких копыт.

День клонился к вечеру, когда они вошли в настоящий дремучий лес. Хермони, родившийся и выросший в лесах восточной России, ахнул от восхищения: за двадцать лет блужданий по стране он не видел такого леса! Не эвкалиптовые рощи, в которых больше

солнца, чем тени, и не заросли на горе Кармель — здесь было совсем другое! Толстые, крепкие дубы раскинули свои огромные ветви, старые рожковые деревья, увешанные плодами, тянулись вверх, масличные гиганты преграждали путь.

Хермони на мгновение зажмурил глаза и вспомнил себя маленьким мальчиком в лесу своей старой родины. Дыхание его участилось. Зачарованный, смотрел он вокруг и не верил. Неужели есть такой лес в нашей стране, в Эрец Исраэль? И есть ли люди, знающие это?

— А чего только не болтают про Эрец Исраэль! Говорят: земля, мол, наша непригодна для леса, — сказал громко Хермони и засмеялся.

Эйтан, собиравший рожки, подбежал к отцу и взглянул на него удивленно. Хермони схватил его своими сильными руками, подбросил вверх и радостно воскликнул:

— Какой у нас чудесный лес! Какое богатство! Как я счастлив, что вернулись ко мне дни моего детства!

Эйтан громко смеялся, не зная, правда, чему отец так рад. Когда улеглось возбуждение, перед глазами Хермони предстала иная печальная картина: дубы, множество дубов, тяжелые ветви которых жестоко отрублены, а открытые раны гнили; деревья, безжалостно изуродованные пилой; голые кусты, обглоданные мелким скотом. Тут и там чернели заброшенные угольные печи. Земля была покрыта слоем ветвей. Сердце Хермони сжалось, радость исчезла.

— Вот как берегут наши соседи это богатство, — вздохнул он, — вот как уважают они деревья, дающие тень этой сухой, обожженной земле...

Спустившись с лесистых холмов, они услышали лай собак. Через несколько минут они оказались в небольшой котловине меж холмами; там стояло около десятка черных палаток. Дым стлался между ними, раздавался плач детей. Не успели они подойти, как стая больших, грязных псов окружила их со всех сторон, угрожающе рыча и скаля острые, волчьи зубы. Эйтан испугался не на шутку и начал пятиться. Хермони стал, покраснел от напряжения и сердито велел сыну остановиться. Эйтан остановился, весь дрожа. Собаки наседали на него со всех сторон, готовые вцепиться и растерзать. Осторожно приблизившись к сыну

и не спуская глаз с собак, Хермони взял Эйтана за руку.

— Стой, не двигайся, — сказал он твердо, — они тебя не тронут.

Собаки громко рычали, лаяли, прыгали вокруг, как бешеные.

Из палаток вышло несколько женщин и стариков, осмотрели пришельцев и остановились в ожидании.

— Эй вы, люди, отзовите собак, — крикнул Хермони и нетерпеливо помахал рукой, — мы не воры!...

Один старик неспеша направился к ним, поднял с земли ветку и с проклятиями и руганью бросил ее в собак. Те злобно оглянулись на него и стали отступать с тихим рычанием.

Хермони и Эйтан подошли к палаткам. Отец поблагодарил старика и приветствовал его по-арабски. Одетые в черное женщины с украшениями на голове из золотых и серебряных монет поспешно скрылись. Лишь глаза их сухо поблескивали в дырах и прорезах больших черных шерстяных платков, наброшенных на жерди палаток. Куча крикливых детей расхаживали гольшом, как мать родила. Грязные, со спутанными, нестриженными волосами и печальными глазами они окружили Хермони и Эйтана. Их вздутые животы торчали, похожие на полные бурдюки.

— Бакшиш, хаваджа, бакшиш!* — заговорили они хором и, прикрывая лицо от солнца локтем, тянули гостям вторую руку.

— Ялла!* Вон отсюда, щенки! — прикрикнули на них старики, отгоняя их полами своих плащей, — ялла, ялла!

Один из стариков пригласил гостей войти в открытый большой шатер, указал им на рогожу на земле, попросил сесть и поклонился им несколько раз. Затем, прошептав благословение, поцеловал концы своих пальцев.

— Жарко сегодня, хаваджа, — вежливо произнес старик.

— У вас прохладно, — сказал Хермони, улыбаясь.

— Вы, наверное, пришли издалека, — сказал другой старик и закашлялся.

---

* Подарок, господин, подарок (араб.).

* Ступай (араб.).

— Ваши собаки, как волки, — Хермони отвлек их внимание на другую тему и указал на Эйтана, все еще Аллах и Мухаммед, пророк его.

— Мы пастухи, хаваджа! — оправдывались старики. — Собаки — наша защита, да будет благословен Аллах и Мухаммед, пророк его.

— Разве ты не узнал меня, хаваджа? — спросил старик, прогнавший собак.

Хермони посмотрел на него и воскликнул:

— Э, да ведь ты шейх Саид, ты привел нам нашу козу несколько дней назад!

Старики засмеялись.

— Это он, это он! — загомонили они. — Да будет разрушен дом его детей! Нет Бога в их сердцах...

В костер, тлевший посреди шатра, подбросили веток, и огонь запылал. Дым медленно поднимался, щипал глаза.

— Опусти голову, — сказал Хермони Эйтану, — тогда дым не будет тебе мешать.

Старики подвесили над огнем флягу, закопченную снаружи и внутри. Шейх Саид взял большую деревянную ступку, обитую медными гвоздями, насыпал туда обжаренные зерна кофе и большим тяжелым пестом стал дробить их быстро и с перерывами, ударяя каждый раз пестом по краям ступки, издававшей глухой звук.

И вот уже в маленьких и щербатых чашечках задымилось горькое, едкое кофе. Дети окружили шатер со всех сторон и, голодными глазами провожая каждый глоток кофе, ждали остатков.

Собаки тоже подобрались поближе к шатру, улеглись в тени, ловили мух и зевали. Когда закончилось кофепитие, развязались языки. Старики говорили сдержанно и осторожно. Из их скупых слов Хермони узнал кой-какие важные подробности. Они — малая ветвь большого арабского племени туркманов, и они кочуют в районе горы Кармель. Они пастухи, и у десяти семей в их роду около трехсот голов скота. Юноши пасут скот в лесу, в двух-трех часах ходьбы отсюда. Ежегодно они платят налог лесному сторожу.

— Разве здесь есть лесной сторож? — осторожно осведомился Хермони.

— Конечно, хаваджа! — в один голос ответили

старики, — уже много лет он сторожит эти леса. Он сириец и христианин, зовут его Абу Наами.

— А много ли пастухов в лесу, кроме ваших людей? — обратился к старикам Хермони после короткого молчания.

— Много, хаваджа! Лес большой, в нем много пастбищ для скота, — ответил шейх Саид, широко поводя руками.

— И все ему платят налог? — спросил Хермони с наигранной наивностью.

— Ух, не только пастухи, хаваджа, — вскрикнули старики, — но и угольщики тоже платят. Он продает дрова в городе и наживает золото, как песок да будут прокляты его дни! — закончили они.

Наступило долгое молчание. Лишь крикливые голоса детей откуда-то доносились — они ссорились из-за остатков кофе в чашечках.

— Продайте несколько кур, — предложил наконец Хермони старикам.

— Хорошо, хаваджа.

— У вас в городе даже кур нет? — спросил, смеясь, один старик.

— Да он же из кибуца, — прервал старика шейх Саид, — разве ты не видишь? Он загорелый, и руки у него крепкие, он целый день на солнце.

— Соседями будем, — коротко прибавил Хермони.

Старики переглянулись, и один сказал, кивнув головой:

— Иншалла, хаваджа, ахален весахален,* не наша это земля. Мы слышали, она принадлежит евреям.

Шейх Саид слегка приподнял занавеску в женскую половину и что-то шепнул.

Одна женщина вышла, крикнула детей, и они все вместе поймали двух коричневых кур и золотистого петуха и красными тряпками связали им лапки.

— Бери, хаваджа, в подарок! — сказал шейх Саид, протягивая Хермони птиц в плетеной корзине. Ничего, вернете нам птенцов, иншалла!...

Хермони отказался наотрез, спросил, сколько надо платить.

— Сколько дашь, хаваджа, — снова засмеялся шейх Саид, — мы не торговцы.

— Скажи цену, — настаивал Хермони на своем.

---

* Дай Бог, господин, добро пожаловать (араб.).

— Если так, поговори с нею, — ответил шейх Саид и указал на женщину, принесшую кур.

Хермони подошел к ней, спросил цену и заплатил. Потом протянул руку старикам, поблагодарил их за гостеприимство и направился к выходу. Старики вышли проводить гостей и отогнали собак, снова начавших было рычать и лаять.

— Приходите к нам... — вежливо пригласил стариков Хермони, — мы построили большой шатер на холме, около источника.

— Какой это источник? — спросил один из них.

— Тот, что к востоку от леса, — ответил Хермони, — где пастухи поят скот.

— Ах, да, да... — подтвердил шейх, — пастуший родник.

Они расстались дружелюбно, Хермони с Эйтаном опять углубились в лес. Солнце уже село, и в лесу стало темно. Птицы завели свою вечернюю песню. Хермони нес кур и петуха, а Эйтан тащил корзину с фигами и рожками.

Уже в лесу, далеко от стоянки пастухов, Эйтан вдруг спросил:

— Как называется наш источник, папа?

— Эйн-Роим, пастуший родник. — Так называют его арабы. Тебе нравится так называть наше место, Эйтан?

— Да, папа, — задумчиво ответил Эйтан. — Эйн-Роим, хават Эйн-Роим.*

Наступила ночь, когда они вышли к своему шатру. Тиква седлала лошадь, малыши стояли на холме и всматривались в даль. Тиква не на шутку волновалась, она собиралась ехать на поиски. Едва завидев Хермони и Эйтана, маленькие бросились им навстречу с радостными криками. Тиква тоже радостно вскрикнула и пошла к ним. Хермони обнял всех и показал подарки: Тикве — птиц, а малышам — фиги и рожки.

Настроение у всех было приподнятое. Малыши прибавили веток в костер, горевший невдалеке. Огонь запылал сильнее и выше и осветил все кругом. Хермони и Эйтан развалились у костра, опершись на локти. Тиква подала ужин из козьего молока и зелени.

Поделившись впечатлениями о минувшем дне,

---

* Ферма Пастуший родник (иврит).

Хермони похвалил окрестность — и красивая, и плодородная. Дикие фиги всех радовали. Малыши прерывали разговор многочисленными вопросами. Эйтан пообещал им повести их завтра собирать фиги и, конечно, лазить на деревья.

Тиква очень рада была подарку.

— Птица дома — радость в доме, — сказала она со светлой улыбкой. — Петух поет, — значит, здесь живут люди.

Дети, перебивая друг друга, рассказывали о вкусном хлебе, выпеченном в новой печи, о козе, что щипала траву на зеленой лужайке около родника, о мелком скоте, бродившем в долине. Вечер прошел радостно и весело. Лишь в полночь погасили костер, завели лошадь в стойло, а козу затащили в шатер. И с чувством сладкой усталости все улеглись спать.

Глава третья

АМАЛИЯ И УЗИ ИЗОБРЕТАЮТ

Хермони и Эйтан начали строить хлев для козы и курятник. Они выбрали для этого самую близкую пещеру. В ней было много сухого навоза. Туда вела узкая и низкая щель, которую они замаскировали ветвями, чтобы скрыть пещеру от чужого глаза.

Хермони копал и взрыхлял затвердевший навоз, а Эйтан выбрасывал его наружу. Острый запах гнили и сырая духота заполнили пещеру, даже дышать стало трудно. То и дело приходилось прерывать работу и выходить наружу, чтобы перевести дух на свежем воздухе. В навозе попадались рога, осколки глиняных дудок, обожженные головни — остатки пастушьих костров, горевших здесь в долгие, зимние ночи.

Узи и Амалия пасли козу в долине около источника. Перочинным ножом Узи срезал у самой воды длинный камышевый стебель. Проволокой проковырял его по всей длине и, пустив стебель в источник, пил воду, громко смеясь и радуясь своему изобретению. Амалия тоже срезала два стебля и продырявила их проволокой, вставила один в другой и тоже стала пить из источника. Но тут Узи изобрел что-то новое: набрал через стебель полный рот воды и, надув щеки, обрызгал сестру тонкой струей. Это развеселило обоих. Они брызгались, смеялись и радовались.

Вдруг лицо Узи стало серьезным, он прекратил игру и спросил:

— А что, если мы соединим много камышей, и у нас тогда будет длинная-длинная труба...

Амалия вынула стебель изо рта, подумала и со сверкающими глазами сказала:

— Тогда мы сможем довести воду до самого нашего шатра.

— Давай быстрей, — подгоняли они друг друга, — посмотрим!

Узи быстро срезал ножом длинные, толстые стебли, а Амалия старательно продырявила их. Они

заготовили много стеблей и соединили их друг с другом. Получилась прочная труба, но вода все же просачивалась. Тогда они обмотали места соединения тряпками. Оба забыли о козе и не заметили, как солнце поднялось высоко и стало припекать. Увлеченные и вспотевшие, они не прекращали соединять камыши.

Вдруг их позвали. Они с досадой оторвались от дела и посмотрели на приближающегося Эйтана. Подойдя вплотную, он наткнулся на длинную трубу и вопросительно взглянул на детей.

— Зачем вам такая длинная труба, глупышки? — спросил он с иронией.

— Провести воду наверх, — закричали оба наперебой.

— Не хватит у вас сил для этого.

Но тут он быстро поднялся на ближайший бугор и стал осматривать их холм. Сердце его запрыгало. Прекрасная идея блеснула в голове: ведь так можно провести воду к шатру и не нужно будет таскать ее ведрами! Он сбежал к детям, велел им поднять трубу, чтобы прикинуть, достаточна ли ее длина. Осторожно они потянули тростниковую трубу и приподняли ее. Эйтан шагал впереди, за ним Узи и Амалия тащили трубу.

— Когда конец трубы достигнет вот этого места, — сказал Эйтан и указал на камень у самого родника, — скажите мне.

Дети кивнули. Эйтан шел, все время поворачивая голову назад. В десяти шагах от шатра он услышал:

— Стой, стой!

Труба лежала на земле. Эйтан остановился и вытер пот с лица, затем знаком позвал детей к себе.

Тиква и Хермони, ожидавшие их с обедом, вышли к ним.

— Что это за труба? — с любопытством спросили они.

— Сейчас увидите, — сказал Эйтан со сдержанной улыбкой, — сюрприз.

Потом он опустил трубу, нашел пустую банку и пробил в ней внизу дырку. Захватив ведро, он бегом бросился к источнику, Хермони и Тиква удивленно смотрели ему вслед.

— Что-нибудь с козой стряслось? — испуганно спросила Тиква.

— Нет! — ответил он ей и помахал рукой, — сейчас увидишь, мама!

— Поставьте миску у конца трубы! — крикнул Эйтан малышам, стоявшим на холме.

Узи побежал за миской и поставил ее, как велел Эйтан. Хермони и Тиква подошли к нему и спросили настойчиво и тревожно:

— Узи, где коза?

Дети только сейчас спохватились, что нет козы и кинулись искать ее.

— Да вот же она! — радостно закричал Узи, указывая на большой олеандровый куст, в тени которого паслась коза.

— Вода, вода! — вдруг закричала Амалия, прыгая на месте и хлопая руками, — все вышло! На нашем холме есть вода!

С восторженным любопытством смотрели Хермони и Тиква на тонкую струйку воды, бежавшую из тростниковой трубы в подставленную миску.

— Кто придумал это? — с восхищением спросил Хермони.

— Мы! — хором ответили Амалия и Узи. — Чтобы тебе не нужно было таскать воду!

Тиква была счастлива. Хермони схватил обоих малышей, подбросил их вверх и прижал к груди. Помахав рукой Эйтану, стоявшему у другого конца трубы, Тиква крикнула:

— Вода! Есть вода!

Эйтан побежал к источнику, набрал ведро воды и вылил ее в банку, от которой отходила труба. Потом, отбросив ведро, бегом пустился к шатру.

— Ура! — крикнул он и запрыгал от радости. — Да здравствуют изобретатели!

Он опустился на колени, потянул губами воду из миски и воскликнул:

— Ну и здорово же!

Когда все сели обедать, малыши с гордостью рассказали историю их изобретения, и все громко смеялись.

— Со временем мы заменим тростники железными трубами, — обещал им Хермони.

— Мои инженеры! — повторяла Тиква, ласково глядя на них, — вы заслужили награду, после обеда мы пойдем за фигами.

Под вечер Тиква с детьми взяли корзины и отпра-

вились в лес. Эйтан показал им, как удобней всего добраться до фиговой рощи. Потом он взялся за усовершенствование водопровода. Он укрепил места соединения чистым полотном и перетянул их веревкой. Затем вкопал в землю около шатра небольшой бочонок и опустил туда конец трубы. Маленькую жестяную банку у другого конца он заменил большой. Теперь вода, которую он подавал из источника в большую жестяную банку, без задержки проходила вдоль всей трубы и наполняла бочонок.

— Ну вот, несколько раз в день можно будет наливать бочонок. Воды теперь вдоволь!

Хермони тем временем приспособил пещеру под хлев и курятник. Очищенная от навоза и хорошо вымытая, пещера превратилась в сводчатую сухую комнату. В стены он вбил несколько кольев, навесил жерди птицам для ночлега и смастерил калитку из прутьев.

Поближе к вечеру, постелив в одном углу сухие листья, он загнал в пещеру козу и кур и, выйдя, по-хозяйски привалил к двери большой камень. Куры с кудахтаньем взлетели на жерди, а коза нашла свой угол и с удовольствием легла на пахучие листья. Хермони еще раз взглянул сквозь щели на свою живность и, довольный, ушел.

На их холме стоял Эйтан, который, защитив глаза от солнца ладонями, смотрел на маму и малышей, идущих из фиговой долины с полными корзинами.

Солнце заходило за гору Кармель. Тяжелая тень как бы двигалась из засады и медленно накрывала мир. Наступил вечер.

Вдруг Эйтан сорвался с места и побежал навстречу Тикве и детям. Хермони тоже пошел им навстречу. Тиква и дети подходили, сгибаясь под тяжестью корзин. Их лица и одежда были покрыты серой пылью, но глаза сияли.

— Папа, — закричали дети, — там много-много фиг! Мама говорит, что нам хватит на все лето, и мы даже сможем насушить их на зиму!...

Хермони и Эйтан взяли корзины и быстро зашагали обратно. Стало совсем темно.

Эйтан развел костер и поставил вскипятить воду. Все молча уселись вокруг огня. Высоко в небе зажглись красные и желтые звезды. Некоторые из них срывались и неслись в пустоту, оставляя за собой по-

лоску света. На вершине горы бледнел серп луны, окруженный тусклой каймой. Воздух был недвижим...

Хермони и Эйтан работали в долине у источника. Большими мотыгами они вспахивали землю и очищали ее от зарослей дикого кустарника, подготавливая участок под овощи. Мальши пасли козу, срывали красные и черные ягоды ежевики и жадно ели. Они часто бегали к источнику напиться и вертелись вокруг Хермони и Эйтана.

Каждое такое появление детей вызывало смех — их лица и руки были черны и красны от ягод. Они показывали фиолетовые зубы, строили забавные гримасы, и все весело смеялись.

Отец и сын упорно работали: они уже выдернули из земли кучу диких кустов и колючих растений, чьи длинные и разветвленные корни почернели под лучами солнца. Пот катился градом с их лиц, рубашки взмокли.

Послышался громкий лай — пять собак бегом спускались с холмов. За ними тянулось большое стадо, сопровождаемое несколькими пастухами. Овцы шли длинной колонной, пряча головы одна в курдюке другой и спасаясь таким образом от жгучего солнца. Долина наполнилась блеянием и густой пылью. Пастухи кричали, свистели и горланили.

Хермони и Эйтан облокотились на рукоятки мотыг и позвали малышей поближе к себе.

Овцы бегом спустились к источнику и, толкая друг друга, приникли к воде. Пастухи открыли свои лица, закутанные грязными кефиями* и с любопытством и удивлением глядели на Хермони и Эйтана.

— Шалом!... — бросил один из них после короткого молчания.

— Итфадалу** — движением руки Хермони пригласил их сесть. Двое приблизились и опустились на зеленую траву, поджав под себя ноги. Двое других остались стоять невдалеке, бросая подозрительные взгляды на незнакомых им людей.

— Откуда вы, пастухи? — спросил Хермони, протягивая им ежевику.

— Из лесу, хаваджа.

---

* Большой платок на голове (араб.).

** Пожалуйста (араб.).

— Вы из бедуинов туркманов?

— Так...

— А что вы делаете здесь, хаваджа? — спросил один из пастухов.

— Да вот мы вырвем этот колючий кустарник, — усмехнулся Хермони, — вспашем да посадим немного овощей для семьи...

— Скот потравит это, хаваджа, — сказали пастухи, сидевшие около него, — жалко твоего труда, видит Мухаммед...

Лицо Хермони стало серьезным:

— Это наша земля и вам придется следить за овцами, чтобы не портили огород.

— А источник тоже твой? — глядя в землю, спросили стоявшие поодаль пастухи.

— Вода от Бога, — сказал Хермони, подняв руку к небу. — Бесплатно дает Бог воду человеку и животному.

— Правильно, хаваджа! — воскликнули пастухи, поедая ягоды.

— Ты хочешь поселиться здесь, хаваджа? — спросил стоявший вдалеке.

— Мы уже построили дом на холме и живем там, — ответил Хермони.

— Зачем здесь, хаваджа! — сказал один из сидевших, — здесь много комаров. Клянусь Аллахом, здесь лихорадка, умрете...

Хермони подумал немного и сказал спокойно:

— Во всем Мерж ибн-Амир* были болота, и лихорадка убивала людей. Пришли евреи, осушили болота — и все живы и здоровы... Мы осушим болота, проведем бетонные каналы, и вода напоит скот и оросит землю.

Пастухи обменялись удивленными взглядами.

— Тебе принадлежит вся эта земля, хаваджа? — спросил один из стоявших, затем они подошли поближе и тоже уселись рядом с Хермони.

— Нет, друг, я лишь охраняю эту землю, — ответил Хермони, описав в воздухе круг рукой.

— И леса охраняешь тоже?

— Да.

---

* Изреэльская долина, Эмек Изреэль (араб.).

— А Абу Наами, хаваджа, больше не будет сторожить лес? — спросил, подмигнув, второй.

— Я не знаю этого человека, — сказал Хермони, пожав плечами. — Никто не назначал его охранять этот лес.

— А на что же его назначили? — с яростью вскочили со своих мест пастухи.

— Он должен сторожить дальние леса, те, что около Ципори, к северу от этого леса. Те леса принадлежат другому обществу.

— Да будет разрушен дом его! — сказал один из пастухов и плюнул, выражая этим презрение, — а ведь он сосет из нас кровь, как пиявка, клянусь пророком!... Пять пиастров с головы взимает он с нас за право пасти овец в лесу, да будет разрушен его дом!

Хермони сидел молча и, дружелюбно улыбаясь, смотрел на пастухов.

— А пастбище тоже от Бога, — тихо добавил он, — пусть стада пасутся сколько хотят, лишь бы не портили деревья. За дождь мы не платим Богу...

— Под твоей защитой, хаваджа! — сказал один из них с восторгом, — нет подобного тебе, клянусь Аллахом! Старики наши, у которых ты был в лесу, сказали, что ты молодец, да благословит тебя Бог!

Хермони пожал каждому руку и сказал:

— Мой дом — ваш дом, будем друзьями! Мы не пришли сюда делать зло кому-нибудь. Мы будем охранять лес от воров, угольщиков и лесных вредителей.

Овцы напились и медленно разбрелись в поисках тени под олеандровыми кустами. Солнце стояло высоко, его лучи падали на землю, как раскаленные прутья. Хермони и Эйтан собрали мотыги и лопаты. Мальши тоже поднялись, позвали козу. Все направились домой.

— Возьми себе одну собаку, хаваджа, — предложили пастухи Хермони, — она будет сторожить твой дом от воров.

Хермони удивился, взглянул недоверчиво.

— Бери, бери, — уговаривали его пастухи. — Бери, клянусь Мухаммедом. — Эй, Аъяд,* — крикнули они, указывая на одну из собак.

Белая собака поднялась и подошла лениво. Оста-

---

* Белый (араб.).

новившись, она почесалась задней лапой и, размахивая хвостом, отгоняла назойливых мух. Это была небольшая собака со спутанной шерстью и маленькими ушами. На одном ухе белел рубец — след драки с другой собакой.

— Возьми ее, папа, возьми собаку! — молили дети. — Такая красивая собака!

— Хорошо, спасибо! — сказал он пастухам. — Шалом!

— Шалом, хаваджа, — ответили пастухи и поклонились. — Да пошлет тебе Бог добро, иншалла...

Эйтан обмотал веревкой шею собаки и потянул ее за собой. Собака упиралась, упрямо пятилась назад.

— Иди, иди, ялла! — крикнули пастухи. — Шалом!

Собака тоскливо и долго глядела на пастухов и пошла вверх вслед за Эйтаном. Мальши шли рядом и восторженно гладили ее.

Решено было назвать собаку Ливне — Белая. И привязали ее возле конюшни — охранять лошадь.

Глава четвертая

ЕВРЕЙ-БЕДУИН УЧИТСЯ ПАХАТЬ

Холм Эйн-Роим понемногу начинал походить на настоящую ферму. Куры копались в мусоре, кукарекал петух. Коза блеяла, собака лаяла. Маленьких построек из шестов и ветвей становилось все больше: мальши соорудили навес над плитой, собачью конуру и открытый со всех сторон «обеденный» шалаш, а вокруг бочки с водой расстелился ковер из зеленой травы.

В долине у родника был подготовлен большой участок под пахоту. Хермони со дня на день откладывал вспашку, — чтоб земля немного просохла. И он начал по-настоящему заботиться о лесе, охрану которого ему поручили. Каждое утро, на рассвете, он брал охотничье ружье и уезжал верхом на лошади в лес. Целую неделю блуждал он по утрам по лесу с картой в руках и разобрался наконец, что именно отдано под его надзор. Везде находил он следы варварского разрушения. Куски железа и разбитые бетонные сваи валялись всюду. Десять угольных печей обнаружил он в лесу. Выжигание древесного угля пользовалось, видно, особым покровительством лжесторожа Абу Наами. Десятки верблюдов, нагруженных углем, каждую неделю направлялись из леса в города страны.

Тысячи голов мелкого рогатого скота паслись в лесу без всякого присмотра. Они уничтожали кусты и молодые деревья, не давали им подняться и набрать силу.

Вскоре все пастухи в лесу узнали, что появился новый шомер, который разрешал пасти скот бесплатно и разговаривал с пастухами не как стражник или солдат, а как шейх. На всех кочевьях бедуинов, куда он заглядывал во время своих объездов, его принимали с почетом, варили кофе. Повсюду предлагали ему подарки, заклиная его при этом Богом и пророком, чтобы он принял их. Но Хермони глядел с улыбкой, благодарил и ничего не брал.

— Меня направили сюда, чтобы следить за лесом, а не брать подарки. У меня, благодарение Богу, есть все, что нужно моей семье. А ваше пускай остается при вас.

И предлагавшие подарки не обижались, они удивлялись трудолюбию этого шомера и его доброму сердцу. Постепенно они сочинили о нем рассказы и небылицы — в меру их фантазии.

Запустение вокруг угольных печей вызывали возмущение Хермони. Большинство феллахов-угольщиков были из далеких мест; Абу Наами привел их сюда, чтобы набить за их счет свои карманы. Вначале угольщики взбунтовались против Хермони, они угрожали ему судом и страшной местью Абу Наами. Но затем, убедившись в его мужестве и порядочности, видя, что он не боится их угроз и не обращает внимания ни на их уговоры, ни даже на обещания поделиться прибылью, — они согласились уйти, если он вернет им плату, которую они уплатили Абу Наами за целый год вперед. Хермони спокойно смотрел на них и отвечал:

— Требуйте ваших денег у человека, которому вы дали.

Каждому Хермони установил срок в десять дней или две недели — за это время угольщики должны были собрать свои пожитки и убраться восвояси...

Один из угольщиков, черный старик, покрытый угольной пылью так, что трудно было определить, человек ли он или неизвестное еще науке существо, припал к ногам Хермони и завыл:

— Пожалей, отец, именем пророка! Оставь нас в покое, все мы несчастные! Будем вместе есть хлеб. Возьми денег с каждой печи, отец!

Хермони вынул мелкую монету и бросил ему.

— Пойди, купи на грош мыла и хорошенько вымойся, дедушка, — сказал ему Хермони с насмешкой. — Поезжай домой пахать свою землю и сеять.

Лето приближалось к концу, в небе появились небольшие, легкие облака. Вечерами уже чувствовалась прохлада. Перепела прилетели. Длинные, хрупкие побеги вышли из больших луковиц в земле Эйн-Роима и покрылись белыми, блестящими цветами. Окраска серых холмов изменилась. Дети собирали раскрывшиеся цветы, несли их в шатер, снова пропахший све-

жестью. Пастухи, приходившие к источнику, гадали по цветам и предсказывали будущее.

— Обильно растет в этом году морской лук — значит, будет дождливая зима, иншалла, благословенный урожайный год.

Тиква с детьми были заняты заготовкой на зиму. Каждое утро они отправлялись в фиговую долину, собирали полные корзины фиг и рассыпали их на крышах шалашей. Там фиги сушились под лучами солнца, потом их нанизывали на нити и укладывали в ведра при свете костра. Даже Эйтан и Хермони помогали. Вечера, свежие и приятные, проходили незаметно. Каждый рассказывал о минувшем дне, каждый предлагал что-нибудь новое на завтра. И все вместе мечтали они о своем зарождающемся хозяйстве, о будущем.

Хермони и Эйтан пахали участок, который они очистили от камней и корней в долине, где журчал родник. Пахать было трудно, сказывалась их неопытность.

Хермони вот уже двадцать пять лет жил в сельскохозяйственных поселениях, но никогда не ходил за плугом.

— Я ходил следом за пахарями, — оправдывался отец перед сыном, — но я ведь только охранял их от арабов. Был я бедуином, и плуг меня пугал, хотя и тянуло меня к нему... Но ничего, Эйтан! Мы своего все равно добьемся. Возьми-ка ты вожжи, а я возьмусь за плуг...

Но как только Хермони всей тяжестью своего тела налег на рукоять, плуг опрокинулся и лемех выскочил из борозды. Хермони свалился на черные, влажные комья и расхохотался над собственной беспомощностью.

— Не нажимай на ручки, — смущенно смеялся Эйтан, словно оправдываясь, — нужно направлять весь плуг!

Пастухи, поившие скот у источника, с любопытством наблюдали за евреями-землепашцами. Подойдя поближе, они начали давать советы.

— А ну, возьми ты! — крикнул Хермони нетерпеливо и передает плуг одному из них.

Но не успел тот взяться за ручки, как плуг опрокинулся и ударил пастуха по ноге. Все дружно захохотали.

— Я бедуин, — оправдывался пострадавший, — я не феллах.

— Я тоже двадцать пять лет был бедуином, — пробурчал Хермони.

— Клянешься Мухаммедом?

— Богом!

Однажды ночью людей Эйн-Роима разбудил лай. Взволнованное кудахтанье донеслось из курятника. Хермони, как всегда, спал одетый. Он схватил охотничье ружье и выскочил из шатра. Вся окрестность была покрыта тяжелым туманом, тишина стояла вокруг. Лошадь переступала ногами в своей конюшне, костер горел слабым пламенем., глухое шипение едва доносилось из горячей золы. Собака стояла настороженно, и ее острые уши были повернуты к курятнику. Хермони направил в ту сторону ружье и, крадучись, спустился с холма. Вход в пещеру был закрыт, внутри царила тишина. Только коза во сне коротко и умиротворенно издавала какие-то звуки. Хермони долго стоял, внимательно вглядываясь в темноту. Дул легкий, сырой ветерок, вызывая дрожь в теле... Ничего подозрительного Хермони не заметил и вернулся в шатер.

— Ты заходил в пещеру? — спросила его Тиква, поворачиваясь на другой бок.

— Там все в порядке... — буркнул Хермони и опустился на свою лежанку.

Рано утром пошли мальши выгнать козу на пастбище, но через минуту вернулись с криком:

— Папа, одна курица валяется в курятнике без головы, а другая вся в крови!

Все в тревоге бросились к пещере. Одна кура валялась на земле, а другая, с вывихнутыми крыльями и выдернутыми перьями, напуганная насмерть, дрожала и кудахтала в темном углу пещеры.

Хермони глядел на эту картину, и совесть грызла его. Глаза Тиквы наполнились слезами. Эйтан поднял мертвую куру и осмотрел ее горло с большим вниманием.

— Здесь была куница! — воскликнул со злостью Эйтан. — Вот дыра, через которую она влезла!

Все повернулись и увидели подкоп и горки свежего песка около входа. Молчаливые и огорченные, они сели завтракать. Потом Тиква взяла раненую куру, промыла водой искалеченные крылья, перевязала их. Смотрел на нее Хермони с жалостью, он сознавал свою вину: почему поленился заглянуть в пещеру!

На следующую ночь Хермони не ложился спать. Он вошел в пещеру, закрыл плотно калитку и устроился в уголке. В пещере было тепло и приятно. Кура и петух сидели на шесте и дремали, свесив головы. Время от времени они просыпались с нервным кудахтаньем. Коза преспокойно дремала в своем углу. Хермони стоял на коленях с ружьем в руках. Время тянулось медленно, очень хотелось спать. Бессвязные воспоминания прошлого проносились перед ним вместе с мечтами о будущем.

Внезапно до его слуха донесся легкий шум со стороны входа. Петух проснулся в ужасе, а за ним и курица. Коза насторожила уши и нервно задышала. Кура начала оглушительно кудахтать и прыгать с шеста на шест. Хермони напряг зрение. Что-то шевелилось около подкопа. Слышно было глухое царапание и дыхание какого-то живого существа.

Хермони положил палец на курок. Царапание на миг прекратилось...

Трах! Сверкнула молния, и запах пороха наполнил маленькую пещеру. Коза рванулась из своего угла и начала чихать. Птицы забились, задергались, захлопали крыльями. Хермони чиркнул спичку и шагнул к подкопу, но не увидел ничего; толкнул калитку и выскочил наружу. Невдалеке от пещеры валялось маленькое, окровавленное животное. Тиква и Эйтан бежали на звук выстрела. Хермони взял куницу за хвост, и все поднялись на холм. Эйтан бросил веток в костер, и все увидели мертвого зверька с большим длинным хвостом. В разбитой пасти блестели мелкие, очень острые зубы.

— Теперь куры смогут жить спокойно! — сказал Хермони и облегченно засмеялся.

Участок под огород все-таки одолели. Два дунама вспаханной земли жирно чернели на фоне серой долины. Вода свободно бежала в перерезавшей долину канаве.

Как-то вечером Хермони предложил Эйтану съездить верхом в поселок Алону — там жили его товарищи по сторожевой службе — и купить овощную рассаду для огорода. Эйтан обрадовался поручению и рано утром пустился в дорогу, захватив с собой мешок и корзины для рассады. Хермони назвал ему имена своих друзей в Алоне и показал дорогу. С их холма

можно было разглядеть вдалеке Алону — зеленое, большое село с высокой водонапорной башней.

Мальши проводили брата до подножия холма, таинственным шопотом давая ему наказ:

— Привези ты нам, пожалуйста, зайчиков, там их очень много...

Эйтан потянул узду, причмокнул и поскакал галопом по широким, сухим, диким полям.

— Привези нам зайчиков! — прокричали дети ему вслед. — Ты слышись!?

Эйтан повернулся на скаку и махнул им рукой.

Лошадь шла ровным галопом — она застоялась в конюшне, просила поводьев. Хорошие денечки сторожевой службы, наверно, вспомнились ей, и с веселым ржанием легко неслась она вперед. Ее густая грива развевалась на ветру, а хвост вытянулся в струну.

Эйтан пригнулся к лошади и закрыл глаза. Солнце мягко пригревало, а прохладный, утренний ветер ласково обвевал лицо. Жаворонки мелькали над головой и распевали свои нехитрые трели. Быстро миновал Эйтан поля кукурузы и дурры,* время от времени он оборачивался назад. Холмы Эйн-Роима таяли в синей дымке и скоро скрылись из вида.

Земля стала вязкой и мягкой, и вскоре показалось болото мошава Алоны. Эйтан придержал лошадь, она замедлила шаг. Вот опять большое кукурузное поле мошава, за стеблями не видно лошади со всадником.

— Поля Алоны, — подумал Эйтан, — а возле нашего источника кукуруза будет еще выше.

Оглушительным шумом встретило Эйтана село. Жужжание наполняло воздух, ревел мощный мотор. Столбы пыли неслись из центра села подобно облакам дыма, и слышались беспорядочные крики.

Эйтан подъехал ближе. Это было гумно. Сквозь завесу дыма вырисовывались ряды хлебных скирд, уложенных в строгом порядке. Между скирдами проведены были плугом широкие борозды — защита от пожара. Для той же цели стояли там бочки с водой. У ограды гумна Эйтан остановил лошадь и спешился.

Работа была в разгаре. Ловко и быстро люди поднимали вилами снопы и валили их в большие желоба, вдоль которых скользила зубчатая цепь, а она увле-

---

* Вид сои.

кала снопы за собой. Вокруг молотилки сновали люди, покрытые серой пылью. Вилами и граблями люди отгребали солому и сечку, вылетавшую из машины. Несколько человек тащили мешки с зерном и грузили их на телегу, стоявшую в стороне. Работа кипела. Каждый спешил и торопил своих товарищей. Лица работавших были запылены, одежда мокрая, а большие широкополые шляпы на головах напоминали крылья летящих птиц. Некоторые были в темных очках, защищающих от солнца и пыли.

Толпа детей шла к гумну с мисками и горшками. Когда они подошли ближе, раздался протяжный свист. Работники радостно замахали руками детям, машина замедлила ход, ее кожаные ремни, прежде неразличимые из-за скорости движения, теперь стали видны. Работа прекратилась, стало тихо. Все уселись завтракать в тени скирд. Спрыгнув с лошади, Эйтан привязал ее к забору, вошел на гумно, оглядываясь с опаской.

— Кого ты ищешь? — Окликнул его один из работников, сидевший у забора.

Эйтан почему-то смутился, покраснел и назвал имя человека, к которому послал его отец.

— Вот он перед тобой, — ответил работник и указал на своего соседа, сидевшего в тени соседней скирды и глотавшего кислое молоко из высокой стеклянной банки.

— Шалом! Папа просил тебя продать нам немного овощной рассады, — пробормотал смущенно Эйтан, подходя к нему.

— Кто ты?

— Эйтан.

— Какой Эйтан?

— Из Эйн-Роима...

— Откуда? — переспросил он.

— Из Эйн-Роима.

Любитель кислого молока взглянул на него удивленно и пожал плечами.

— Кто твой отец?

— Я сын Хермони! — сказал Эйтан смущенно.

— Ты сын Хермони?! — переспросил человек и с улыбкой осмотрел Эйтана с головы до ног.

— Да...

— Шалом, милый! — и человек поднялся с места, схватил Эйтана в охапку, обнял его и расцеловал.

— Это же Эйтан, маленький Эйтан, который столько раз засыпал у меня на руках!

Лицо Эйтана приняло бураковый оттенок.

— Изреэли! Бен-Дов! — крикнул человек соседям, с аппетитом уплетавшим свой завтрак, — ведь это сын нашего Хермони! Подойдите скорее получите удовольствие!

Запыленные, бородатые люди окружили Эйтана.

— Ты приехал на лошади?

— Да.

— Откуда?

— Из Эйн-Роима.

— Эйн-Роим, — удивились все. — Никогда не слышали такого названия.

— Вон там, за холмами, около леса, — тихо сказал Эйтан и указал в сторону Эйн-Роима.

— Отец и мать там?

— Да.

— Как их здоровье?

— Хорошо.

— Когда вы пришли туда? И зачем?

— Папу назначили охранять леса Еврейского национального фонда.

— Старые леса?

— Ну да...

— И вы поселились там?

— Да.

— Совсем одни?

— Папа хочет, чтобы мы жили одни, — ответил Эйтан.

Все засмеялись.

— Ну, конечно, Хермони хочет жить один, — покачали они головами.

— А почему отец не пришел поделиться с нами своими планами? — спросил один с обидой.

— Папа занят, — ответил Эйтан спокойно, — он пашет землю около источника.

— Вы что, устраиваете там хозяйство? — спросили все удивленно.

— Он пришел взять у нас рассаду, — заметил первый.

— Не взять, а купить, — поправил его Эйтан.

Тут раздался свист машины. Все поднялись со своих мест.

— Дай ему рассады, — сказал первый.

— Скажи папе и маме, чтобы они к нам приехали. У нас теперь молотьба, мы все очень заняты.

— Хорошо, — ответил Эйтан.

— Пойдем ко мне, — сказал человек, — немного отдохни, а потом получишь рассаду.

Хозяйство Галили, друга Хермони, процветало. Большой огород и фруктовый сад расположены были по одну сторону дома, и молодые фруктовые деревья гнулись под тяжестью плодов. По другую сторону виден был виноградник, с кустов которого свешивались тяжелые кисти винограда. Около коровника прохаживались голландские коровы с телятами. Двор был полон белоснежных кур леггорнов. Жена Галили накормила Эйтана и расспросила о здоровье родителей, потом Галили показал ему хозяйство, и Эйтан осмотрел сад и огород с интересом и доброй завистью.

— Давно вы здесь? — спросил Эйтан Галили.

— Восьмой год, — ответил тот, осторожно выбирая из мягкой земли рассаду кочанной капусты, цветной капусты и свеклы.

— Много лет пройдет, пока у нас будет такой огород, — сказал Эйтан с грустью.

— Терпение, милый! — успокоил его Галили, — и здесь ведь была прежде пустыня! Терпение и усердие помогли нам... Если вы будете работать как надо, то и у вас будет такое хозяйство, а может, еще лучше, отец и мать твои еще молоды, а ты уже взрослый парень, не сглазить...

В полдень Эйтан выехал домой. Теперь его лошадь, нагруженная корзинами с виноградом, рассадой и большой банкой варенья — подарок жены Галили, — шла медленно.

Малыши дожидались Эйтана у подножия холма. Недоверчиво рассматривали они привезенную братом поклажу.

— А где зайчики? — спросили они обиженно.

— Места не хватило...

— Осел! — крикнул Узи.

— Вот вам зайчики! — сказал Эйтан и бросил им грозди винограда.

— Ай — закричали малыши и с жадностью набросились на ягоды.

— Все это вам! — Эйтан продолжал бросать им виноград.

Под вечер все спустились в долину и посадили рассаду в приготовленные лунки. Взрослые сажали ее, а малыши направляли воду в канавки огорода. С криком топтались они в грязи и перепачкались основательно.

Хермони и Тиква взволнованно оглядели свой огород и, обняв малышей, работавших с ними без устали, медленно поднялись на свой холм.

Глава пятая

ГОСТИ

Тихое, приятное, субботнее утро. Легкий туман, чистый и белый, как молоко, скользит над долиной... С холма Эйн-Роим долина была похожа на море, а Табор и Гиват-Гаморе — на острова. Было прохладно. Капли росы еще сверкали на листьях и траве. Лето уходило. Первое дыхание осени касалось земли.

Мальши поднялись рано, они бегали и играли в прятки с собакой Ливне. И коза присоединилась к ним, блеяла и бессмысленно прыгала с места на место.

Эйтан спустился к источнику набрать через тростниковую трубу воды в бочку. Тиква кормила птиц. Недавно она прикупила еще несколько кур у мелкого торговца-араба, случайно забредшего в Эйн-Роим. Ласково улыбаясь, она разбрасывала курам зерно и крошки хлеба. Они толпились вокруг нее, спорили и дрались, кудахтали и пищали, толкались, разбегались и снова толпились, хватая зернышко или крошку хлеба.

Хермони чистил скребницей лошадь и расчесывал ей гриву. Он гладил ее, говорил ей ласковые слова. Лошадь повернула к нему голову, тоненько ржала и слабо била копытом. Хермони огляделся вокруг, и приятное тепло охватило его. Дети, куры, шатер и лошадь, овощи внизу, у родника, — все это наполняло его сердце радостью.

«Затея продвигается, — подумал он с удовольствием. — Понемногу обживемся, и это место станет настоящей фермой. До дождей построим постоянный барак и конюшню. Огородим весь двор от дурного человека... Получу разрешение продавать ветви и на вырученные деньги куплю зерна для зимнего посева. Большая, трудная работа ждет нас, — тихо шептал он, — надо копить силы...»

Вдруг залаяла собака и стремглав бросилась вниз с холма на запад, к лесу. Дети погнались за ней с криком. Хермони повернул голову и увидел всадника, приближающегося к холму. Лошадь гордо задирала голову, а всадник сидел на ней прямо, слегка покачи-

ваясь. То была породистая лошадь, темной масти и очень красивая. Всадник был одет в широкую абайю,* из-под которой торчало охотничье ружье.

«Абу Наами!» — молнией пронеслось в голове Хермони. Всадник подъехал близко. За ним шли дети, удерживая собаку, рычавшую на незнакомца.

— Шалом! — обратился он к Хермони, натягивая поводья.

— Шалом! — ответил Хермони и пригласил всадника сойти с лошади.

Всадник легко спрыгнул на землю. Это был мужчина лет сорока, высокий и широкоплечий. Свирепые глаза блестели на его костистом лице под маленьким и узким лбом. Длинные усы были загнуты вверх и заострены на концах, как два рога. Горбатый нос добавлял его лицу сходство с хищной птицей, злой и беспощадной. Одежда его была чистая и хорошо выглаженная. Вышитая абайя была в золотых узорах. Шелковая, блестящая кефия под черным кольцом закрывала голову. Седло лошади было украшено пестрой бахромой и глазурью дамасской работы.

Всадник подошел к Хермону и протянул руку.

— Я Абу Наами, — сказал он заносчиво и высокомерно.

— Пожалуйста, Абу Наами, — пригласил его Хермони, — садитесь и отдохните в тени.

Хермони взял из его рук поводья и привязал лошадь к шесту, потом разостлал на земле рогожу и снова пригласил гостя сесть. Тиква, выйдя из пещеры-курятника с яйцами в руках, смущенно остановилась, заметив чужого человека

— Шалом! — с деланной улыбкой обратился к ней Абу Наами и поклонился, — с добрым утром, я-сит.**

— Приготовь кофе, Тиква — сказал Хермони, — у нас гость, сторож Абу Наами.

Абу Наами привольно уселся на рогоже, подобрав под себя ноги и сложив края белой абайи, чтобы не помялась.

— Как зовут тебя, хаваджа? — спросил он Хермони, щеголяя белым платочком, которым без нужды касался лба и щек.

— Хермони.

---

* Вид верхней одежды — длинная рубаха (араб.).

** Госпожа (араб).

— Не так, хаваджа, — засмеялся Абу Наами, — как зовут твоего старшего сына?

— Эйтан.

— Итак, твое имя Абу Эйтан, хаваджа, — льстиво сказал гость, — наверное Эйтан герой, как и ты, иншалла...

Наступило молчание. Абу Наами крутил усы и пытливо всматривался во все, что было сооружено на холме.

— Известно ли тебе, Абу Эйтан, что никто здесь не поднимет руку или ногу без разрешения Абу Наами? — вдруг спросил гость, глядя в лицо Хермони испытующим взглядом.

Хермони побледнел, помолчал, потом засмеялся и сказал:

— Не в твою вотчину пришел я, Абу Наами, не в твою область!

— Как так? — Абу Наами вскочил, словно ужаленный скорпионом. — Разве ты не знаешь, что я сторож над всеми лесами и что мне подвластны все люди здесь?

— Над лесами на севере, далеко, далеко отсюда... — возразил Хермони спокойно. — А над этими лесами, принадлежащими другой компании, сторожем назначен я... И компания дала мне право поселиться здесь, — заключил он строго и серьезно.

— Ахален весахален, — воскликнул со смехом Абу Наами, вдруг изменив тон, — земля широка, леса велики и десять сторожей не уберегут их!

— Так в чем же дело? — усмехнулся и Хермони.

— Но гость не вводит тотчас же новые порядки и новые обычаи! — сердито сказал Абу Наами, — ты должен был зайти ко мне домой, попробовать моего хлеба и соли, и мы бы поговорили, как братья...

— Владельцы, поручившие мне охранять их леса, разрешили мне поступать так, как я считаю нужным, я-ахи,* — спокойно сказал Хермони, — а в лесу творится такое, словно бы сторож туда и не заглядывал никогда.

— Я, вообще-то говоря, сторожу другую часть леса, — извинился Абу Наами. Затем снова закрутил усы и далеко сплюнул.

— Как так? — удивился Хермони.

---

* Брат мой (араб.).

— Так, сторожу бесплатно, — покраснел гость и свистнул лошади, которая неспокойно стояла.

Тиква подала кофе и пряники, положила на рогожу вареные яйца и грозди винограда.

— Итфадали, я-сит, садись с нами, — пригласил Абу Наами Тикву со сладкой улыбкой, — сделай нашу беседу твоим присутствием более приятной.

Тиква села, придвинула гостю еду и питье. Гость снова вытер белым платком лицо и руки, но к еде не притронулся. Хермони взял свою чашку и сделал маленький глоток, по обычаю. Тогда Абу Наами протянул руку, унизанную перстнями, взял чашку и медленно отхлебнул кофе, глядя на Тикву тяжелым взглядом.

— Сколько ты получаешь в месяц, Абу Эйтан? — вдруг спросил он, подмигнув.

— Шесть лир... — коротко ответил Хермони.

— Мало, Абу Эйтан, мало — присвистнул Абу Наами, выражая этим свое огорчение по поводу малых доходов Хермони.

— Что делать? — тяжело вздохнул Хермони, — я и моя семья будем работать, будем пахать, сеять, вырастим хлеб и овощи. Бог поможет нам.

— Можно жить иначе, — сказал Абу Наами, яростно крутя усы, — пастухи в лесу должны платить налог за пастбище с каждой головы скота. Никакие они не несчастные, эти ублюдки, они люди богатые. А уголь — дело доходное, Абу Эйтан, — добавил гость, — поверь мне, ты сможешь жить здесь, как в раю! Зачем тебе мучиться, как презренному феллаху?!

— Не заниматься торговлей я послан сюда, — сказал Хермони после долгой паузы, — а охранять лес. Мне приказано сделать все, чтобы положить конец произволу. Ни я, ни хозяева леса не собираются разбогатеть на его уничтожении. Я послан сюда сторожить и выгнать всех тех, кто губит лес.

— Не удастся это тебе, — хитро засмеялся Абу Наами.

— Что это ты имеешь в виду? — строго спросил Хермони.

— Ты не сможешь приучить этих проклятых бедуинов к порядку, — проворчал Абу Наами, краснея.

Хермони, жуя пряник, процедил сквозь зубы:

— Я протягиваю им руку мира и дружбы. Я приказал пастухам не трогать молодые деревья и кусты,

и они обещали мне. Если не сдержат слово, я приму крутые меры, будь уверен. Угольщиков я вовсе прогнал, стыдно молчать, глядя на то, что они делают с лесом. Дерево хочет жить, Абу Наами, и я молчать не стану!

— Жаль, жаль... — бормотал гость, — оба мы могли спокойно, досыта жить здесь, Абу Эйтан! Полагаешь ли ты, что эта мертвая земля может родить что-либо, кроме татарника и чертополоха? Что ты посеешь около родника — камыш, жесткую траву, олеандр? Так ведь и это уничтожат большие стада, клянусь пророком! Жаль мне тебя, я-ахи, — театрально понизил голос Абу Наами. — Вот я гляжу на твою красивую жену, на твоих здоровых и красивых детей, да бережет их Бог. А здесь их съест лихорадка, головой своей клянусь! Ты поступил бы мудро, поселив их в Хайфе или Нацерете, и им жилось бы прекрасно! Вот моя семья постоянно живет в Нацерете, а я всегда в конце недели приезжаю к ним. Подумай-ка. Абу Эйтан, хорошенько подумай. Обрати внимание на то, что ты собственными руками бросаешь золото в мусор!.. Подумай о своей семье, о детях.

Гость замолчал и платочком вытер слюну, собравшуюся в углах рта от столь длинной речи. Его лицо и глаза покраснели. Закутавшись поплотней в абайю, он опять свистом успокоил свою лошадь.

Наступила напряженная тишина. Задержав дыхание, Тиква глядела в землю. Хермони нервно теребил кусочек соломы, выдернутой из рогожи.

— Компания не требует, чтобы я облагал налогом пастухов, — начал Хермони, — мое дело следить за лесом, чтобы его не портили. А мы не господа, чтоб снимать квартиру в городе и сидеть без дела... Мы пришли сюда работать на земле и жить трудом рук своих... Я не полицейский и не солдат, я сторож и бедный земледелец. Видишь ты эти холмы? Здесь будет наш рай через несколько лет! Вместо татарника здесь вырастут абрикосы и фиги, а вместо чертополоха — овощи и виноград. Мы пришли сюда трудиться, Абу Наами, а не торговать. И Аллах карим!* — закончил Хермони твердо.

— Раскаешься, хаваджа, — злобно бросил Абу Наами и поднялся с рогожи.

---

* Бог милостив (араб.).

— Посиди еще с нами, Абу Наами, — сказал Хермони, также подымаясь, — еще не поздно.

Гость не ответил. Сердитый и злой, он отвязал лошадь, вскочил на нее, и, не сказав больше ни слова, помчался в лес.

— Езжай с миров, Абу Наами! — с усмешкой крикнул ему вслед Хермони.

Но тот не повернул головы. Быстро скакал он прочь и наконец скрылся в лесу.

— Бандит! — сказала Тиква после долгой паузы.

— Да, трудный человек... — проговорил Хермони. — Плохой сосед... Но ты не отчаивайся, Тиква. Не беспокойся! Двадцать пять лет был я сторожем, теперь снова придется вернуться к этому делу.

Был теплый день месяца тишрей. Солнце сильно припекало, как будто хотело излить весь свой жар еще до наступления дождей. Дул сухой восточный ветер, и воздух был тяжелый, полный пыли.

Тиква пошла в Кишону купить сахару и посолнечного масла. Эйтан рубил в лесу колья для ограды, а мальши, как всегда, отправились за фигами для сушки на зиму. И собака Ливне поплелась за ними с маленькой корзинкой на шее.

Хермони удобрял участок земли под зимний посев. На одном из близких холмов он наткнулся на огромную кучу старого навоза. То был жирный навоз, богатый перегноем. На коромысле, в двух ведрах, как водонос, таскал он удобрение, и пот градом катился по его лицу и груди. Согнувшись под тяжестью ноши, он шел и раздумывал: «До пахоты осталось несколько недель. Если Эйтан будет перевозить навоз на телеге, а я таскать ведрами, то мы покроем удобрением много земли, десятки дунамов. Если посадить картофель и пшеницу в хорошо удобренную землю, то и урожай будет хороший. А что касается семян, — он постоял с минуту, выпрямился и продолжал размышлять, — да, мы поедем в Хайфу, возьмем там пшеницы для посева в долг, по векселю, до урожая... В дождливые дни будем срезать сухие ветви с деревьев для продажи, а деньги пойдут в хозяйство».

Он высыпал навоз из ведер и остановился передохнуть. Ветер разносил удобрение, и столб серой пыли несся по земле. Подолом рубахи он вытер лицо и с удовольствием осмотрел кучи удобрения, которые

уже успел разбросать. Они тянулись прямыми рядами, как солдаты. Хермони заулыбался. Невольно вспомнил он холмики земли, нарытые муравьями в лесах его родины, на востоке России. Целыми днями он копался там — собирал муравьиные яйца и продавал куколки деревенскому священнику для его канарейки. Священник с кривым смешком принимал куколки, протягивая ему медную монету, от которой исходил запах ладана и резеды, и старался перекрестить его голову длинной, белой рукой.

— Не надо, батюшка! — кричал он с плачем и испугом и бежал со двора. А дети вокруг смеялись и издевались над ним.

— Держите его, держите! — звучали в его ушах насмешливые крики, — ловите пугливого жиденка!

Послышались шаги, и тяжелая рука легла ему на плечо. Хермони вздрогнул и оглянулся.

Высокий мужчина стоял перед ним и приветливо улыбался. Хермони смутился, запорошенные пылью глаза не сразу разглядели лицо пришедшего, который по-дружески взял его руку. Неуверенная улыбка наконец появилась на лице Хермони.

— Шалом, Хермони! — сказал пришелец, крепко пожимая руку, — да ты что, не узнал меня?!

— Галили! — с дрожью в голосе воскликнул Хермони, и они бросились друг другу в объятия.

— Осторожно, не запачкайся в навозе, — предостерег возбужденный Хермони. — Вот так, — пробормотал он смущенно, — двенадцать лет не виделись.

— Тринадцать, — поправил Галили.

Хермони что-то прикинул.

— Да, правда, прошло тринадцать лет, как мы расстались в Верхней Галилее.

— И много у тебя этого удобрения? — спросил Галили, растирая пальцами серый комок.

— Целая гора! — сказал Хермони с гордостью. — Можно удобрить весь Эмек Изреэль!

Воцарилось молчание. Гость огляделся вокруг, а потом ровным голосом сказал:

— Таков, значит, твой путь, Хермони... Когда мы пошли в кибуц, ты ушел от нас. Когда мы начали строить Алону, ты не пошел с нами. И вдруг — Эйн-Роим! Когда? Как? С кем? Ты даже не сказал нам об этом!

— Зайдем ко мне, — сказал Хермони и взял его за руку, — жаль, Тиквы нет дома, она пошла в Кишону за продуктами, вернется, наверно, через час, ты ведь гость дорогой, посидишь с нами немного.

Хермони поднял коромысло с ведрами на плечо, и они зашагали к шатру. Гость повернул голову к холмам Алоны и долго смотрел. Хермони шел впереди с опущенной головой и говорил негромко, словно бы сам с собой:

— Разные у нас пути, Галили, разные... Вот двадцать пять лет живу я ночной жизнью, как филин, всегда начеку, всегда один. Трудно сразу выйти на солнце и быть на виду у всех. Тиква тоже не хотела идти в мошав. Зачем нам утруждать вас? Вы более покладистые, чем я. Может, мы сумеем сделать здесь что-то. Я сторожу леса Керен Каемет ле-Исраэль, и, думаю, мы наладим здесь свое хозяйство. Может, ты не поймешь меня, но мне трудно расстаться с конем, с винтовкой, и я к тому же боюсь превратиться в хозяина большого богатства. А вот здесь я в своей тарелке! Видишь этот лес? Я влюбился в него, как малое дитя. Может быть, лес привяжет меня к себе, вечного бедуина!

— Ты что, в самом деле решил поселиться здесь? — спросил гость. — Так вот, мне товарищи в Алоне поручили предложить тебе перебираться к нам. У нас освободилось одно хозяйство — товарищ заболел и уехал.

Хермони вдруг засмеялся смущенно:

— Вот видишь, мы уже построили водопровод, — и указал на тростниковую трубу.

— Через эти тростники вы подаете воду в хозяйство? — изумленно спросил Галили.

— Да, — подтвердил Хермони.

— Буквально Робинзоны! — прошептал Галили, пробуя рукой тростниковую трубу.

Они поднялись на холм. Гость восторженно осмотрел все кругом.

— Похоже, тут настоящее хозяйство: шатер, куры копаются в земле, собака бегает около конюшни.

— Вот так мы понемногу устраиваемся, — сказал Хермони, — через месяц-два построим барак, прикуплю кое-какую живность...

— Итак, ты хочешь здесь осесть навсегда? — спросил Галили с сомнением в голосе.

— С того дня, как вбили здесь первый кольшек, мы привязались к этому месту. Друг мой, — вздохнул Хермони, — посмотри, как красиво здесь вокруг. Нет другого такого места во всей стране!...

Снова наступило молчание. Гость с нескрываемым любопытством всматривался в долину с рядами овощной рассады, долго глядел на лес и на тучную землю меж холмами.

— Да, здесь можно, пожалуй, создать большое хозяйство, — сказал он с удовлетворением.

Затем он всунул два пальца в рот, и острый свист пронзил тихий воздух. Хермони вздрогнул и повернул голову туда, сюда. Из леса показалась телега, нагруженная ветками. Эйтан шел за нею.

— Он работает как взрослый рабочий, — засмеялся Хермони, глядя в лес и думая, что свист Галили предназначался Эйтану.

— Да, — ответил Галили, хитро улыбаясь, — настоящий рабочий.

Му-у-у! — вдруг раздалось глухое и длинное мычание, и прежде чем Хермони успел что-либо сообразить, на холм поднялся бегом крупный теленок, а за ним следом мальчик с концом веревки в руках. Мальчик всеми силами старался удержаться на ногах: теленок натягивал веревку, обвязанную вокруг шеи.

Это был красивый теленок, голландской породы, с маленькими рожками и блестящими глазами, а на его черном лбу выделялась белая как снег звезда.

Му-у-у, — снова замычал он и быстро засеменил к стоявшим. Хермони подался в сторону. Озадаченный, он смотрел то на мальчика, то на теленка, то на Галили.

— Веди его в сарай и привяжи покрепче, чтоб не отвязали, — сказал Галили со смехом. — Быстрей, быстрей!

— Папа, погляди за ослом, а то он убежит! — сказал мальчик, заводя теленка в конюшню.

— Ишь, ты... — процедил притворно сердито Галили, — иди, иди... —

Маленький черный ослик карабкался на холм, отряхиваясь и чихая. На его спине была укреплена клетка с несколькими белыми петухами. Их гребешки ярко горели.

Осел остановился. Галили развязал веревки, снял клетку и поставил ее на землю.

Хермони стоял ошарашенный. Его лицо побледнело, руки подрагивали.

— В добрый час, Хермони! — засмеялся Галили и добавил, весь сияя: — Иди смело вперед и преуспевай!

— Что все это, Галили? — спросил Хермони, затаив дыхание.

— Начало твоего хозяйства, — ответил тот. — Ты не хочешь идти к нам в Алону, так Алона приходит к тебе, помогает наладить хозяйство здесь. Да разрастется твое хозяйство, иншалла! — сказал он ласково и хлопнул смущенного Хермони по спине.

Хермони сам не знал, что делается с ним! Он хотел заговорить, но не мог: язык не слушался. Он зажмурил глаза и прикрыл лицо руками, и слезы благодарности потекли по его запыленному лицу.

Глухой гудок поезда прилетел с юга. Хермони очнулся, как ото сна. Улыбаясь, глядел он на Галили и его сына, толковавших о чем-то в стороне.

— Первый поезд уже прошел, — сказал Галили, подымаясь. — Уже поздно.

— Боже упаси! — вскричал Хермони. — Тиква никогда не простит мне, если я отпущу вас до ее возвращения. — Он схватил Галили за руку и усадил его на место. — Вы пообедаете с нами, а потом пойдете домой. Тиква скоро вернется, и мы посидим еще часок.

— Что за дым там, папа? — вдруг вскрикнул сын Галили, указывая на юг, в сторону железной дороги.

Хермони и Галили вскочили, огляделись. С южной стороны, за железной дорогой и фиговой долиной, медленно подымались большие клубы дыма.

— Пожар! — воскликнул Хермони.

— Немедленно вспахать все вокруг! — закричал Галили.

— Где плуг? Эйтан, Эйтан! — крикнули они мальчику, сбрасывавшему колья с телеги, — быстро распряги лошадь!

— Мои дети там! — с ужасом указывая на горящий лес, крикнул Хермони, — мои Амалия и Узи!

Не успели Галили и его сын понять, о чем он говорит, как Хермони схватил толстый мешок, накинутый на шалаш, окунул его в воду и стрелой помчался навстречу огню и дыму, навстречу страшным языкам пламени и шипению пожара.

Эйтан галопом прискакал на лошади, Галили за-

пряг ее в плуг, и с лихорадочной быстротой начали они вспахивать борозду вокруг холма Эйн-Роим, со страхом поглядывая на приближающийся пожар.

— Вперед!

— Тяни лошадь за узду!

— Бей ее палкой! — подгоняли они друг друга, — скорей, скорей, огонь идет!

— Вперед, вперед!

В минуту окрестность превратилась в кромешный ад. Огонь с бешеной силой мчался во все стороны, шипя, свистя, круша все на своем пути. Черный, тяжелый дым поднимался вверх, заслоняя солнце. Дневной свет потускнел и замутился, как при затемнении. Красные искры и черная сажа неслись, как стаи саранчи. Хермони бежал навстречу бушевавшему пламени. С черным от сажи лицом он бежал, безумно размахивая мокрым мешком, словно угрожал им беснующемуся огню. Его глаза вышли из орбит, а кулаки сжимались и разжимались с отчаянием. С ужасом он следил за страшной пляской огня и без дороги бежал ему навстречу, как солдат в атаку.

Так бежал он с блуждающим взглядом, а перед ним маячил облик Абу Наами. Дикие вопли вывели его из оцепенения: овцы и козы в страхе убегали от огня, издавая дикие крики.

Пастухи метались с места на место, кричали, в отчаянии били себя кулаками по потным, почерневшим лицам. Собаки мчались с оскаленными зубами и злобно лаяли навстречу огню, а огонь все визжал, ревел и свистел, как буря в пустыне, неся на своих оранжевых крыльях уничтожение и гибель.

— Го, го, го!

— Го, го, го!

— Аллах!

— Мухаммед!

Свист огня, лай собак, блеяние баранов и вопли пастухов смешались в один страшный, кошмарный рев.

Хермони вдруг остановился и, передохнув, смотрел вокруг себя: дикие звери бежали вместе со скотом. Испуганные шакалы с опаленными хвостами промчались с гнусным воем. Большие дикобразы катались по земле, ощетинив свои иглы. Старая гиена неслась с неимоверной быстротой, высоко подпрыгивая и отталкиваясь от опаленной земли своими куцыми задними ногами. Змеи извивались, далеко выбросив раздвоен-

ные языки. А в воздухе метались жаворонки, гнезда которых сгорели вместе с птенцами.

На миг Хермони оцепенел. Огонь ширился, окружал его кольцом. Пламя ревело, слух улавливал только скрежет огня. Вдруг ему показалось, что из самой глубины пламени доносятся голоса детей:

— Па-па! Ма-ма! Спасите! Спасите!

Дрожь прошла по всему его телу. Как животное, на глазах у которого гибнут его детеныши, он вытянул руки и бросился вперед с диким воплем:

— Я здесь, дети!...

Огонь плясал вокруг него, языки пламени лизали ему лицо и руки, пожар замыкал вокруг него свое раскаленное кольцо.

— Дети! Дети! — кричал он, размахивая дымящимся мешком.

— Хермони, Хермони! — вдруг донеслось до него сзади. Не успел он обернуться, как крепкие руки схватили его, оторвали от земли и бросили на спину лошади. Он потерял сознание.

Хермони очнулся в шатре. Тиква и Галили наклонились над ним. Он огляделся вокруг и со страхом, с болью спросил:

— Где маленькие?

— Папа! Папа! — двое мальшей, дрожа, подошли к нему. Хермони обнял их и заплакал.

Огонь утих, уничтожив множество кустов и деревьев. Борозды, проложенные Галили и Эйтаном вокруг холма Эйн-Роим, не дали огню подняться на холм, и пламя повернуло к источнику. Все там было черно, как в угольной шахте. Кое-где еще курился дымок.

— Тебе больно? — с тревогой спросила Тиква.

— Руки, наверно, обожжены...

За обедом мальши рассказали, что с ними произошло. Их корзины были уже полны фигами и можно было возвращаться домой, но солнце сильно пекло, и они решили подождать, пока немного посвежеет. Они играли в тени деревьев, лазили на ветки, прятались в зарослях, собака Ливне бегала по склону холма и охотилась за лисицами, живущими под кустами. Вдруг собака стала громко лаять, поднялась бегом на холм, вернулась неспокойная к ним, быстро рыла когтями песок и протяжно выла.

Дети притаились, не зная, что стряслось, ничего тревожного они не заметили. Быстро стало темнеть, и

они, испугавшись не на шутку, поднялись наверх посмотреть, что случилось. Со стороны железной дороги приближался огонь, море огня...

Захватив с собой корзины с фигами, они бросились бежать домой. Но корзины были тяжелые, а огонь все приближался, и они уже чувствовали его горячее дыхание. Они выбросили фиги, надели корзины на головы, чтобы не чувствовать жара, и побежали. Но огонь не отставал от них...

Их догнали дикие животные: гиены, лисицы, шакалы, змеи, много-много змей. Они испугались и спрятались в какой-то пещере. Но вскоре дым проник и туда, и они начали задыхаться. Они выскочили наружу — и в этот момент огонь захлестнул их пещеру. Из последних сил они бросились в лес, на холм. Сверху они видели отца, бежавшего прямо в огонь, и кричали: «Папа! Папа!», но он не слышал. Они побежали опять, но догнать его не могли. В лесу они упали и долго лежали чуть живые от усталости. Потом они увидели, как кто-то везет отца на лошади, а он не шевелится...

После обеда Галили с сыном стали собираться в дорогу.

— Приходите к нам в Алону, — снова предложил Галили, — здесь ведь пустыня. Много лет придется вам воевать!

— Ведь и вы победили пустыню, — спокойно ответил Хермони. — Я солдат, и война не пугает меня. Наоборот, она прибавляет мне силы и смелость.

— Тогда трудитесь, и да поможет вам Бог! — сказал Галили и пожал всем руки.

— Доброго пути!

— Пошлите нам зайцев! — крикнули мальши вслед Галили, — черного и белого!

— Только зайцев нам не хватает! — сказала Тиква.

Глава шестая

ЗЕМЛЯ ОТКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ

Сезон дождей был не за горами. На холмах и в долинах показались первые признаки наступающих дождей. Трясогузки трясли своими длинными, упругими хвостиками, гоняясь за комарами. По ночам на землю ложилась холодная роса, и в шатре похолодало. Временами покрапывал дождик. Тиква разложила на крыше мешки и рогожи, а дети укрепили стены ветвями и жердями.

Тиква торопила Хермони ехать в Иерусалим: надо было начинать постройку барака, дожди могли хлынуть в любой день. Но Хермони все откладывал поездку. Он хотел распахать новый участок земли до наступления дождей, чтобы не опоздать с севом озимых. А если дожди вот-вот хлынут, можно будет приютиться временно в одной из пригодных для этого пещер.

Хермони недоволен был своим лесным делом. Не так-то легко подчинялись ему в лесу. Некоторые угольщики наотрез отказались уйти. Он разрушил их печи — они построили другие, глубже в лесу. Его угрозы не помогали, у каждого был один и тот же ответ:

— Мы заплатили Абу Наами арендную плату за год вперед, и он разрешил нам работать до конца года.

— Он не сторож здесь, он не имеет никакого права здесь распоряжаться! — сердито заявил Хермони.

— Что мы знаем, хаваджа? Пойди и подай на него в суд, — отвечали угольщики.

Солнце поворачивалось к югу, его сила уходила с каждым днем. Хермони пахал в долине около шатра. Амалия и Узи собирали камни и складывали их в кучи. Иногда им попадались скорпионы, и они звали Хермони и Эйтана подойти и поглядеть.

— Давите их, — говорил им Хермони. И указывал на запад: — нам надо пахать, нет у нас времени глядеть!

На западе, за горой Кармель, медленно проплы-

вали большие, темные тучи. Они двигались лениво, низко, будто вода тянула их к земле. Пахота продвигалась неплохо. Большие участки, незадолго до этого мертвые и опаленные недавним пожаром, были теперь вспаханы аккуратными, длинными бороздами. Борозды чернели, они блестели под солнцем, распространяя приятный запах унавоженной земли. Грачи летали большими стаями. Жадно и дерзко кружились они над пахарями и нападали на дождевых червей, выползавших из вспаханной земли. Эйтан отгонял грачей кнутом, они взмывали вверх с пугливым криком, а потом снова опускались на поле.

Работали усердно, почти без перерывов. В обед Тиква приносила им еду в поле. Они садились на кучу теплой, мягкой земли, ели и беседовали.

— Что ты здесь посадишь, папа?

— Пшеницу.

— А там, внизу?

— Кормовые травы.

— А там, там, — засыпали Амалия и Узи вопросами отца.

— Ячмень, картофель, бобы и много чего еще! — отвечал Хермони, смеясь и глядя на маленьких глазами, полными любви.

— Вы, наверное, устали, мои маленькие крестьяне? — спрашивала Тиква и протягивала им яйца и жареную картошку.

— Нет, мама, мы сильные!

— Не пейте много воды, — предостерегала их мать, — вы простудитесь!

Эйтан направлял плуг, а Хермони вел лошадь. Он вел ее к длинному шесту, на который была надета шапка. Шест стоял на границе участка и служил путеводным знаком. Плуг продвигался, подскакивал, натыкаясь в земле на камни.

— Здесь, как видно, какие-то развалины, — сказал Хермони, поворачиваясь назад и проверяя, ровная ли вышла борозда.

— Да, — ответил Эйтан, налегая на ручки плуга, чтобы лемех глубже врезался в землю, — и вот... тпру-у-у!

— Что случилось, Эйтан?

— Мне кажется, папа, что лемех выковырнул старинную саблю!

Хермони остановил лошадь. Эйтан поднял полосу

ржавого железа и осмотрел ее со всех сторон с большим любопытством. Хермони очистил колышком грязь, прилипшую к лемеху, подошел и, взяв у Эйтана ржавую находку, осмотрел ее.

— Да, это древняя сабля, — сказал он с восторгом, — широкая и длинная!

— Смотри, папа, вот крест, высеченный на ручке! — указал Эйтан.

— Да, это меч христианского воина, — заметил Хермони серьезно, — кто знает, чью кровь пролил этот веч.

— И кто знает, на могилах какого народа мы проводим здесь борозду, — добавил Эйтан.

— Дети, возьмите себе этот старинный меч, — позвал Хермони Амалию и Узи, пыхтевших над большим камнем. — А ты, Эйтан, берись за плуг.

Лемех снова глубоко вошел в землю.

— Папа, папа, погоди минутку! — воскликнул Эйтан, нажимая на ручки изо всех сил.

Хермони остановился и нетерпеливо повернул голову. Эйтан, бросив ручки плуга, побежал назад вдоль борозды и принялся быстро разгребать землю руками и ногами.

— Жалко времени, Эйтан! — настаивал Хермони. — Клад здесь для нас не оставили.

Раскрасневший Эйтан подошел к нему и протянул ржавый металлический предмет, облепленный затвердевшей землей.

— Опять оружие? — спросил Хермони со смехом.

— Не знаю... — пожал плечами Эйтан.

Хермони взял находку и соскреб с нее землю. Амалия и Узи подошли и смотрели с любопытством.

— Как будто ящичек... — сказали они.

— Железная шкатулка! — добавил Эйтан, — тяжелая...

— Да, старинная шкатулка, закрытая, — шептал Хермони, осматривая ее со всех сторон.

— Что там внутри? — спросили мальши, — Папа, потряси ее!

Хермони подбросил ее вверх. Глухой звук раздался внутри шкатулки.

— Там что-то есть, папа! — воскликнули оба.

— Возьмите ее, — сказал Хермони детям, — и принесите вечером домой вместе с мечом... А теперь вперед, Эйтан, вперед!

Вечером, после ужина, вспомнили о шкатулке. Осмотрели ее при свете костра со всех сторон. Пробовали ударять по ней молотком, топором — никакого результата: она не открывалась. Лишь ржавчина сходила с нее слой за слоем. Эйтан обнаружил на шкатулке какие-то буквы, но разобрать, что написано, не смог.

— Оставим ее на дождливые дни, — сказал Хермони детям, — тогда у нас будет больше времени, и мы снова займемся ею, может, и откроем.

И Тиква спрятала шкатулку под рогожу, покрывавший земляной пол.

Овощи, посаженные в долине у родника, принялись хорошо. Пастухи, пригонявшие стада на водопой, следили, чтобы скот не потравил овощи — они не хотели сердить нового сторожа. Грядки покрылись матовой зеленью и радовали глаз.

Однажды утром Эйтан вернулся оттуда с дурной вестью: вся капуста покрыта гусеницами, пожирающими листья.

Хермони отложил работу, позвал детей и Тикву, и все опустились в долину. Эйтан захватил с собой жестяные банки из-под консервов. Когда они пришли в огород, ужас охватил всех. Почти все всходы были покрыты гусеницами, они грызли листья, как саранча. Многие листья были обглоданы дочиста, торчали только их твердые жилки. В воздухе порхали сотни белых бабочек-капустниц.

— За дело! — закричал Хермони. — Берите жестянки! Надо собрать гусениц и уничтожить их!

Каждому отвели участок огорода, и все приступили к работе.

— Эйтан, ты будешь инспектором! — сказал Хермони и подмигнул на Амалию и Узи. — А теперь разведи костер из тростника и веток. Только огонь спасет нас от гусениц.

Эйтан разжег костер, затрещали сухие ветки. Дым поднялся вверх.

— Получи первую жертву! — закричала Амалия, потрясая полной коробкой гусениц.

— И мою, Эйтан! — поспешил Узи, не отставший от сестры.

Руки детей стали зелеными — гусеницы выделяли какую-то зеленую краску.

— Они косматые, эти проклятые гусеницы! — жаловалась Амалия.

— Руки очень чешутся, — морщился Узи, его немного тошнило.

— Смотри, чтоб они не расползались от костра! — предупредил Хермони Эйтана. — Очень они шустрые, эти черти!...

Запах паленого распространился по всей долине. Собака прибежала и вертелась вокруг костра, облизываясь и чихая от возбуждения, тихо подвывая и нетерпеливо роя землю лапами. Арабы-пастухи, в полдень пригнавшие скот на водопой, охотно присоединились к работавшим. Они собирали гусениц в маленькие, лоснившиеся от пота ермолки, которые они носят под кефией, и давили гусениц руками и голыми ногами.

К вечеру, после целого дня утомительной работы, семья Хермони спасла свои овощи от гибели. Саженцы капусты тихонько покачивали оставшимися листьями, словно благодарили своих спасителей.

— В поте лица своего будем мы есть наши овощи, — со смехом сказал Эйтан по дороге домой, — мы здорово устали...

— Капуста будет нам теперь казаться в семь раз вкуснее, — сказала Тиква, ласково поглаживая головы маленьких помощников.

А пахота шла своим чередом. Хермони прикинул, что вспахали уже больше ста дунамов* земли. Напряжение немного спало. Хермони вздохнул облегченно: Эйтан теперь сможет управится один.

Однажды вечером он сказал жене, что решил утром съездить в Иерусалим — хлопотать об обещанном ему бараке. Тиква приготовила ему одежду, выстирала белую рубашку. Хермони привел в порядок свои спутанные, нестриженные волосы, побрился и навел блеск на свои видавшие виды сапоги.

На рассвете он объяснил Тикве и Эйтану, что они должны делать во время его отсутствия.

— Самое главное: будьте очень осторожны, — прибавил он серьезно, — патроны к охотничьему ружью хранятся под рогожей, но не растрачивайте их попусту. Следите за лошадью, собаку держите на привязи.

---

* Дунам — десятая часть гектара.

Хермони обнял всех, похлопал дружески лошадь по спине и погладил собаку.

Немного отойдя, он вдруг вернулся и сказал:

— Тиква, дай-ка мне железную коробку, что мы нашли в земле. В Иерусалиме я зайду к слесарю, он откроет.

Эйтан приподнял край рогожи и протянул отцу тяжелую шкатулку. Хермони снял рюкзак и сунул туда таинственную находку. Вся семья провожала Хермони до главной дороги, проходившей в сотне шагов от их двора.

— До свидания, папа! До свидания! — кричали маленькие, глядя, как он поднимается в автобус. — Когда ты вернешься?

Хермони что-то крикнул, но шум автобуса заглушил его слова. Тиква долго глядела вслед автобусу и вздохнула. Молча и медленно вернулись они домой.

Глава седьмая

ПРЕСТУПНИК СКРЫЛСЯ. СЕМЬЯ ХЕРМОНИ СТРОИТ БАРАК

После отъезда отца Эйтан продолжал пахать. Амалия и Узи помогали ему — убирали камни с поля и складывали их в кучи. Эйтан шутил с ними, предлагал им пахать вместо него, а он будет собирать камни, но мальши не слушали его. Узи носился по всему полю и рвал цветы, обильно покрывавшие землю. Плохо пахнущие он подносил Амалии к носу, натирал ей ими лицо, смешил и дразнил сестренку. Девочка гналась за ним, он убегал с криком и швырял в нее пригоршни земли. Внезапно Эйтан услышал сзади топот. Он остановил лошадь и повернулся. Из леса показался всадник и поскакал к детям. Мальши испугались и побежали.

Схватив кнут, Эйтан бросился к ним. Всадник догнал детей и остановил их.

— Дети! — крикнул Эйтан, размахивая кнутом в воздухе. — Не бойтесь, дети!

Как только он приблизился, всадник круто повернул коня и галопом понесся обратно в лес.

— Абу Наами! — сердито крикнул Эйтан.

Он узнал Абу Наами по красивой лошади и по ружью, торчавшему из-под плаща.

— Кто этот всадник? — подойдя к детям, спросил он нетерпеливо.

— Мы не знаем, — ответили дети.

— Это не Абу Наами? — встревоженно спросил Эйтан.

— Мне кажется, что он был у нас однажды! — неуверенно сказала Амалия.

— О чем он вас расспрашивал? — тревожно спросил Эйтан.

— Куда уехал папа...

— И вы ему сказали!! — воскликнул Эйтан и бросил кнут на землю.

— Я сказала Узи: не говори! — заплакала Амалия, — а он, глупый, сказал: в Иерусалим!

Узи засунул палец в рот, надулся и стоял сердитый.

— Ты тоже сказала ему, — захныкал он, — что папа уехал надолго!

Оба разревелись, а Эйтан, побледнев, ковырял ногой землю.

— Дети, идите обедать! — раздался с холма голос Тиквы, — скорей идите.

Услышав о появлении Абу Наами, Тиква разсмеялась. Вечером, однако, Тиква принесла все вещи со двора в шатер, заперла козу и кур в пещере и привалила к двери большие камни. Лошадь она завела в шатер. Перед сном она подбросила дров в костер, чтобы хватило до утра. Платье она не сняла, а охотничье ружье и кинжал положила около себя. Страх не давал ей уснуть. Часто она поднималась и прислушивалась, обнимала детей и сжимала ружейный приклад.

На третью ночь она вдруг проснулась от смутного ощущения тревоги. Огонь в костре погас. Дождь монотонно стучал в стены и холодные, крупные капли падали с крыши в шатер. Ветер продувал ветхое жилье насквозь. Тиква укутала детей одеялами и прислушалась. Ей послышалось глухое мычание. Встав осторожно, она взяла ружье и чуть приподняла тяжелую занавесь у входа.

— Ливне, иди сюда! — шопотом позвала она собаку и стала причмокивать губами, но собака не отозвалась.

Лошадь ржала нервно и била копытами. Тиква задрожала. Тихонько высунула она голову за занавесь и прислушалась. Мычание повторилось. Куры быстро кудахтали.

— Эйтан, Эйтан! — позвала она и потянула сына за руку.

Эйтан вскочил и огляделся со страхом.

— Бери кинжал и выйдем, — шепнула ему Тиква.

— Что случилось, мама? — спросил Эйтан, крепко сжимая кинжал.

— Ш-ш-ш, — шепнула Тиква.

Они вышли. Тиква шагнула в темноту, выставив ружье и держа палец на курке.

— Коза убежала, мама! — воскликнул Эйтан, прислушиваясь к ночной темноте.

Тиква вскинула ружье и, не целясь, выстрелила два раза. Сверкнули два огонька, и в воздухе поплыл запах пороха. Тиква и Эйтан легли на землю и прижались к ней.

— Бегут! — шепнул Эйтан, услышав конский топот в лесу.

Тиква прильнула ухом к земле.

— Да, — печально подтвердила она, — топот слышен со стороны леса... Подложи дров в костер, сынок.

Эйтан подполз на четвереньках и подбросил веток в костер, обильно дымивший после дождя. Ветки медленно разгорались, и огонь осветил темноту.

— Ливне! — вскрикнула Тиква и показала рукой.

Эйтан подошел к собаке, позвал, тронул ногой, но она не двигалась.

— Она сдохла! — закричал в испуге Эйтан, — мама, она мертвая!

Тиква взяла из костра горящую ветку и подошла к ним. Собака лежала на боку, ноги ее были сведены судорогой. Грязная пена выступала по краям пасти.

— Отравили ее... — сказала Тиква с болью. — Нет на ней крови.

— Значит, они были около нас! Совсем близко! — сказал со слезами в голосе Эйтан, — собака ведь была привязана к колу!

— Да, они были здесь... — прошептала Тиква.

Как только рассвело, они пошли к пещере. Дверь была распахнута настежь, куры прохаживались снаружи, а козы не было. Они побежали к лесу и нашли козу в кустах. Услышав их крики, коза перестала щипать траву, подняла голову и вприпрыжку побежала им навстречу.

— Видно, не успели ее забрать, — радостно сказала Тиква и погладила козу, — милая моя, бедненькая!

Эйтан нагнулся и что-то поднял с земли.

— Мама, посмотри, чей это носовой платок? — со злостью спросил Эйтан.

Тиква взяла платок и внимательно осмотрела его.

— Да, Эйтан, это платок бандита Абу Наами.

— Надо показать его папе, когда он вернется домой, — сказал Эйтан и опустил голову.

Рано утром Хермони вышел из ночлежного дома в Иерусалиме и отправился в главное бюро Еврейского

национального фонда. Длинный коридор и мраморные лестницы были знакомы ему с того дня, когда он пришел сюда подписать соглашение о сторожевой службе в лесу. И все же его охватило чувство одиночества и затерянности. Его мускулистое тело съежилось, и он почувствовал себя маленьким мальчиком. Он остановился в темном углу, носовым платком стер пыль с сапог, подтянул пояс брюк, поправил воротник рубашки, смявшийся в дороге. Но все это не помогло — мужество оставило Хермони. Невольно он сравнил себя с местечковым евреем, отправляющимся в город просить у богатого дяди денег в долг. С дрожью в коленях, с улыбкой провинившегося мальчика подымался он по серым ступеням — ступал медленно и считал ступени, сам не зная зачем, и с бьющимся сердцем прислушивался к собственным шагам. Добравшись до главного коридора, куда выходило множество дверей, он снял пиджак и, сложив его, перекинул на левую руку. Свою широкополую шляпу он держал в правой руке и, не переставая, вертел ею. Откашлявшись, он шагнул наконец в коридор.

Был ранний утренний час, но здесь уже все давно пришло в движение. Чинные чиновники в очках в золотой оправе важно переходили из комнаты в комнату, с шумом захлопывая за собой двери. Молодые служащие пробегали по коридору, волосы их развевались, а бумаги в руках шелестели. Люди из разных общин прохаживались по коридору и тихо беседовали, предупредительно уступая дорогу служащим. Некоторые посетители рассматривали картины, карты и диаграммы, развешанные в коридоре. Из комнат доносился стрекот пишущих машинок и звонки телефонов.

— Что нужно? — остановил его служитель в черной униформе не по росту и с большим подносом со стаканами в руке.

Хермони как бы осунулся, взглянул на служителя, смотревшего на него свысока, и, откашлявшись, ответил шопотом:

— Мне нужно поговорить с директором.

— Подожди, хабиби!* — ответил тот с восточным акцентом, — всем вам только директора, лишь бы директора!

Хермони пробормотал что-то, как мальчик перед

---

* Приятель (араб.).

своим рабби. Не зная, куда деть свою шляпу, он затравленно оглядывался, ища помощи.

— Шалом, Хермони! — вдруг окликнули его сразу несколько человек.

Он обернулся радостно и облегченно. Друзья из поселений Иорданской и Изреэльской долин окружили его и протягивали ему свои загорелые, мозолистые руки.

Они уселись на длинную скамью, и, перекинув ногу на ногу, принялись оживленно беседовать. Все они уже знали о его одинокой ферме Эйн-Роим, все желали ему успеха. Они давали ему советы, предлагали смелые планы развития его хозяйства. Каждый из них обстоятельно объяснял, что привело его в бюро: кто просил дополнительной земли, кто — денег на рытье колодца, на посадку леса, на осушение болота. Беседа была живой и интересной для всех, и час незаметно проходил за часом.

Время от времени кого-нибудь из них вызывали к директору. Возвращались от него по-разному: кто со смеющимся, кто с печальным лицом — в зависимости от результата разговора.

Друзья один за другим прощались с Хермони, и в конце концов он остался один. От долгого безделья его клонило ко сну. Он поднялся со скамьи, прошелся по коридору и спросил служителя:

— Когда, наконец, директор примет меня?

— Сегодня у него нет времени, придешь завтра... будешь первым.

Хермони оторопел, будто его облили холодной водой. Затем он с усмешкой посмотрел на служителя, презрительно пожал плечами и решительно заявил:

— Мне нужно зайти к нему сегодня!

— Поздно, хабиби! Что поделаешь?! — повысил голос служитель и вынул из кармана часы, — вот смотри: четверть третьего, чтоб ты так был здоров!

— Дай мне зайти к нему хоть на минуту! — сердито сказал Хермони, — моя семья осталась одна, я — шомер из Керен Каемет!

— Ш-ш, хабиби, — остановил его служитель, — никак нельзя, запрещено!

Дверь в кабинет директора открылась, и человек с большой лысой головой и с седой бородой показался на пороге. Хермони смущенно отступил назад. Бородатый посмотрел на него смеющимися глазами:

— Заходи, Хермони. Мне сказали, что ты ждешь меня.

Служитель снова вынул часы, повертел их в руках и медленно пошел прочь.

В большом кабинете директора царила полная тишина. Гецль грустно смотрел с большой картины. Книжные шкафы плотно стояли вдоль всех стен. Большая карта Эрец Исраэль висела позади директорского кресла. Сам директор выглядел усталым и значительным.

Хермони рассказал о делах в лесу и об отношениях с пастухами. Напомнил о бараке для жилья и о семенах для посева. Хотел было подробно рассказать о самозванном арабском стороже, о своих планах на будущее, но директор остановил его, виновато улыбнувшись:

— Я очень устал... Подайте ваши требования письменно, и мы, конечно, обсудим ваше дело.

— А как насчет барака? — спросил Хермони с сомнением в голосе.

— Да, барак, наверное, вам построят, как было обещано, но невозможно обещать именно до дождей... касса у нас пустая.

Директор встал, протянул Хермони руку, и беседа на том была закончена.

— Направляйте нам отчеты ежемесячно, — сказал он Хермони, провожая его к двери, — и напоминайте снова и снова о бараке.

Хермони остался несколько дней в Иерусалиме, он все надеялся получить в банке ссуду на постройку барака и покупку семян. Денег, однако, не дали, и домой он собрался с тяжелым сердцем. Роясь как-то в мешке, он наткнулся на старинную железную шкатулку, найденную в поле, и сунул ее в карман пиджака.

— Зайду к слесарю, — сказал он себе и вышел на улицу.

Небо было в тучах, накрапывал дождь, дул холодный ветер. На тротуарах и мостовых валялись желтые, увядшие листья китайской сирени, посаженной вдоль улиц. Он шел сгорбившись, настроение было скверное, думал об Эйн-Роим. Капли дождя напомнили ему о шатре из жердей и ветвей, о семье, ютив-

шейся в нем, об осенних дождях — особенно теперь, когда он в отлучке.

Удары молотка о металл отвлекли его от тяжелых дум. Он поднял глаза и увидел, что стоит около слесарной мастерской. Подошел ближе, протиснулся вовнутрь. Слесарь, пожилой человек, похожий на выходца из восточных общин, стоял, согнувшись, над медным котлом. Увидев Хермони, он прекратил работу и вопросительно посмотрел на него.

— Открой мне эту штуку! — сказал Хермони, подавая слесарю тяжелую, заржавевшую шкатулку.

Тот взял ее, осмотрел с сомнением и сказал:

— Не стоит, господин, это очень старая вещь, нет у меня времени с ней возиться.

И он протянул шкатулку обратно, при этом внутри раздался глухой звон. В глазах слесаря заблестело любопытство, и он сказал:

— Ладно, но ты дашь мне одну монету...

— Дам тебе две, — засмеялся Хермони.

Слесарь вставил шкатулку в тиски и застучал молотком. Потом приставил стамеску к шкатулке под крышку и трахнул молотком. Золотые монеты со звоном рассыпались по полу.

Хермони отпрянул назад. Слесарь побледнел и со злостью швырнул молоток.

— Вот! — сказал он, быстро прикрыв дверь. — Собери их. Бог послал тебе клад — пожертвуй на масло для освещения Стены Плача!

Хермони стоял как громом пораженный. Холодными глазами смотрел он на золотые монеты на полу — отблески давно минувшей эпохи.

Слесарь нагнулся и собрал монеты.

— Пятьдесят! — шепнул он, передавая золото Хермони. — И мне одну!

— Возьми две, — сказал Хермони чуть слышно, — как я обещал.

Подавленный, словно он не нашел, а потерял пятьдесят золотых монет, Хермони медленно вышел из мастерской.

В тот же день он уехал домой.

Эйтан продолжал пахать в долинах вокруг Эйн-Роима. Все время, что Хермони отсутствовал, четырнадцатилетний подросток заменял отца со всей серьезностью и ответственностью. С сознанием собственного

достоинства шел он за плугом, с гордостью любуясь черными и прямыми бороздами, которые он поднимал.

Амалия и Узи больше не показывались в поле — они предпочли собирать фиги. Пожар не коснулся фиговой рощи, и деревья уцелели. Каждое утро дети уходили туда собирать плоды, а во время обеденного отдыха Эйтан помогал им тащить полные корзины на холм.

Дожди зарядили вовсю. Каждую ночь лил холодный дождь, а утром солнце пряталось за черными, тяжелыми тучами. Одну пещеру Тиква подготовила под жилье — до постройки барака. С озабоченным видом она то и дело поглядывала на дорогу — пора уже было мужу возвратиться.

К вечеру небо почернело, тьма покрыла все вокруг. Тяжелая тишина спустилась на мир. Запах серы витал в воздухе, становилось тяжело дышать. Все как будто затаило дыхание в ожидании, что вот-вот рассеется гнетущая тишина.

Узи жаловался на головную боль, просил плотней укутать его. Все собрались около него, и Тиква укрыла его плотным шерстяным одеялом. Мальчик уснул. Они сидели печальные и молчаливые и прислушивались к тишине.

— Ночью будет дождь, мама, — тихо сказал Эйтан, — сильный ливень...

Тиква не ответила. Она обняла Амалию, покрепче прижала ее к себе и поцеловала. Девочка в испуге прошептала:

— Мама, когда приедет папа? Я так боюсь...

Узи вдруг расплакался:

— Мама, мне жарко...

Тиква нагнулась и прикоснулась губами к его лбу: он горел как в огне, его била дрожь.

— Как хорошо, мама, — пробормотал он с облегчением, — сделай так еще раз.

— У Узи температура? — тихо спросила Амалия и Эйтан.

— Узи лихорадит, — с грустью сказала Тиква и закутала его плотней.

— Мне холодно, мама, — снова сказал Узи, — и голова так болит!...

Тиква нашла в темноте полотенце, вышла, намочила его в ведре с холодной дождевой водой и, вернувшись, положила мальчику на лоб.

— Хорошо, мама, — бормотал Узи в жару, — хорошо так.

Узи забылся тяжелым сном. Остальные сидели и, притихшие, дремали. Грянул гром. Тиква тревожно встрепенулась. Ослепительная молния прорвала мрак, и снова грянул гром.

— Стреляют, мама! — проснулись с испуганным криком Эйтан и Амалия, — в нас стреляют!

— Это гром, — успокоила их Тиква, — ночью, пожалуй, будет ливень.

Пронесся ветер, ветки шатра задрожали. Лошадь ржала и нервно била копытом.

— Дождь, мама! Дождь зальет нас! — закричали Амалия и Эйтан в панике.

Минута — и хлынул проливной дождь. Ветер сорвал занавесь над входом и ворвался в шатер с протяжным воем.

— Скорей бежим в пещеру! — закричала Тиква, схватив Узи на руки, — возьмите одеяла и бегите за мной, дети!

Мальчик проснулся с плачем. Тиква завернула его в одеяло и побежала в пещеру, а за ней Амалия и Эйтан.

Дождь и ветер бушевали, плотная темень покрыла землю, кривые молнии сверкали по всему небу, гром грохотал и наводил ужас.

— Мама! Мама! Где мама? — плача кричала Амалия.

— Иди сюда, Амалия, — в темноте послышался голос Тиквы, — возьми за руку Эйтана!

— Эйтан, где Амалия?

— Где? — плакала девочка.

— Подожди, я сейчас подойду!

Шум дождя, завывание ветра, удары грома, крик детей — все смешалось.

Тиква уложила лихорадившего Узи в углу пещеры и накрыла его одеялом. Затем она выбежала, проползла по крутому, скользкому склону холма и позвала Амалию. Та стояла под проливным дождем и плакала.

— Амалия, Амалия! — кричала Тиква. — Иди сюда!

— Мама, мама! — рыдала девочка. — Спаси меня, мама!

При свете молнии Тиква заметила Амалию, взяла

ее на руки и отнесла в пещеру. Эйтан бегал из шатра в пещеру и обратно, перетаскивал вещи, которые могли испортиться от дождя. Он был мокр до нитки, но продолжал свое дело. Тиква вывела лошадь из стойла и тоже завела в пещеру.

Промокшие, усталые, дрожащие от холода и страха, они сбились в углу пещеры. Тиква закутала детей и, стоя над ними, вся дрожала. Дождь продолжал лить как из ведра, сверкала молния.

— Мама, мама! — плакал Узи. — Мне жарко, я хочу на улицу!

Ночь тянулась медленно, ползла черепашьим шагом. Дождь шумел, заунывно выли шакалы в темноте. Узи часто просыпался, плакал, просил пить. Тиква щупала его лоб — температура подымалась все выше. На рассвете Тиква разбудила Эйтана. Он был бледен, одежда его не высохла. Амалия проснулась и смотрела вокруг тусклыми глазами. Сырая пещера выглядела мрачной, вещи валялись на земле мокрые и грязные, как будто их только что вытащили из болота. Лошадь дремала и тихо стонала во сне. Дождь перестал, но тучи не рассеялись. Мрачное утро наводило тоску.

Узи бредил от высокой температуры. Тиква смотрела растерянно, слезы блестели в ее глазах.

— Я поеду с Узи в Кишону, — сказала она Эйтану. — Надо скоро сделать ему укол хинина.

Эйтан не ответил, только погладил лошадь. Она вздрогнула и открыла большие, внимательные глаза. Эйтан положил ей на спину седло, закрепил и вывел из пещеры.

— Готово, мама! Поезжай и не беспокойся о нас.

Тиква укрыла Узи, взобралась в седло, Эйтан подал ей укутанного братика, она обняла его левой рукой и, взяв поводья в правую, пустила лошадь по склону холма.

— Не бойся, Амалия, — сказала Тиква, повернувшись к дочери, — папа вернется сегодня из Иерусалима.

Амалия стояла и всхлипывала. Эйтан взял ее за руку, успокаивал:

— Не плачь, Амалия! Узи скоро выздоровеет! Пойдем в наш мокрый дом, посмотрим, что там делается, а потом разведем костер и попьем чаю.

Они скользили по склону холма, грязь прилипала

к голым ногам. Амалия с трудом поспевала за Эйтаном и вытирала глаза грязной ладошкой. Шатер стоял наполовину разрушенный. Мешки, которыми Тиква покрыла крышу, свисали со всех сторон, как тряпки. Ветер опрокинул стойло, шесты валялись в грязи. Сушеные фиги, куски хлеба и капусты, листы из книг валялись повсюду. Эйтан стал складывать все это в мешок. Амалия собирала свои рассыпавшиеся ракушки и бусинки.

Закончив работу, они спустились в пещеру. Эйтан набрал веток, разложил костер у входа в пещеру и поставил на огонь чайник с водой, но сырые ветки плохо разгорались. Амалия постелила одеяло около костра, легла и грела руки у огня. Эйтан нашел краюху хлеба, поделил на две части и протянул кусок Амалии. Оба они жевали хлеб и смотрели на разгорающийся понемногу огонь.

— Узи может умереть? — перестав жевать, печально спросила девочка.

— Глупенькая! — успокоил ее Эйтан. — Ты думаешь, он в самом деле болен? Его только лихорадит. Ты что, не знаешь, что такое лихорадка? Меня лихорадило двадцать раз — а я не умер... Ему сделают несколько уколов и все! — уверенно закончил он и поправил дрова в костре.

— Но ведь это больно! — сказала Амалия.

— Ничего! — заверил ее Эйтан, — это совсем не страшно, тебе ведь самой много раз делали уколы, ты просто забыла!

— А что будет, если мама не вернется к вечеру? — вдруг изменила тему Амалия и посмотрела на Эйтана вопросительно.

— Тогда ты будешь спать в пещере.

— А ты?

— Я буду сторожить тебя.

— А ты умеешь стрелять? — спросила Амалия.

— Уже давно! — ответил Эйтан самоуверенно.

Он поднялся, взял охотничье ружье, лежавшее в углу, и открыл затвор. Два патрона лежали в магазине ружья.

— Перестань, Эйтан! — закричала Амалия в испуге. — Ты убьешь меня!

Эйтан рассмеялся пренебрежительно.

— Стой прямо, Амалия! — приказал он неожиданно.

— Раз, два, три, — и направил на нее ружье.

— Мама! — в страхе закричала Амалия не своим голосом. — Эйтан, не убивай меня!

Эйтан виновато улыбнулся. Ему стало жалко ее. Он поставил ружье в угол, обнял плачущую Амалию и прижал к себе.

— Не бойся! — сказал он с жалостью, — я ведь просто хотел рассмешить тебя!

Закипела вода в чайнике. Эйтан налил в чашки кипяток. Затем вынул хлеб из мешка, отрезал по куску себе и Амалии.

— Пей, Амалия!

Девочка взяла чашку и отхлебнула.

— Без сахара! — жалобно сказала она. — Разве у нас нет сахара?

Эйтан поднялся и стал шарить кругом на полу между мешочками и посудой, но ничего не нашел:

— Вот инжир!* — радостно закричала Амалия и указала на мешочек в углу пещеры. — Будем пить чай с инжиром!

Перекусив, они вышли из пещеры. Тучи постепенно рассеивались. Теплое солнце появлялось в разрывах облаков и ласково освещало озябшую землю. Многое изменилось вокруг за ночь. Дождь смыл отовсюду серую пыль. Лес радовал свежей темноватой зеленью. Гора Кармель поднималась к небу, нарядная, как перед большим праздником. По небу ползли посветлевшие облака. Как серебристые, снежные холмы, они медленно двигались, искрясь и меняя свой цвет. Капли воды, повисшие на сухих стеблях, блестели и сияли на солнце всеми цветами радуги, как драгоценные камни.

Эйтан вывел из пещеры теленка и козу и пустил их пастись. Амалия насыпала курам хлебных крошек и крупы дурры, а потом поднялась на холм взглянуть на теленка и козу, которые медленно брели по склону и щипали влажную траву.

Вдруг Эйтан насторожился, повернулся к лесу и стал прислушиваться. Он уловил тяжелое дыхание грузовика. Амалия тоже услышала необычный шум, доносившийся из леса, и удивленно смотрела вокруг.

---

* То же, что фига, смоква.

— Что это такое, Эйтан? — спросила она со страхом.

— По-моему, к нам приехала машина, — ответил он неуверенно.

Оба постояли с минуту в полном молчании, глядя на большой грузовик, съехавший с шоссейной дороги на проселочную, ведущую в Эйн-Роим.

— Папа приехал! — сказал Эйтан и побежал к лесу.

— Папа! — закричала Амалия радостным голосом и побежала вслед за Эйтаном.

Автомашина подъезжала с треском и шумом. Позади грузовика стлался дым и раздавались частые и сильные выхлопы. Это была большая грузовая машина, нагруженная бревнами, досками, бочками и мешками.

— Папа, папа! — кричали Амалия и Эйтан и возбужденно махали руками. Грузовик остановился, и Хермони спрыгнул на землю. Дети бросились к отцу, обнимали его и ласкали.

— Подыми меня на машину, папа! — упрашивала Амалия, — подыми меня!

Хермони схватил ее, одним движением посадил на грузовик и сделал знак водителю, чтобы тот подъехал поближе к холму. Он и Эйтан пошли рядом с грузовиком. Хермони выглядел усталым, одежда его была мокрая и мятая.

— Здесь шел дождь? — спросил он и озабоченно посмотрел на сына.

— Очень сильный, папа! — вздохнул Эйтан.

— А где вы прятались ночью?

— В большой пещере.

Хермони молчал. Долго и сосредоточенно глядел он на пещеры на склоне холма, казавшиеся после дождя очень темными и угрюмыми.

— А как здоровье мамы и Узи? — спросил Хермони, — они еще спят?

Эйтан помолчал мгновение, а потом сказал:

— Узи болен.

— Болен? — испуганно спросил Хермони.

— Его лихорадило, и рано утром мама уехала с ним в Кишону.

— Так... — выдавил Хермони со стоном. — Мы построим барак, и дожди нас больше не загонят в пещеру. И Узи быстро выздоровеет. А ты знаешь, благо-

даря кому мы построим наш барак? Благодаря тебе, Эйтан!

Эйтан поднял глаза и вопросительно посмотрел на отца. Несколько минут прошло в молчании. Затем Хермони закашлялся и торжественно сказал:

— Помнишь железную шкатулку, которую ты нашел, когда пахал в долине?

— А что? — спросил Эйтан, сдерживая дыхание.

— Да, да, Эйтан! В Иерусалиме я открыл эту шкатулку у одного слесаря, и внутри было пятьдесят золотых монет!

На грузовике Амалия пришла в замешательство. Между мешками и бочонками сидели два незнакомых ей человека. Один из них был худой и низкорослый, с лицом и бородой цвета ржавчины, в руках у него был ящик с инструментами; другой — высокий, черный юноша с приятным, смеющимся лицом слегка дрожал от холода и тихо пел заунывную песню.

— Здравствуй, красавица! — сказал юноша и протянул ей свою длинную, худую руку.

— Осел! — выпалила Амалия сердито и села, съежившись, за мешками с цементом.

— О-го-го! — рассмеялся другой, почесывая свою рыжую бороду. — Доброе утро!

— Ты дикарка? — спросил первый и состроил веселую гримасу.

— Сам ты дикарь! — пробурчала Амалия.

— Ты что — трусиха? — продолжал юноша дразнить ее.

Амалия сердито опустила голову и не ответила.

Юноша поднялся, схватил ее и подбросил вверх. Амалия испугалась и закричала:

— Отстань от меня! Кто ты?

— Ципор!* ответил юноша, жмуря один глаз.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась она. — Какой ты смешной! А ты умеешь летать?

— Конечно! — засмеялся Ципор, снова схватил ее и закружил над головой, и полы его пальто развевались на ветру.

— Зачем ты приехал сюда? Скажи!

— Для того, чтобы петь тебе песни!

— Вот и неправда!

— Для того, чтобы пасти вашу козу...

---

* Птица (иврит).

— Я и Узи сами пасем ее! А ты, наверное, столяр?

— Вот он столяр, — улыбнулся Ципор и указал на рыжего в углу кузова.

— Он карлик? — смеялась Амалия. — Я его боюсь!

Грузовик забрался на холм и остановился. Запах бензина распространился вокруг. Водитель вскочил, потянулся, зевнул и проверил колеса, покрытые прилипшей грязью и потому казавшиеся вдвое толще.

Хермони и Эйтан подошли к грузовику и начали разгружать его. Сначала сняли несколько мешков зерна, потом доски, бревна, ящик гвоздей и мешки с цементом. Вблизи полуразвалившегося шатра громоздилась теперь большая гора всевозможного строительного материала.

Амалия бегала среди работающих, развлекая их радостным криком и веселым смехом.

— У нас будет кухня в бараке?

— Конечно, Амалия, большая кухня...

— С окном?

— С окном и дверью.

— Папа, а террассу ты тоже построишь?

— Конечно.

— И хлев для теленка и козы?

— Уф-ф! — сказал Ципор, закрыв пальцами уши. — Еще немного, и я оглохну.

Все засмеялись, а Амалия посмотрела на него укоризненно.

— А ты смешной... — сердито пробурчала она, — плохой мальчик...

Грузовик уехал. Его тяжелые колеса, глубоко уходившие в мягкую глинистую землю, оставили на холме черные полосы, похожие на рельсы железной дороги. Хермони быстро собрал ветки и развел костер. Эйтан сбегал в пещеру за чайником, хлебом и инжиром. Хермони развернул привезенный пакет, и все увидели сельди и зеленые маслины.

— Праздник! Давайте, устроим праздник! — воскликнула Амалия и жадно набросилась на маслины.

— Ешь, ешь, Амалия, — широко улыбаясь, ободрял ее Хермони. — У нас есть еще одна полная банка.

Костер разгорелся. Чайник закипел. Ципор снял шкурку с сельдей и ополоснул их в миске с водой.

Красно-рыжий столяр отошел к дальней стене, набросил на плечи талит,* наложил тфилин** и зашептал молитву. С любопытством и удивлением Амалия следила за его действиями.

— Что он делает, папа? — спросила она с удивлением.

— Он молится, — серьезно ответил Хермони.

Эйтан тоже подошел поближе и долго смотрел на столяра.

— Богу?! — сдерживая дрожь, спросила Амалия.

— Богу...

— А зачем ему эта абайя, папа?

— Так молятся евреи, — пояснил Хермони.

— Тогда почему у нас этого нет? — спросила Амалия, — разве мы не евреи?

Ципор едва сдержал смех и выскочил из пещеры. Хермони растерялся.

— Амалия, коза и теленок забрались в огород! — вдруг крикнул Ципор. — Скорей беги туда!

Амалия побежала, размахивая длинной веткой.

После завтрака взялись за работу. Невдалеке от развалившегося шатра выравнили квадратную площадку и огородили ее толстой проволокой. Эйтан и Амалия собирали камни, а Ципор и Хермони заливали бетон для фундамента. Столяр пилил доски и бревна. Под музыку пилы и молотка, мотыги и лопаты работавшие пели свои песни.

После полудня Тиква вернулась из Кишоны. Она была очень измучена, одежда покрыта засохшей грязью. Тиква оставила Узи в больнице мошава. После первого укола хинина температура больного мальчика немного спала, но приступ мог повториться. Узи должен был еще несколько дней пролежать в больнице.

После бессонной ночи Тиква была без сил. Покрасневшими глазами, сонная, смотрела она на Хермони и на шумную работу на холме. С трудом дотащившись до пещеры, она укрылась одеялом и спустя миг заснула глубоким сном.

Барак рос на глазах. Хермони начал сеять озимые. Он вставал на рассвете, взваливал на плечо ме-

---

* Облачение для молитвы (иврит).

** Филактерии, принадлежность для молитвы (иврит).

шок зерна, привязывал к поясу круглое сито и шел к вспаханным участкам.

После непрерывных дождей наступили мягкие и теплые, солнечные дни. Земля блестела на солнце молодой зеленью. Высоко в небе распевали шустрые жаворонки. Трясогузки подскакивали, как заводные, и весело чирикали. Лес шумел обновленной листвой, а свежие борозды в поле курились тепловатым паром и распространяли острый, будоражащий запах.

Ровно шагая, Хермони разбрасывал золотистые зерна, сопровождая каждый бросок благословением. Эйтан шел за ним с бороной и засыпал посеянные зерна землей. Стаи скворцов с белыми пятнышками и целые тучи черных ворон опускались на поле и копались в рыхлой земле.

— А-киш! А-ки-ш! — пугал птиц Хермони, швыряя в них комья земли. — Го-го-ги-ш-ш-ш!

Участок за участком засевали они ячменем, пшеницей и кормовой травой. Борозды оседали и выравнивались под бороной. Устав, Хермони передал мешочек с зерном Эйтану, который уже присмотрелся к древнему искусству сеяния. Отдыхая в стороне на камне, Хермони смотрел вокруг умиротворенным взором, и сердце его наполнилось радостью.

Весной здесь раскинутся золотые хлеба. Тяжелые колосья будут звенеть на ветру, засинеет лен, а дамасские бобы будут чернеть и белеть на своих больших листьях и сладко пахнуть медом... Потом затрещит сноповязалка, снопы построятся в шеренги, и большие скирды появятся на гумне — плод тяжелого труда.

— Папа, вот осенние цветочки! — весело кричит Амалия, подбегая к размечтавшемуся отцу. — Я нашла их на нашем холме. Смотри, папа, какие они красивые.

Хермони словно просыпается от сна. Он берет хрупкий букетик розовых осенних цветочков, обнимает девочку, гладит ее. Эйтан останавливает лошадь, смотрит на них с улыбкой.

— Смотри, Эйтан! — говорит Амалия счастливым голосом, — там много, много цветов!

Эйтан смотрит на маленькие, нежные цветочки и вздыхает.

— Жалко их, Амалия, они такие хорошие...

— Я подарю их Узи, — оправдывается девочка, — он будет так рад...

В субботу Хермони и Ципор с утра ушли в лес. Хермони захватил охотничье ружье, а Ципор — хлеба с луком на дорогу. Лес стоял вымытый и чистый и издавал приятный запах гнили. Зимние цветы желтели меж камнями. Тысячи скворцов и ворон летали над лесом: весь лес был наполнен чириканием.

На фоне зеленого лесного моря были щедро разбросаны золотистые и пурпурные пятна: то был листопад.

Хермони ходил по лесу взволнованный и жадно ловил тихий и приятный шелест, доносившийся со всех сторон. Дрожащей рукой проводил он по кустам и стволам, вдыхал острые запахи леса. Очарованный Ципор был как во сне: такого леса он еще в жизни не видел. Лацкан рваного пиджака он украсил цветком шафрана.

Угольщики исчезли из леса. Их печи стояли пустые после дождя, умывшего землю. Хермони внимательно осматривался, принюхивался, но нигде не пахло дымом. Встречные пастухи приветствовали Хермони, как старого знакомого.

— Построишь себе дом, шомер?

— Иншалла...

— Да продлит Аллах твои дни, сосед наш!

— И ваши...

— Прими, хаваджа, подарок для детей, — предложил ему один из пастухов очаровательное темнокоричневое создание на слабеньких голенастых ножках.

— Как ее зовут?

— Азал, — ответил пастух, — мы нашли ее в лесу.

То была маленькая газель с блестящими, черными глазами.

— Спасибо тебе, пастух, зайди к нам, мы дадим тебе маслин и селедку, — сказал Хермони и ослабил веревку на шее газели. — А куда это делись угольщики? — спросил Хермони как бы невзначай.

— Убрались восвояси, хаваджа, — ответили пастухи хором. — А Абу Наами отдал им часть денег, которые он сосал из них, как пиявка. Да разрушится его дом! Он злится на тебя, хаваджа, и воет, как сумасшедшая гиена...

— Скажите ему, что он потерял свой белый носовой платок, когда хотел украсть ночью мою козу! — сердито усмехнулся Хермони. — Прошли турецкие дни, друзья, и теперь не в моде в нашей стране давать бакшиш, ей Богу!

— Браво, хаваджа Абу Эйтан! — воскликнули пастухи. — Клянемся тебе Аллахом, ты настоящий джеда.*

Вслед за пастухами Хермони и Ципор вышли на большую лесную прогалину. Стая скворцов неслась над их головами. В воздухе стоял шум крыльев и визгливые крики птиц.

— Стреляй, стреляй, хаваджа! — просили пастухи. — Мы сейчас же пожарим их и съедим! Ай, как вкусно, клянемся Мухаммедом!

Хермони колебался. Тогда Ципор взял у него ружье, вскинул и выстрелил. На землю попадали раненые и убитые скворцы, пузырилась теплая кровь, и черные птицы испуганно копошились и подскакивали...

— Ура! — весело закричали пастухи. — Один, два, три, пять, десять! — подсчитывали они, собирая птиц и держа их за дрожащие крылья.

Скворцы жалобно пищали и вертели головками.

Один пастух снял с себя абайю и расстелил на траве. Туда пастухи побросали раненых и убитых птиц.

— Где шубрия,* Ахмед! — закричали пастухи своему товарищу, гонявшемуся за последним раненым скворцом.

Ахмед вынул блестящий кинжал и стал резать скворцов одного за другим. В минуту были собраны ветки, и запылал огонь. Птичек уложили на горящие угли, и по лесу поплыл аппетитный запах жареного мяса.

Бараны и овцы подымали головы и тревожно принюхивались.

Хермони повернулся, хотел уйти.

— Идем, Ципор, — позвал он, — эти скворцы-глупцы прилетели сюда из-за моря, чтобы их сожрали хищники!

---

* Герой (араб).

* Кинжал (араб.).

— Ешь, хаваджа! — упрашивал один из пастухов, поднося жареного скворца, — очень вкусно, ей Богу!

Хермони взял птицу и передал Ципору. Тот жадно потянул носом и дрожь пробежала по его лицу.

— Вот это да! — воскликнул он, — такая жизнь мне нравится, Хермони, настоящая жизнь на лоне природы! Все время я мечтаю о такой жизни. Что это за работа — таскать кирпичи на стройке или доить коров в кибуце? Скучно! Уже несколько лет я бездельничаю и скитаюсь с места на место. Вот у тебя жизнь, Хермони! Есть что-то мужественное в ней. Ты всегда с природой и, сам того не зная, иначе смотришь на мир. Я в самом деле рад, что мы встретились с тобой в грузовой машине. Если бы не это — я, наверно, пришел бы пешком в Алону, заглянул бы в поселение на Гильбоа, вернулся бы в Алону и т. д. Цыган я по натуре, Хермони, бедуин! Я пишу стихи и пою их пустым и злым сердцем. А теперь — попался! Ваша жизнь влечет меня, черт побери! Здесь я вижу смысл...

Хермони ничего не ответил, да и понял-то он далеко не все. Погруженный в свои мысли, шел он вперед, и глаза его с тоской смотрели на еще недостроенный барак, видневшийся на холме Эйн-Роим.

Узи вернулся домой. Он похудел и побледнел, стал как бы прозрачным. Большую часть дня он тихонько сидел невдалеке от строящегося барака, грелся на солнышке и играл с газелью.

Ципор время от времени прерывал свою работу, подходил к Узи и тормошил его. И Амалия, и Узи привязались к Ципору и пели с ним его песни.

Этот скиталец вселил живой дух в Эйн-Роим. Вечером он допоздна рассказывал были и небылицы и пел песни.

И Тиква хорошо относилась к нему, потому что он вернул им смех, потерянный ими в трудной и опасной жизни.

Глава восьмая

ПРАЗДНИК НА ХОЛМЕ

Строительство барака подходило к концу. Уже возвели стены, уже закрепили стропила крыши. На первые стропила, обращенные к дороге, Хермони укрепил большой Маген-Давид и украсил его зеленым венком. Начали заглядывать первые прохожие, рассматривать новую ферму. Не было конца удивлению, расспросам, пожеланиям успеха. Случайные гости пробовали пресную воду из родника, восхищались красотой холмов и леса. Тиква принимала всех гостеприимно, поила и кормила, приглашала переночевать в «жилище первобытного человека» — в покрытой копотью пещере... Туристы появлялись на минутку — смотрели, как строят новое поселение, фотографировали и давали обещание обязательно прислать пикчер.*

Как-то ранним утром Амалия и Узи пасли корову и козу на прекрасной, тучной лесной лужайке. Корова шла медленно, пощипывая траву. Ее большой живот тяжело подымался и опускался, изредка она глухо и хрипло мычала. Амалия пробиралась между камнями, собирала душистые нарциссы и плела их них венок, украшая его тонкими ветками дикого винограда. Узи влез на верхушку ветвистого рожкового дерева и палкой сбивал рожки для козы, топтавшейся внизу. Коза с жадностью ела сладкие плоды.

Тишину теплого дня вдруг нарушило очень громкое мычание. Амалия повернула голову и разинула рот от испуга. Корова уперлась в землю задними ногами, задняя часть ее тела изогнулась, вся она искривилась, изнемогая от болей. Венок выпал из рук Амалии. Встревоженная и растерянная смотрела она на корову.

— Узи! — закричала Амалия, — Узи, иди сюда!...

Корова часто стонала, из ее горла вырывался непрекращающийся хрип, казалось, она задыхается.

---

* Фотокарточка (англ.).

— Узи, корова подыхает! — кричала Амалия плачущим голосом, — Узи, слезай скорей!...

Узи спрыгнул с дерева, подбежал и удивленно посмотрел на корову.

— Да ведь она рожает, глупая! — воскликнул он, смеясь, — беги, позови маму, а я здесь буду сторожить!

Корова лежала, вытянув широкую шею и влажными глазами смотрела вокруг, словно ища чего-то. Время от времени она издавала глухой и печальный стон и пыталась подняться. Узи подошел к ней, нагнулся и с нежностью погладил голову.

— Беги, Амалия! — крикнул Узи. — Беги изо всех сил!

Он нарвал травы, подложил под роженицу, извивавшуюся от болей.

Мутная пена показалась изо рта животного. Узи смотрел с огромным удивлением — на свет Божий появились две черные, тоненькие ножки...

— Папа! Мама! — испуганно закричал Узи и помчался в Эйн-Роим, — скорей, скорей, мама!...

К корове подбежали взволнованные Хермони и Тиква. Засучив рукава, она постелила около коровы мешок. Корова изнемогала от боли, собирала остатки сил, порывалась встать, но не могла, и все время стонала. Хермони держал ее за рога и с жалостью поглаживал. Амалия и Узи спрятались за дубом и испуганно смотрели оттуда.

— Теленок! — воскликнула Тиква с сияющим лицом. — Теленок родился!

Амалия и Узи выскочили из своего укрытия и с восторженным криком побежали к роженице. На мешке лежал черный, нежный теленок, на его маленьком лбу светилась белая звездочка. Он мелко дрожал и смотрел вокруг черными, удивленными глазами.

Теперь роженица успокоилась, только изредка утомленно стонала. То и дело она поворачивала голову назад и добрыми глазами искала своего детеныша. Теленок пробовал подняться, но ему это не удавалось.

— Прелесть! — сказала Амалия радостно и обняла его маленькую головку.

Тиква достала из кармана передника пригоршню соли и легонько растерла ее по телу теленка. Хермони взял его на руки и положил возле коровы. Мать ра-

достно замычала и начала вылизывать мугкую и скользкую шерсть теленка.

После полудня привели корову и ее детеныша в Эйн-Роим. Ципор и Эйтан встретили всю процессию торжественно и радостно. В пещере, которая служила временной квартирой, освободили им место, застлали его сухими листьями и травой. Мальши назвали теленка Яара,* ибо он родился в лесу.

Посев кончился. Благодатные дожди шли часто, между дождями пригревало солнышко. Склоны холмов и оврагов покрылись зеленью, и красивые, словно высеченные из зеленого камня, участки радовали глаз. Овощи в долине росли, как на дрожжах. Тиква варила их каждый день. Эйтан спускался в огород и приносил свеклу и редиску, лук и шпинат. Тиква теперь уже не покупала овощи у арабов, торговавших вразнос.

Однажды маленький автомобиль приехал в Эйн-Роим. Из него вышел молодой человек в очках в золотой оправе. В руках у него был большой кожаный портфель. Дети окружили приезжего, рассматривали его с любопытством.

— Как называется это место? — спросил гость, вынув изо рта дымящуюся трубку.

— Эйн-Роим! — ответили малыши. — А нашего папу зовут Хермони!

Гость стоял молча и озирался с изумлением. Хермони вышел из недостроенного барака и поздоровался с гостем.

— Это ты шомер Хермони? — спросил гость и протянул руку.

—Я , — ответил Хермони.

— А я инспектор лесов Керен Каемет, — сказал гость со сдержанной важностью и еще раз пожал руку Хермони.

— Господин Хаклай!? — спросил Хермони, как громом пораженный.

— Пожалуйста, не пугайтесь так... — успокоил его инспектор, — я приехал узнать, как вы тут устроились, как дела в лесу.

Хермони смутился, что не может пригласить гостя в барак.

— Вы что, уже построили барак? — спросил инспектор, пожимая плечами.

---

* Лесной (ивр.).

— Нет еще, только строим...

— А где же вы живете?

Хермони покраснел, ответил негромко:

— В пещере.

— Зайдем туда и отдохнем, если можно, — попросил гость.

Они вошли в пещеру, уселись на рогоже. Куры, рывшиеся в навозе в углу, панически бежали.

Гость огляделся с любопытством. Тиква принесла молока, овощей, инжира и предложила гостю закусить. Хермони сидел смущенный, будто виноватый в том, что принимает инспектора в пещере, служившей одновременно и квартирой, и коровником.

— Я привез вам денег на постройку барака, — сказал гость с улыбкой и отпил молока, — а вы его уже построили.

— Конечно, дожди покоя не дают, и в пещере плохо жить с детьми, — сказал Хермони, — нужно строить второй барак под хлев и конюшню.

— Прежде всего надо обеспечить жильем семью, детей, — сказал инспектор, — мы привыкли двигаться медленно... людей и животных спасет Бог — раньше человека, а потом животных, — а для лошади и коровы пещера тоже годится...

— А каково положение в лесу? — продолжал спрашивать гость, отсчитывая деньги, вынутые из большого портфеля. — Есть ли кражи? Лес, как я вижу, запущен, а ведь он может разрастись, если только хорошо за ним следить.

Хермони принял деньги и передал их Тикве, чистившей картофель к обеду.

— Пересчитай деньги, дружок, — засмеялся инспектор, — ты должен расписаться в получении всей суммы...

Тиква вытерла руки и пересчитала деньги. Хермони расписался на бланке, который ему протянул инспектор.

Хермони рассказал ему между прочим об угольщиках, хозяйничающих в лесу, о бесчинстве феллахов и пастухов, о непрекращающихся угрозах Абу Наами, работающего сторожем в лесах другого еврейского общества.

После обеда инспектор попросил Хермони поехать с ним в лес. Хермони оседлал лошадь и, как всегда, захватил с собой ружье.

— Без ружья я в лес не выезжаю, — объяснил он инспектору — здесь надо быть начеку...

Инспектор сел в автомобиль, и они отправились в лес. Близ глубокого вади* инспектор остановил машину. Хермони спрыгнул с лошади и повесил ружье на седло. Инспектор обратился к водителю:

— Я оставляю в машине портфель! — сказал он, — следи, чтоб все было в порядке! Примерно через час вернемся.

Хермони вел инспектора к невысоким, заросшим лесом, холмам. Инспектор достал из кармана перочинный ножик и надрезал им кору многих деревьев, что-то измерял и записывал.

— Есть ли в лесу старые деревья? — спросил инспектор.

— В часе ходьбы отсюда.

— Может, ты измерил их толщину? — спросил инспектор с интересом.

— Нет, — ответил Хермони, — этим я не занимался, но некоторые из них мы с Эйтаном и гостившим у нас парнем пробовали обхватить руками, но так и не смогли.

— Да ну?!

— Здесь много таких деревьев! — ответил Хермони с уверенностью.

— А дикие животные встречаются в этом лесу? — спросил инспектор, складывая инструмент, которым измерял толщину стволов.

Хермони пожал плечами:

— Я не успел точно выяснить, какие животные здесь есть, но вот кого я видел здесь собственными глазами: гиену, куницу, лисицу, шакала, зайца и оленя. А пастухи сказали мне, что попадаются здесь и волки.

— А тигры?

— Нет, — ответил Хермони.

Со стороны вади, где осталась машина, раздались вдруг крики: «Спасите! Спасите!» Эхо размножило крик, разнесло по холмам.

Инспектор побледнел. Вскочив на лошадь, Хермони прислушался, затаив дыхание.

— Там случилось несчастье! — сказал Хермони, — я поскачу на лошади, а ты беги за мной!

---

* Овраг, высохшее русло реки.

Лошадь взяла с места и понеслась галопом. Со стороны автомобиля без конца раздавались отчаянные крики: «Спасите! О-а! Спасите! Спасите!»

Инспектор скинул пиджак, с тревогой огляделся и побежал следом за Хермони.

Он был бледен, в висках стучало, сердце прыгало: в кожаном портфеле, оставленном им в машине, были важные документы и денежные расписки.

Около автомобиля Хермони увидел водителя, раненного в лицо и руку. Кровь сочилась из его ран, на земле были пятна крови.

— Что случилось? Кто ранил тебя? — спросил Хермони, соскочив с лошади и сильно трася раненого, — скажи!

Водитель приоткрыл глаза и простонал:

— Портфель украли, меня ранили ножом. Туда, туда убежал бандит! — и указал рукой на север, в сторону холмов.

Хермони снова вскочил на лошадь, пригнулся к ее шее, и, крепко держа ружье, пустил лошадь рысью. В чаще кустарников скакать пришлось куда медленней, ветви в любую секунду могли сбросить всадника, но он, не оглядываясь, все понукал лошадь и еще ниже склонился к ней. Впившись глазами в землю, он не упускал след разбойника: бумажки, высыпавшиеся из портфеля, служили ему ориентиром.

— Стой! — вдруг крикнул Хермони, заметив оборванного человека, прятавшегося за деревьями.

Беглец прыгнул в сторону и бросился наутек.

— Стой! — снова закричал Хермони и выстрелил в воздух.

Гулкое эхо покатилось по лесу, и отовсюду ему вторили далекие отголоски.

— Стой! — еще раз проревел Хермони страшным голосом и снова выстрелил в воздух.

Беглец согнулся, замедлил шаги и, шатаясь, переходил от одного дерева к другому. С отчаянием оглядевшись, он бросил портфель, с ловкостью белки вскарабкался на ветвистое дерево и укрылся там между ветвями.

Хермони не спускал с него глаз, но все-таки потерял его из виду в густой кроне дерева.

Наступила тишина. Хермони соскочил с лошади и привязал ее к дереву. Потом достал веревку из седельного мешка и принялся настойчиво искать бег-

леца. Лес погрузился в полутьму. Солнце зашло, и лишь последние лучи окрашивали золотом верхушки деревьев.

И вдруг Хермони громко расхохотался. На тонкой ветке, на самой верхушке дерева, сидел покрытый сажей оборванец и смотрел на него жалостливыми, собачьими глазами.

— Слезай! — заорал Хермони свирепо.

Оборванец не двигался.

— Немедленно слезай! — повторил он и направил на него ружье.

— Хаваджа, не убивай меня! Хаваджа! — захныкал оборванец. — Ана маскин,* отец мой!

— Где твой нож? — с яростью громко крикнул ему Хермони.

— Вот, хаваджа, — заплакал он и показал на кривой нож, валявшийся на земле около портфеля. — Он выпал из моих рук...

— У тебя есть еще один нож! — крикнул Хермони, — брось его вниз! — и снова направил на него ружье.

— Клянусь пророком, у меня нет, хаваджа! — причитал грабитель, — это все, чтоб я умер страшной смертью!

— А ты кто? — спросил Хермони.

— Угольщик.

— Почему ты не убрался из леса?

— Не велели мне.

— Кто?

— Не убьешь меня?

— Говори!

— Абу Наами...

— Это он послал тебя ограбить нас?

Грабитель молчал.

— Говори! — вскричал Хермони.

— Он... — произнес наконец угольщик.

— А ну, слезай с дерева!

Оборванец спрыгнул с дерева и с быстротой молнии схватил нож, но прежде чем он успел нанести удар, Хермони выстрелил в воздух.

— Возьми нож и свяжи мне руки, хаваджа, взмолился преступник, — не убивай меня, во имя Мухаммеда!

---

* Я несчастный (араб.).

— Брось нож, собака! — процедил Хермони с презрением.

Тот бросил нож. Хермони подошел к нему и крепко связал ему руки, а конец веревки прикрепил к седлу.

Ни инспектора, ни водителя автомобиля Хермони не нашел в лесу. И в Эйн-Роим они не зашли. Преступника он передал в ближайший участок полиции.

Уже было темно, когда лесной инспектор явился опять в Эйн-Роим. За рулем сидел другой водитель. Раненого шофера передали в больницу в Хайфе. Долго проверял инспектор бумаги в портфеле, отобранном у преступника. Большинство бумаг сохранилось. Лишь несколько квитанций осталось в лесу. Инспектор тепло поблагодарил Хермони и уехал.

Тиква отправилась на телеге в город за продуктами на время дождей. Она взяла с собой Амалию и Узи — малышам надо было купить одежду и обувь. На рассвете они выехали из Эйн-Роима и, прибыв в город утром, позавтракали в телеге. Тиква объяснила детям, что нельзя оставлять телегу и лошадь без присмотра, и каждый должен сторожить по очереди.

— Купишь мне дудку, если останусь? — спросил Узи.

— Куплю.

— Не забудешь?

— Запомню.

— Тогда хорошо.

Тиква и Амалия пошли в город, а Узи сунул лошади пучок сена, взобрался ей на спину и принялся усердно расчесывать гриву. Между тем небо потемнело, и начал накрапывать дождь. Узи стало жалко себя и он подумал, что остался он один в чужом городе и что ни отца, ни матери нет возле него. Он хотел было заплакать, но хлынул дождь, и пришлось ему залезть под телегу. Сжавшись там в комочек, он засунул палец в рот и тихо хныкал. Ему самому было непонятно, почему он плачет. Было приятно слышать свой собственный голос и чувствовать тепло слез, стекавших по щекам.

Вдруг он услышал позади себя шорох и почувствовал холодное и мокрое прикосновение к руке. Вздрогнув от неожиданности, он повернул голову: мокрая собака жалась к нему.

— Пошла! — со злостью крикнул Узи. — Пошла вон! — и пнул ногой незваного гостя.

Но собака не двигалась. Тихо скуля, она свернулась под телегой и смотрела на Узи грустными глазами.

Узи перестал плакать. С пальцем во рту глядел он на черную собаку, у которой только кончик хвоста и одна задняя нога были белыми. Собака часто моргала глазами, уши ее висели, пушистая шерсть была испачкана. Почувствовав мягкий взгляд Узи, собака опустила голову, начала скрести лапой землю и заюлила, выражая этим полное свое доверие и подчинение.

Лил сильный дождь. Лошадь понуро опустила голову, будто прося убежища. От нее шел пар, она горестно вздыхала. Узи повернулся к собаке и подумал, что, пожалуй, ему подвернулся благоприятный случай и пренебрегать им не следует. Вот уже несколько месяцев, как отравили Ливне, и Эйн-Роим остался без собаки, и он решил изменить свое отношение к приблудному гостю и попробовать его приручить. Весь вид собаки говорил о том, что она бродячая и не имеет хозяина.

Узи осторожно протянул к ней руку. Собака медленно поднялась, стряхнула капли дождя и потянулась доверчиво к Узи.

— Иди, иди сюда! — позвал Узи и уже без опаски коснулся головы собаки.

Радостно ворча, собака стала лизать мальчику руку. Вскоре пес уже лежал около Узи, блаженно урча от ласкового прикосновения человеческих рук.

Как только дождь прекратился, Узи выбрался из своего убежища и отыскал в телеге остатки еды. Он бросил еду под телегу и свистнул собаке. Та набросилась на мокрые куски хлеба, жадно их проглотила и благодарно завиляла хвостом. А Узи тем временем нашел бечевку, обвязал вокруг собачьей шеи, а другой конец зажал в руке.

В обед вернулись Тиква и Амалия. Они были нагружены узелками и пачками, а за ними шествовали два человека с мешками и коробками. Амалия красовалась в красном свитере и в тяжелых, обитых гвоздями, ботинках, скрипевших на каждом шагу. В одной руке она держала длинный кусок сахарного тростника, в другой она сжимала посеребренную свирель.

К вечеру они вернулись домой. Телега доверху

была полна всяким добром, а за телегой весело бежала привязанная к ней собака.

Однажды Эйтан копал огород в долине, где протекал родник. Согнувшись, тяжело дыша, он медленно шагал с лопатой между длинными грядками. И вдруг он увидел вырванную из земли, обгрызанную свеклу. Он обошел огород и нашел обгрызанные овощи и на другом участке. Многие корнеплоды валялись на земле, наполовину съеденные; на них видны были следы острых зубов.

За обедом Эйтан рассказал об этом отцу. После еды они спустились в огород: Хермони хотел разобраться, в чем дело. На грядках они нашли длинные черно-белые иглы.

— Дикобразы! — воскликнул Хермони с горечью.— Эйтан, эти проклятые грызуны могут начисто уничтожить огород за несколько дней! Их необходимо во что бы то ни стало убить.

Хермони нагнулся, подобрал несколько игл и очень внимательно осмотрел землю.

— Вот их следы! — сказал он.

На влажной земле отчетливо видны были отпечатки лап, похожие на детские следы.

— Идем посмотрим, куда ведут эти следы, — оказал Хермони Эйтану.

Они взяли лопаты и пошли по следам. В траве следы исчезли, но попадавшиеся тут и там иглы указывали направление. Они оказались в небольшой ложбине, сплошь покрытой большими камнями и кротовыми бугорками. На пологом склоне соседнего холма с масличными деревьями чернело несколько нор. Эйтан пробрался туда и заглянул в одну. Вдруг он крикнул:

— Папа, посмотри, сколько здесь игл!

Хермони подошел и нахмурился: толстый слой игл лежал у входа в нору. Здесь, как видно, обитало большое семейство дикобразов, обосновавшееся в этих местах много лет назад.

— Мы нашли источник зла, — сказал Хермони, — а теперь начнем войну. Ты останься здесь, Эйтан, а я пойду поищу еще.

Эйтан остался собирать иглы для детей, а Хермони ушел. Вскоре он вернулся, и лицо его было почти спокойным.

— Это единственное гнездо, больше здесь ничего нет, — сказал он, устало опустившись на камень.

Отдохнув, Хермони попросил Эйтана помочь ему подтащить камни и сложить их в кучу около нор. За несколько часов они приволокли груду камней и укрыли их под деревом, чтобы дикобразы ночью не почуяли недоброго.

— Хочешь драться с дикобразами до победы? — спросил Хермони Эйтана, когда они под вечер вернулись в Эйн-Роим.

— Конечно, папа, — ответил сын серьезно, — я ведь так старательно работал в огороде!

— Тогда придется тебе подняться завтра очень рано, — погрозил ему отец пальцем и засмеялся, — за два часа до рассвета.

Эйтан улыбнулся и покачал головой в знак согласия.

Задолго до рассвета Хермони разбудил Эйтана, и они вышли из дома. Кромешная тьма стояла вокруг. Небо было затянуто тучами, и только несколько звезд мерцали в просветах. Холодный, сырой ветер вызывал дрожь. Хермони нес охотничье ружье и мотыгу, а Эйтан — две большие лопаты. Они медленно, ощупью двигались в темноте и вышли наконец к ложбине дикобразов. Хермони предупредил Эйтана, чтоб тот молчал, и они приступили к работе. Эйтан подавал камни, собранные накануне, Хермони завалил ими входы в норы, на камни насыпал песок и сверху обложил свежей травой. Дикобразы, когда они вернутся под утро с огорода, ничего не должны были заметить подозрительного. К рассвету они закончили свою работу. Хермони взял Эйтана за руку и шепнул ему на ухо:

— Если дикобразы побегут в другую сторону, маши лопатой, гони их к норам...

Эйтан кивнул головой и уселся на земле. Вернувшись к норам, Хермони спрятался за огромным камнем и направил ружье в сторону огорода. Ночь отступала. Темнота рассеивалась, на востоке показалась алая кромка солнца. Издали донесся лай собак и пение петуха. Подул тихий утренний ветерок. Хермони лег на землю, с трудом сдерживая дыхание и держа палец на курке. Он представлял себе дикобразов, спокойно разгуливающих по огороду и грызущих овощи, и скрежетал зубами от злости.

Вдруг он уловил осторожный шорох. Высунувшись из-за камня, он осмотрелся вокруг. Большой, жирный дикобраз появился на верхушке холма; можно было разглядеть его прямые и острые иглы. Он медленно спускался к норе. Хермони легонько потянул курок ружья и хотел было выстрелить, но передумал: выстрел мог испугать других дикобразов. Внимательно следил он за приближающимся врагом. Не дойдя до норы, зверь неожиданно остановился. Нервно нюхал он свежую землю, подозрительно посматривал вокруг и злобно стучал иглами. Потом он яростно захрюкал, как бы взбешенный изменениями, происшедшими возле его норы. На склоне долины появились еще два дикобраза. Первый поспешил им навстречу и издал предупреждающий крик. Все трое остановились, настороженно оборачиваясь. Их иглы вздрагивали. Потом все вместе они приблизились к норам и стали копаться носами и ногами во влажном песке.

Бац, бац, бац! — раздались три выстрела один за другим, и три дикобраза исчезли между деревьями.

— Папа! Папа! — тревожно позвал Эйтан, — папа, скорей!

Хермони выскочил из своей засады, подбежал к деревьям и увидел трех дикобразов, истекающих кровью. Потом он поспешил на зов Эйтана.

— Два дикобраза убежали туда, папа, — крикнул юноша, указывая на холмы у железной дороги, — вот, вот они!

Хермони начал преследование. Он повернул бегущих в лес дикобразов, преградил им дорогу несколькими выстрелами. Дикобразы перекатывались как мячи, подпрыгивали, падали и оставались лежать без движения.

— Папа, сторожи их! — крикнул Эйтан с азартом. — А я проверю тех, что свалились у нор!

Солнце взошло. Победа была полная: пять тяжелых, жирных дикобразов лежали в ряд. Их иглы вяло свисали.

— На наших овощах они разжирели, черти! — сказал Хермони и, плюнув, бросил ружье. — Не могу смотреть на них!

Эйтан побежал в Эйн-Роим, и Тиква, Ципор и дети пошли взглянуть на дикобразов.

В лесу появились грибы. Среди гниющих листьев

росли коричневые грибы с большими шляпками. Раза два в неделю шли Тиква и дети в лес за грибами. Пастухи научили их отличать съедобные грибы от ядовитых. Несколько раз, отправляясь в город, брал Хермони с собой корзину грибов и продавал их по хорошей цене. А Тиква пекла вкусные блины с грибами.

Новая собака — ее назвали Алони — как тень ходила за грибниками; она гонялась в лесу за зайцами и ежами. Узи ухаживал за собакой с любовью, и она стала красивой и легкой в движениях. Сильнее всего Алони привязалась к Узи.

Однажды, когда они собирали грибы в лесу, до них донесся звук свирели — к ним приближался незнакомый пастух со стадом. Пастух ехал верхом на маленьком сером осле и играл на свирели. Следом лениво двигались козы, пощипывая траву.

Подъехав к Тикве и детям, пастух поздоровался.

— Шалом! — ответили те.

Это был юноша-негр, лицо его блестело чернотой, как будто его смазали черным лаком.

— Откуда ты? — спросила Тиква.

— Издалека... — ответил пастух, подмигнув детям, а потом снова заиграл.

— Из туркманов?

— Нет, клянусь Аллахом, издалека, издалека...

Вдруг он заметил Алони. Его лицо засияло от радости, и улыбка появилась на лице.

— Чья это собака? — спросил он с недоумением.

— Моя, — ответил Узи и положил ей руку на голову.

Пастух спрыгнул с осла, подошел к собаке и стал гладить ее. Узи прижал собаку к коленям и сердито посмотрел на пастуха.

— Продай собаку — обратился негр к Тикве, — клянусь Аллахом, продай!

— Она нужна нам! — ответила Тиква с улыбкой, — у нас только одна собака!

— Достанешь себе другую, клянусь пророком, — продолжал он просить дрожащим голосом, — продай, чтоб ты была здорова.

— Собака принадлежит детям, они не продадут ее, — коротко ответила Тиква.

— Обменяем на осла, — предложил пастух, — я не могу без собаки, я сирота...

— Мне не нужен осел, а собака — моя! — возразил Узи.

— Но на осле мы сможем ездить, Узи, — уговаривала его Амалия, — а собаку другую достанем у пастухов в нашем лесу...

Тиква тоже была за обмен: скоро они должны идти в школу — вот и будут ездить на осле.

— Но я всегда буду сидеть впереди, а Амалия сзади, — обусловил Узи.

— Хорошо! — согласилась Амалия.

— Маленькие согласны, — сказала Тиква пастуху, дожидавшемуся конца переговоров.

— Слава Богу, — сказал он радостно, — да продлит Бог их дни!

Он снял с осла старые мешки и свои истоптанные сандалии и передал осла Тикве. Узи в последний раз погладил собаку и подтолкнул ее к пастуху.

— Мама, скажи ему, чтобы не бил ее, — шепнул Узи.

Собака упиралась и выла, поворачивалась к Узи, глядя на него с тоской.

Пастух ушел, а Узи был занят ослом, как ни в чем не бывало щипавшим траву. Переходу от одного хозяина к другому он не придал значения.

— Нам повезло! — заявил Узи после короткого обследования, — мы получили ослицу! Она может наплодить нам еще много ослов.

В тот день они вернулись домой верхом на осле. Узи впереди, Амалия сзади. Осел бежал легко к белевшему на холме бараку.

Барак был закончен. Гордо возвышался он на холме и был виден издалека. Столяр уже уехал, лишь Ципор остался. Он работал с Хермони в лесу: день они подрезали и собирали ветви, а назавтра возили в город продавать. Старую, ветхую мебель перетащили из пещеры в барак, но ее было так мало, что комнаты выглядели пустыми.

Тиква уже который раз просила Хермони докупить мебели в городе, когда он повезет туда ветви. Он смотрел на жену с улыбкой, но ничего не обещал. Правда, кровати для детей он все же привез, чтобы они не спали на полу.

Главным образом Хермони беспокоился о хозяй-

стве. На деньги, вырученные от продажи ветвей, он купил плуг, вилы, упряжь, мотыгу.

Было субботнее утро, последний день Хануки. После нескольких дождливых дней небо прояснилось, и солнце пригревало вовсю. Дул прохладный ветер, осушавший влажную землю. Все зазеленело вокруг и расцвело.

Лес сверкал, как зеленый храм. Гора Кармель блестела, и ее скалы сочились влагой и переливались, как драгоценные камни.

Амалия и Узи ухаживали за животными в загоне. Эйтан смастерил его из ветвей и тростника, и в нем жили газель и теленок. Газель выросла, ее легкие ноги шаловливо приплясывали, а длинная шея гордо тянулась вверх. Газель очаровывала всякого, кто смотрел на нее. Теленок тоже похорошел, пятнышко на лбу увеличилось и стало белым как снег. Амалия поила теленка из горшка распаренными отрубями. Иногда она опускала свой палец в месиво, и теленок жадно хватал ее палец своими мягкими губами.

Узи приносил капустные листья, рвал их на кусочки и скармливал газели. Она стояла с поднятой головой и важно жевала зелень с сознанием собственного достоинства, а вовсе не как пленница. Из барака доносился голос Ципора, распевавшего свои песни о празднике субботе.

Эйтан вышел из барака, вывел из хлева корову, козу и ослицу и погнал их пастись. Вдруг он услышал голоса со стороны восточных холмов: группа людей с песнями приближалась к Эйн-Роиму.

— Ребята, посмотрите-ка, сколько людей идут к нам! — удивленно воскликнул Эйтан, указывая на дорогу в Алону.

Малыши прекратили свою работу и с любопытством смотрели на приближающихся.

— Может быть, нападают на нас, — тихо произнес Узи и заморгал глазами.

— Что ты, днем не нападают! — крикнула Амалия, — спроси даже папу!

— Евреи! — сказал Эйтан. — Я узнаю по одежде.

Песня становилась громче с каждой минутой. Хермони и Ципор вышли из барака и внимательно рассматривали поющую толпу. Пришла и Тиква с метлой в руках.

— К нам? — спросила она с изумлением.

— Как видно... — ответил Хермони и пожал плечами.

— Папа, я поеду им навстречу верхом на лошади! — воскликнул возбужденно Эйтан.

Хермони не возражал. Вскочив на лошадь, Эйтан понесся галопом встречать гостей.

— Шалом! Шалом! — послышались веселые возгласы. — Шалом лесным жителям!..

Тиква и Хермони напрягали глаза и улыбались. Большая группа людей из Алоны, товарищи по работе и сторожевой службе, приближалась и Эйн-Роиму — мужчины, женщины и дети, и с ними ослы с поклажей.

— Как здоровье? — кричали еще издалека.

Подойдя вплотную к хозяевам, один из них сказал:

— Вы не пригласили нас на новоселье, и вот мы сами пригласили себя!

— И вино принесли, — крикнули другие, — шалом вам, пещерные люди!

Здоровые, загорелые мужчины схватили Узи и Амалию и подбросили их вверх, посадили на плечи, возились с ними.

Хермони и Тиква вконец растерялись. С сияющими лицами они стояли и моргали глазами, как малые дети. Они вдруг осознали, что совсем не одиноки здесь, что они окружены братьями и сестрами по труду и невзгодам.

Ослы были нагружены птицей и овощами, банками повидла и бутылками вина из виноградников Алоны и множеством всякой рассады для расширения огородного хозяйства Хермони.

Гости с восхищением рассматривали все, что создали всего за полгода Хермони с семьей.

— Сколько месяцев прошло, как вы здесь? — спросили они с изумлением.

— Меньше шести... — ответил Хермони.

— И за это время вы успели такое здесь устроить! — удивлялись все.

— Мы немного успели, — пробовала Тиква преуменьшить сделанное, — но мы работали с удовольствием и удовлетворением. Это только начало, друзья, мы ведь сейчас только в начале пути.

— А где вы жили до постройки барака?

— В шатре...

— А во время дождей?

— В пещере, — выскочила Амалия, — дождь загнал нас в пещеру.

— А чьи эти участки пшеницы? — спросил один из гостей с любопытством.

— Мы посеяли немного пшеницы, — усмехнулся Хермони.

— А овощи в долине?

— Ведь это рассада, которую вы дали нам осенью, — бормотал Хермони в смущении. — Здесь земля тучная, хорошо удобрена.

— Да здесь настоящий рай! — воскликнули многие с удивлением, — такой лес, такая земля!

Гости восхищались коровой и телёнком, ослом и газелью. Это выглядело очень забавно: будто гости пришли не из соседней деревни, а из большого, далекого города.

Тиква вначале потеряла дар речи при виде своих старых подруг, с которыми они вместе работали, страдали от лихорадки, делились скупым счастьем и всякими бедами. Распахнулись сердца, и Тиква прильнула к подругам, обнимала их. Без слов, одними глазами, благодарила их за это неожиданное, прекрасное посещение.

Эйтан принес мешок инжира и раздал детям. И взрослые брали инжир полными пригоршнями.

— Вы что, купили инжир у арабов?

— Нет, дети сами сушили.

— Разве у вас растут фиги?

— Там, внизу, — предлагая гостям лакомство, указывала Тиква на долину, где виднелись фиговые деревья.

— Ну, а как твое здоровье? — догадались наконец подруги спросить ее.

— Так себе, — пожала плечами Тиква, — вот и мы в конце концов осели. А что у вас в Алоне? Как вы устроились?

— Живем!.. — ответили все разом, жуя инжир. — Есть хозяйство, дети, заботы. Нет у нас времени подумать о чем-нибудь другом.

— Сколько лет прошло, как мы виделись в последний раз, Тиква?

— Больше десяти...

— Одиннадцать!

— А ты почти не изменилась с тех пор, Тиква, — удивлялись подруги.. .— Сколько у вас детей?

— Вот они перед вами: трое.

— И все?! — смеясь, спросила одна.

— Хермони говорит, — с улыбкой призналась Тиква, — что нужны еще рабочие руки, мы ведь скоро состаримся, и не будет у нас сил.

— Вот это верно! — засмеялись все, — дети должны сменить нас, они будут работать на наших полях!

Хермони прогуливался с мужчинами, показал им выкопанные из земли капители колонн, большую мраморную доску с холма Эйн-Роим и древний меч, рассказал о железной шкатулке с монетами.

— Покажи-ка нам монеты! — полюбопытствовали гости, — интересно, к какой эпохе они относятся.

— Вот они! — засмеялся Хермони и указал на барак, — я обменял их на доски для барака.

— Пусть платит тот, кто зажег пожар... — заметил один из гостей, — хозяева этого золота разрушали страну, и теперь вот ты отстраиваешь на их золото.

Хермони повел гостей в поле и в огород. Они, эти опытные земледельцы, растирали землю пальцами и определяли ее качество. Они рассматривали колосья, советовали, как лучше выращивать овощи. По их мнению, овощи не удались в долине, так как земля там болотистая, и вода из источника в нее не просачивается. Хермони должен выбрать более подходящий участок и наладить искусственное орошение.

Хермони слушал внимательно и запоминал: больше всего на свете ему хотелось, чтобы хозяйство его процветало.

— Тебе надо послать Эйтана на несколько лет в сельскохозяйственную школу, — советовали некоторые, — постепенно он возьмет в свои руки ведение хозяйства. Ведь ты, Хермони, кочевал все эти годы, а сельское хозяйство требует умения.

— Да, хорошо бы послать его в школу в Сде-Нотер, — пробормотал Хермони, — его, наверное, возьмут: ведь директор школы когда-то заведовал фермой, которую я сторожил много лет подряд...

Когда мужчины вернулись в барак, веселье было там в полном разгаре. Ципор сидел среди женщин и развлекал их своими песнями и шутками, а они смея-

лись от души. Дети танцевали вокруг газели, которая недвижно стояла в середине.

Тиква и несколько женщин принялись за приготовление обеда: чистили птицу, варили капусту. Запах жареного мяса возбуждал аппетит.

— Эйтан, сбегай в огород и принеси редисок и зеленого лука, — попросила Тиква, увидев сына с мужчинами, возвращавшимися после обхода хозяйства.

— А ты, Амалия, пойди в пещеру и принеси все яйца, быстро!

Мужчины засучили рукава и приготовились к пиршеству. Принесли два кувшина с вином и наполнили чашки и стаканы. Пили за здоровье жителей новой фермы, желали им успеха. Эти рано состарившиеся люди с натруженными руками и широкими лбами на время забыли свои заботы и трудности. Они вспоминали беззаботные дни, когда двадцать лет тому назад они работали батраками на фермах Галилеи. Тогда они были молоды, а их девушки — нежны и ласковы, и очарование далекого отцовского дома еще не стерлось в памяти... Все они тогда были вольными птицами — днем работали, а вечером танцевали до упаду.

Сердца от вина раскрылись, как цветы, глаза заблестели, сплелись руки, оживились ноги и началась хора — дружная, сильная галилейская хора, полная страсти и задора. Так плясать хору могли лишь рабочие Галилеи двадцать лет назад.

«Сторожит кто Галилею?
Сторожим мы Галилею.
Кто построит Галилею?
Мы построим Галилею...»

Руки развевались, головы запрокинулись, дыхание стало громким, песня прекратилась, и был слышен лишь ритмичный топот ног: бушевала запоздалая юность, биение сильных сердец, переполненных жизнью.

Арабы-пастухи, пригнавшие скот к источнику, оставили свои стада и подошли смотреть «фантазию» у Абу Эйтана.

Они приблизились, подталкивая друг друга локтями. Они стояли и смотрели на танцующих не то с иронией, не то с удивлением. Понемногу и их охва-

тил азарт пляски. Один из них начал наигрывать хору на свирели, другие хлопали в такт ладонями.

— Ахалан! — пригласил их Хермони широко и приветливо, — будьте добры, подойдите, повеселитесь с нами, иншалла!

— Иншалла! — ответили пастухи, кланяясь и целуя по арабскому обычаю кончики пальцев, — для тебя, Абу Эйтан, для радости твоей!

Их угостили крепким кофе, медовыми пряниками, инжиром и конфетами. Когда кто-то из гостей попросил их показать свой танец «дебку», — пастухи сперва отказывались, но потом решились и со скованной улыбкой обнялись по-двое и пошли в пляс под звуки свирелей — сначала медленно, потом с криками, подпрыгивая, и наконец с головокружительной скоростью, в бешеном экстазе...

— Я халили — амалили! Я халили — амали-ли-ли-ли. Ю-ю-ю-ю...

К общему восторгу внезапно появилась в Эйн-Роим собака Алони, которую Узи обменял на ослицу. Она подошла медленно, неуверенно. Только почуяв Узи, она начала радостно лаять, наскакивать на него и лизать ему руки.

— Вот наша собака! — радостно закричал Узи. — Я отдал ее одному пастуху негру в обмен на осла, а теперь она вернулась к нам!

— Шалом, Алони! — закричала Амалия, — вот тебе мясо в честь нашего праздника!

Глава девятая

ЭЙТАН ЕДЕТ УЧИТЬСЯ

Было туманное утро. Дул прохладный влажный ветер. Пестрые анемоны, покрывавшие холм Эйн-Роим разноцветным ковром, дрожали закрытыми чашечками, а желтые ирисы блестели в зеленой сочной траве.

Вокруг барака Хермони и Эйтан копали лунки под саженцы, подаренные товарищами из Алоны. Ципор сидел в бараке. В дождливые дни он предпочитал отсиживаться около печки и сочинять стихи. По его утверждению, дым и гарь не мешали ему, наоборот, вызывали у него желание творить...

Все больше лунок чернело вдоль стен барака. Лопата легко резала влажную землю, остро пахло гнилью и навозом.

Около полудня Эйтан зашел в барак и позвал всех на первую посадку саженцев. Узи и Амалия, укутанные в старые пальто, побежали вперед. Тиква принесла стоявшему на холоде Хермони горячий картофель в кожуре. Даже Ципор отвлекся от своих стихов и пошел сажать деревья. На этот раз его прическа была в полном порядке по случаю важной церемонии.

Хермони разламывал мучнистые картофелины и с аппетитом проглатывал дымящиеся куски.

— Папа, я хочу посадить маслины! — сказал Узи, с трудом волоча ноги в развалившихся ботинках.

— А я гранаты! — просила Амалия. — Я так люблю гранаты!

Хермони поделил саженцы между всеми, а Эйтан помог каждому посадить их в лунки. Оба внимательно следили за тем, чтобы молодые деревца были посажены прямо.

— Подвинь свой саженец вправо, Ципор!

— Подвинь саженец влево, Амалия! — слышны были указания Хермони, — прямей, прямей, Узи!

— Когда созреют гранаты? — спросила Амалия.

— Когда ты будешь большой, хорошей девочкой, — засмеялся Хермони.

— Когда это? — упрямо спросила Амалия.

— Когда будешь невестой! — ответил Узи, подмигнув.

— Дождь! — испуганно крикнул Ципор и, бросив саженец, побежал в барак, — дождь!

— Да ты ведь не сахарный! — кликнул ему вслед Эйтан, — не растаешь...

Дождь обрушился с шумом, с ветром, пронизывающим до костей. Дети убежали в барак. Тиква предложила Хермони отложить посадку на другой день.

— Нет, нельзя! — заупрямился Хермони. — Эйтан скоро уедет, а Ципор боится простудиться...

Тиква откинула голову, смотрела на Хермони со смятением.

— Куда ты думаешь его послать? — спросила она.

Хермони засмеялся.

— Не бойся! — сказал он мягко. — Я решил отправить его в сельскохозяйственную школу в Сде-Нотер.

Тиква взглянула на Эйтана. Он продолжал работать спокойно и сосредоточенно. Ни дождь, ни разговор родителей не мешали ему.

Тиква медленно пошла в барак. Когда они остались вдвоем, Хермони сообщил Эйтану о своем решении.

— Ты уже не ребенок, — сказал он. — Тебе надо понять наше положение. Ни у меня, ни у мамы нет опыта в сельском хозяйстве. Наш Эйн-Роим может захиреть. Поезжай учиться, через несколько лет ты будешь знать, как вести хозяйство, которое прокормит и тебя, и нас. Без тебя мне тяжело будет тут, но нет иного выхода. Кроме того — ты должен как следует подучиться, ведь по нашей вине ты и в школу почти не ходил... Если ты останешься здесь, работа затянет тебя. Ты совсем не будешь заниматься. Посмотри, шесть месяцев мы здесь, и ты, Эйтан, ни разу не взял книгу в руки!.. Нужно вести счета, нужно составлять записи о положении в лесу, каждый месяц отправлять отчеты в Керен Каемет ле-Исраэль...

Эйтан стоял молча, опустив голову. Дождь лил, и лицо его морщилось от холода. В руке он держал саженец, длинные корни змеились по влажной земле.

— А что, примут меня зимой в школу? — спросил наконец Эйтан.

— Я написал письмо заведующему школой и жду ответа. Думаю, ответ будет положительный.

Дождь все лил. Легкий туман заволакивал окрестность, но оба они продолжали работать молча и упрямо.

Послышались чьи-то тяжелые шаги. Они обернулись и сквозь туман увидели араба, с трудом передвигавшегося по лужам, с мешком от дождя на голове.

— Бард!* — воскликнул араб, улыбаясь полным ртом белых зубов.

Хермони и Эйтан с изумлением смотрели на его черное лицо.

— Отдайте собаку, пожалуйста... — сказал он плачущим голосом. — Теперь у меня ни осла, ни собаки.

— Как видно, это тот самый негр, что отдал осла взамен собаки! — воскликнул Эйтан и засмеялся. — Да, да, собака вернулась к нам.

— Идем, идем, — указал ему Хермони рукой. — Скажи, где ты взял столько сажи, чтобы зачернить свое лицо, парень?

— Ана абд,** — засмеялся он, и белые плошки его глаз задвигались, — клянусь Богом, отдай мне собаку, хаваджа...

— Отведи его в барак согреться, — сказал Хермони Эйтану, — и пусть дети вернут ему собаку.

Эйтан позвал негра.

— Напоите его чаем! — крикнул Хермони вслед, — он весь дрожит от холода, несчастный!...

Негр еле тянул ноги, хрипло посмеивался.

Когда Хермони вернулся в барак, гость уже напился чаю и собирался уходить. Собаку он держал крепко между коленями, ласкал и обнимал ее. Дети стояли около него и смотрели с любопытством.

— Пастух без собаки все равно, что осел без хвоста... — шутил негр, — плохо в этом мире, клянусь пророком!

— Ночуй здесь эту ночь, — предложил ему Хермони, — дождь льет, ты пропадешь от холода.

---

* Холодно (араб.).

** Я негр (араб.).

Негр смеялся:

— Клянусь Аллахом! Дорога моя длинная, хаваджа, очень длинная. Ночью к моему стаду подбираются волки. Да сохранит нас Бог!...

Амалия и Узи учились в школе в Кишоне. Они вставали рано, брали с собой еды на весь день, седлали ослицу и отправлялись на ней вдвоем.

Узи ни разу не отказался от своего права — он всегда сидел впереди, а Амалия сзади, держась за него коченеющими от холода руками.

— Не гони так быстро! — упрашивала Амалия, — еще немного, и я упаду.

— Я учу ее скакать галопом, глупая! — пояснял Узи. — Девочки такие трусихи!

— Тогда подожди немного, я сяду получше!

— Сейчас будет болото, там поедем медленно, — успокаивал ее Узи, бодбадривая ослицу кнутом.

Между Эйн-Роимом и Кишоной лежало большое болото. В летние месяцы оно высыхало, и можно было по нему ходить. Но в дождливые дни вязкая, мягкая земля засасывала, и болото становилось почти непроходимым. Иногда в такие дни Узи останавливал на отдых ослицу посреди болота и предлагал Амалии съесть для начала несколько бутербродов.

— А что, уже можно? А что мы будем есть в школе, Узи?

— Давай, съедим все здесь и вернемся домой, — предлагал Узи и принимался за еду.

Хермони получил наконец положительный ответ от заведующего школой в Сде-Нотер. После долгих разговоров и обсуждений согласилась и Тиква. Она приготовила сыну одежду и сшила вещевую сумку. Холодным, зябким утром вышел Эйтан из барака, а за ним вся семья. Вдруг Хермони окликнул Эйтана и, круто повернувшись, возвратился с ним в барак. Там он вытащил из кармана небольшой револьвер и передал его Эйтану.

— Возьми это и положи в сумку, — и, взглянув внимательно на сына, высыпал ему в ладонь патроны. — Все это время, что ты был у меня, я защищал твою жизнь, а теперь ты принадлежишь самому себе. Жизнь всегда в опасности, и каждый человек должен защищать себя. Но одно ты должен обещать мне,

Эйтан! — повысил голос Хермони, — не пользуйся этим в минуту слабости твоей или другого... Вот уже двадцать лет, как я ношу эту штуку в кармане и днем, и ночью, но я не пролил крови... Обещай мне, Эйтан, и помни то, что ты мне обещаешь.

Эйтан стоял бледный и бормотал что-то, укладывая револьвер в сумку. Хермони обнял его и поцеловал.

— Твоя честь — моя честь, Эйтан, — прибавил он взволнованно. — Чистым и честным ты уходишь из моего дома, честным вернешься ко мне.

Долго стояла семья Хермони на шоссе, провожая глазами удаляющегося Эйтана.

Собака снова вернулась в Эйн-Роим. Ее уши были отрезаны под корень, и раны еще не зажили. Она возбужденно лаяла и с дрожью лизала руки детей. На ее шее лохматился пучок грязных веревок.

Дети обрадовались ее приходу. Узи налил ей молока, Амалия прибавила большую порцию сыра.

— Почему негр отрезал ей уши? — спросила Амалия.

Узи знает: пастухи делают это со всеми своими собаками, чтобы капли дождя падали в ухо и псы не могли ночью заснуть и охраняли стадо.

— Несчастная! — возмущалась Амалия, — отдадим этому злодею-негру его ослицу, а собака останется у нас...

—А на чем будем ездить? — сердился практичный Узи.

— Летом можно ходить пешком, — успокаивала Амалия.

— А сейчас какое большое болото! — тяжело вздохнул Узи, обнимая собаку.

Как-то утром — они уже оседлали осла, собираясь ехать в школу, — небо стало быстро темнеть. Тиква просила детей остаться дома: проливной дождь мог настигнуть в дороге. Хермони тоже уговаривал их не ехать. Но маленькие заупрямились: в школе идут репетиции, готовятся к празднику Ту-Бишват, нельзя теперь пропускать, иначе как они смогут участвовать в спектакле?

Они забрались на осла, и Тиква укутала их от дождя большим брезентом.

— Спрячь еду под брезент, Амалия, или вы останетесь голодными!

— Дождь пошел, Узи! Он уже капает на меня! Может, вернемся, Узи?

— Мы успеем добраться до большого дождя, — решил Узи и ударил ослицу ногой.

Они быстро спустились с холмов и подъехали к болоту. Небо все более затягивалось мглой, гром гремел вдалеке, а тяжелые капли дождя то и дело шлепали по брезенту.

— Скорей, Узи! — подгоняла Амалия. — Мы застрянем в болоте!

Как только ослица зашагала по болоту, хлынул проливной дождь.

— Вернемся, Узи, умоляла девочка, кутаясь в брезент. — Мы промокнем и заболеем!

— Мы сейчас приедем в Кишону, глупая! — упрекал ее Узи. — Спрячь хорошо завтрак.

Дождь гулко стучал, Амалия дрожала от холода. Узи тоже укрылся с головой: ослица знает дорогу.

Вдруг она остановилась.

— Вперед! — Узи ударил ее пятками. — Гей, вперед! — Узи еще раз ударил ослицу, но она не двигалась.

Тогда Узи высунул голову из-под брезента: перед ослицей, держа ее за узду, стоял человек.

— Папа! Папа! — закричал Узи. Он с испугом смотрел на человека, преградившего им дорогу.

Но тут же он узнал негра, хозяина ослицы.

— Здравствуй! — произнес Узи весело.

— Что ты смеешься? — расердилась Амалия.

— А ну-ка, погляди!

Амалия скинула с головы брезент и тоже засмеялась — негр!

— Здравствуй! — повторил Узи. — Собака у нас дома.

— Инзилу,* — злобно приказал негр детям.

— Почему? — возмутился Изи. — Осел ведь наш!

— Инзилу, — повторил негр и повернул осла в другую сторону.

— Оставь! — закричал Узи и ударил его по ноге, — осел не твой!

---

* Слезай, проваливай (араб.).

— Инзилу! — взревел негр, — слезайте с осла!

Прежде чем Амалия успела выбраться из-под тяжелого брезента, негр толкнул детей и свалил обоих в грязь. Потом он потащил ослицу, подгоняя ее толстой палкой, и вскоре скрылся из виду за северными холмами.

— Дурак! Папа покажет тебе! — кричал Узи с плачем.

— Проклятый негр, самбо!** — всхлипывала Амалия. — Мы дали тебе чай, когда ты пришел к нам весь мокрый!

Дождь все усиливался, Амалия и Узи стояли на болотной кочке, отрезанные и от Эйн-Рогма, и от Кишоны.

— Мы простудимся здесь, Узи! — плакала Амалия.

— И, может быть, умрем, Амалия! — согласился Узи и полез под брезент.

— Может, пойдем пешком? — предложила Амалия.

Узи согласился. Они захватили с собой тяжелый брезент, но смогли сделать лишь несколько шагов: болотистая, вязкая земля уходила из-под ног, грязь расступалась и втягивала.

— Стой! — закричал Узи. — Так мы утонем!

— Что же делать? — спросила Амалия в отчаянии.

— Закроемся брезентом и съедим все, что есть, — ответил Узи и вздохнул.

Они выбрались на небольшой зеленый бугор, уселись, накрывшись брезентом, и медленно съели завтрак.

Темнело. Хермони и Тиква ждали детей, нервничали — дождь не прекращался весь день. Время от времени Тиква выходила из барака, смотрела в сторону Кишоны, но детей не было видно.

— Поезжай, посмотри, где дети, — с тревогой в голосе предложила Тиква.

Темнота все сгущалась. Хермони оседлал лошадь и спустился к болоту. Дождь яростно хлестал. Болото покрылось водой. Уже совсем стемнело, ничего нельзя было разглядеть на расстоянии нескольких шагов. Гром гремел, лошадь шарахалась из стороны в сторону. Ноги ее вязли в грязи, она то и дело спотыка-

---

** Негр (прозвище).

лась. Хермони был уверен, что учитель не разрешил детям вернуться домой и оставил их в Кишоне. Он уже собирался вернуться в Эйн-Роим, как вдруг до него донесся плач. Он остановился и стал прислушиваться. Сначала ему показалось, что это завывает шакал. Но плач продолжался. Хермони привстал в седле и прислушался, сдерживая дыхание. Он узнал плачущий голос Узи и страшно испугался. Поворачиваясь во все стороны, он кричал в смятении:

— Узи, Узи, где ты, Узи?

— Папа, папа! — откликнулся Узи из темноты.

Хермони пустил лошадь на голос. Вдруг она подалась назад и остановилась. Хермони спрыгнул. На бугорке, окруженном водой, сидел Изи и, съежившись, плакал.

— Где Амалия? — вскрикнул Хермони.

— Вот она, папа, — мальчик приподнял брезент.

Девочка лежала, подобрав ноги, и дрожала от холода. Хермони схватил ее, завернул в пальто, потом посадил обоих на лошадь и помчался к врачу в Кишону.

Амалия заболела воспалением легких и больше месяца пролежала в больнице в Эмек Изреэль, и врачи долго опасались за ее жизнь. Узи не заболел, только кашлял много недель подряд.

Они подрезали деревья в лесу, когда Ципор заявил Хермони, что он решил их оставить. Снова проснулась в нем душа кочевника, и его потянуло на простор. Жизнь в Эйн-Роиме ему по-душе, но ему нужны слушатели. Он написал много стихов, — но кому он может их читать? Хермони не удивился. Он давно понял, что Ципор рожден для скитаний. А Тиква была огорчена: Эйтана нет, Амалия в больнице, а Ципор уйдет — их барак совсем опустеет.

Ципор обещал вернуться, как только немножко проветрится и рассеет свою скуку. У него много планов, связанных с их хозяйством, но не пришло еще время говорить об этом...

В телеге, нагруженной сучьями для продажи, Хермони довез Ципора до поворота дороги. Ципор крепко пожал Хермони руку на прощание.

— Когда ты будешь нуждаться в нас, возвращайся, мой дом — твой дом... — взволнованно сказал Хермони.

— Ты тот человек, которого я искал много лет, — пробормотал Ципор смущенно и покраснел. — Ваш барак был для меня как отчий дом, как уютное гнездо, к которому я привязался на всю жизнь.

Продав сучья в городе, Хермони купил кое-какие продукты и зашел на почту. Среди писем было два от Эйтана. Хермони узнал их по нетвердому, детскому почерку на конверте. Тоска по сыну охватила его. Выехав за город, он бросил поводья и дрожащими руками вскрыл письма Эйтана. Письма были длинные, полные впечатлений о товарищах и учителях. Хермони стало ясно, что сын приспособился к новой среде, что он рад учебе.

Особенно большое впечатление на Хермони произвели следующие строки:

...Я пишу вам это письмо поздно ночью. Во-первых, вечером сильный шум в комнате. После дня работы и занятий мы играем в разные игры. Во-вторых, я плохо сплю, потому что мне холодно. Когда я вернулся с занятий, то нашел свою постель пустой. Мне объяснили, что так поступают школьники в Сде-Нотер: сегодня стаскивают одеяло с твоей кровати, а завтра ты стащишь одеяло у кого-нибудь другого. Теперь все спят, я зажег лампу, обставил ее со всех сторон книгами, чтобы свет никому не мешал.

...Школа мне нравится. Здесь много больших деревьев, есть огород и хлев, каких не увидишь даже в хозяйстве Гильбоа. Хлев разделен на стойла, и в каждой — корова... Есть у нас в школе звонок, который разделяет день на части. У нас все делается по звонку. В пять часов утра звонят к молитве. Есть у нас синагога, и мы должны молиться каждое утро. Я даже не знал, как молятся, так как в жизни не был в синагоге. Но я обязан быть в этот час в синагоге. Некоторые молятся по-настоящему. Остальные повторяют уроки.

Утром нам дают маслины, халву и чай. Халву я очень люблю. Хлеба дают вдоволь. Это хорошо, так как черный хлеб вкусный и напоминает мне хлеб, который печет мама дома, только здесь он недостаточно выпечен. В шесть

тридцать звонок на учебу, но многие еще заспаны и засыпают прямо на ходу. Я очень доволен занятиями. Есть интересные уроки по сельскому хозяйству и учат, как кормить птицу и скот. Учитель по птицеводству рассказал нам, что в Калифорнии есть куры, которые кладут яйца в течение всего года без перерыва, почти 365 яиц в год. Ах, если бы было у нас сто таких кур, вот было бы здорово! И о коровах рассказывают нам замечательные вещи.

Через час после обеда две первые группы идут на работу. Мы работаем в огороде, в птичнике, в коровнике. Работа очень интересует меня. Особенно мне нравятся две специальности: выращивание овощей и птицеводство. Учителя по этим специальностям обратили на это внимание, и они относятся ко мне очень хорошо. Они дают мне читать книги по этим специальностям.

Я заканчиваю письмо, потому что мне трудно писать коротким карандашом. Здесь принято ученикам первого класса давать только половину карандаша, и трудно писать маленьким карандашом. Но есть ученики, которые собирают половинки, и когда мальчику очень нужен карандаш, они продают ему за деньги.

Я иду спать к моему товарищу. Он меня не звал, но я тихонько влезу под его одеяло, и мне будет тепло.

...Напиши мне, папа, как поживает корова и как там деревья, которые мы посадили. Пиши мне, не вернулись ли дикобразы в огород? Здесь в школьном огороде их много. Мы ловим их ловушками.

Хермони читал и перечитывал письма Эйтана и вспоминал своих товарищей из Алоны, по совету которых он послал сына в Сде-Нотер. Мечтая о будущем хозяйстве, построенном и возделанном «по науке», Хермони вскоре добрался до своего холма.

Глава десятая

СЫН РОДИЛСЯ В ПОЕЗДЕ

После месяца в больнице Амалия две недели провела в доме отдыха. И вот наконец Хермони привез девочку в Эйн-Роим в своей грохочущей телеге.

Тиква и Узи бросились навстречу с объятиями. Мать плакала от счастья. Как она настрадалась за то время, что Амалия лежала в больнице! Сколько бессонных ночей провела! Как трудно было ей работать весь этот страшный месяц! Как можно было вести хозяйство и ухаживать за животными, когда ее Амалия металась в бреду между жизнью и смертью!

Амалия спрыгнула с телеги и спрятала кудрявую головку на груди матери. После первых объятий она смотрела на маму смущенно. Потом немного отошла от нее, не выпуская ее руки, и стала рассматривать с любопытством и удивлением.

— Ты растолстела, мама — пробормотала девочка и покраснела.

Тиква прижала ее к себе и поцеловала, стараясь скрыть смущение. Узи забрался на телегу и подъехал с отцом к бараку. Тиква и Амалия шли медленно, смотря друг на друга глазами, полными любви.

— Что у тебя, мальчик в животе? — со сдержанным смехом спросила Амалия, неожиданно обняв маму за талию.

— А что, ты хочешь маленькую сестричку? — спросила Тиква с улыбкой.

— Хочу, хочу, я очень ее люблю!

— Глупенькая моя... — прошептала Тиква и сжала маленькую ручку Амалии. — Не держи меня так крепко.

Наступила весна. Дожди прекратились, солнце с каждым днем подымалось все выше по небосводу. Красные лютики и желтые хризантемы замелькали на холмах. Хлеба поднялись и набирали силу. Хермони проходил по полям, и лицо его выражало счастье и надежду. Целыми днями работал он в поле, вымалы-

вая сорную траву. Руки его ласково тянулись к колосьям, запахи поля пьянили его...

Весь лес зазеленел нежными ростками. Березы покрылись белоснежными цветами, дуб оделся зелеными, твердыми листьями, блестевшими на солнце. Фисташковые деревья расточали острый аромат, повсюду пестрели пурпурные и фиолетовые цветы, везде виднелись ромашки и маки. Земля стала похожа на живой, свежий, колышащийся ковер.

Стали возвращаться птицы. В воздухе с пронзительным чириканьем проносились стрижи. Замелькал пугливый удод в полях, лес наполнился сдержанным, непрекращающимся говором горлиц.

Барак тонул в цветах и запахах, тонул в птичьем пении, и обитателям Эйн-Роима было хорошо и радостно.

Работа была в полном разгаре. Тиква и дети сажали летние овощи в долине и собирали лук и чеснок, посаженные в дождливые дни. Хермони пахал у болота участок под кукурузу и дурро.

Он теперь часто ездил в лес — арабы-христиане из Назарета и окрестных сел приходили каждый день толпами и собирали красивые, ароматные цветы для украшения пирогов, которые они пекли на христианскую пасху. Они ходили в лес без разрешения, безжалостно срезали цветы и портили деревья. Первые дни они встречали Хермони иронической усмешкой, так как во времена Абу Наами им все это разрешалось, но когда Хермони выгнал многих из леса и заставил других обращаться с деревьями бережно, они присмирели и стали слушаться его.

— У вас праздник, — говорил Хермони старикам и старухам, выходящим из леса со срезанными с деревьев ветками, — а у деревьев траур...

— Во имя пророка, еврей! — ворчали старики.

— Пророк жалел деревья, — сердился Хермони, но все же добавлял: — Будьте здоровы!

— Ты тоже будь здоров! — отвечали те.

Однажды появились в долине у родника нагруженные скарбом ослы и верблюды, подгоняемые мужчинами, и женщины с детьми.

Мужчины опустили верблюдов на колени, развьючили их, разгрузили ослов. Быстро соорудили они шалаши, и клубы дыма повалили в небо от костров.

Хермони был в то время в лесу. Когда Тиква и дети спустились к роднику, гости встретили их грозным молчанием и смотрели с неприкрытой ненавистью. Ослов они пустили пастись в клевер, который Хермони посеял в низинке, а дети их шныряли по овощному полю, выкапывая морковь и редьку, срывая первые свежие огурцы.

Узи побежал в лес за отцом. Когда Хермони подошел к пришельцам и потребовал перенести шалаши на холм, они только презрительно рассмеялись: уже двадцать лет, как они приходят сюда ежегодно из Цфата купаться в источнике.

— Откуда вы пришли? — спросил удивленный Хермони.

— Из окрестностей Цфата.

— Зачем же вы пришли из такой дали? — удивленно спросил Хермони.

— Купаться в источнике, — ответили они, — ты сидишь у целебной воды и даже не догадываешься об этом!

Хермони и Тиква обменялись удивленными взглядами, не понимая, куда клонят арабы.

— Это лечебные воды, — объяснила одна старуха с воспаленными, слезящимися глазами, — воды эти благословил Бог, и они чудодейственные. Вот уже пять лет, как я прихожу сюда мыть свои больные глаза. Благодарение Богу, постепенно мне становится лучше, и спасение скоро придет.

— А вот моя нога, хаваджа! — сказал дряхлый старик, опиравшийся на деревянный костыль, — мою ногу парализовало девять лет назад, с тех пор я прихожу обмазывать ее здешней грязью. Слава пророку — нога оживает, и — иншалла — она еще будет нести меня, как когда-то.

— Вот твоя дочь, милая — указала какая-то старушка на Амалию, — она пьет святую воду из этого источника, и потому она крепкая и здоровая.

Чем больше Хермони и Тиква всматривались в незваных гостей, тем страшней им становилось. Все они были увечные, слепые, хромые, пораженные кожными заболеваниями, с открытыми ранами. Дети их — со вздутыми животами, кривоногие, с гноящимися ушами, с лишаями. Все это вызывало ужас.

— Уведи детей! — шепнул Хермони Тикве, — они заразятся!

Тиква взяла детей за руки и увела их к бараку. Оттуда она с жалостью глядела на несчастных и отверженных, уповающих на грязные и мутные воды в лужах источника.

— Зачем арабы пришли? — спросила Амалия.

— Купаться в источнике, — вздохнув, ответила Тиква.

— Разве наша вода лечит? — спросил Узи с насмешкой.

— Так они говорят, — ответила Тиква и печально глядела на затоптанный калеками огород.

До вечера и назавтра верблюды и ослы шли непрерывно, неся на своих спинах людей, ищущих спасения и выздоровления в водах источника. Вся долина покрылась палатками и шалашами, в воздухе стоял шумный говор, барабанный бой, пение и дикие крики женщин, встретивших своих знакомых по прошлогодним посещениям. Хермони не знал, что делать. Гряды овощей растаптывались ногами людей и животных. Он стоял растерянный и с болью смотрел, как уничтожаются плоды труда всей его семьи. Правда, больные обещали, что они зря не будут вытаптывать овощи. Но толпа с каждым часом все прибывала, и огород все более утрамбовывался.

С изумлением глядели Тиква и Хермони на мужчин и женщин, опускающихся нагишом в лужу около источника и валяющихся в грязи, как буйволы. Арабы-пастухи, приходившие обычно сюда поить свои стада, не появлялись в эти дни. Встречая Хермони в лесу, они предостерегали его: надо внимательно следить за хозяйством, ведь с этими бродягами и ворами даже полиция не может справиться.

От Эйтана пришло третье письмо, в котором он писал, что через несколько дней ученики получат двухнедельный отпуск. Он хотел приехать домой и просил прислать ему денег на дорогу. В письме он рассказывал о жизни в школе:

> ...У нас здесь есть опытный участок, на котором мы выращиваем разные растения и держим животных. Я очень люблю это место и провожу там все свободное время. У нас есть обезьяна Чарли. Она почти как человек. Я иногда делюсь с ней едой. Когда у нее хорошее настрое-

ние, она ищет насекомых в своих волосах, — точно как это делают пастухи у нашего источника! Есть у нас и белые мыши, и зайцы, и птицы. Когда приду в наш лес, я смогу назвать многих птиц по имени...

Я нашел в школе хорошего товарища, его зовут Шимшони. Он честный парень, смелый, толковый. Так как я слаб в сочинении, я списываю у него, и хотя учитель следит за нами, Шимшони мне всегда дает копию. Воспитатель не любит его, часто делает ему выговоры, даже когда он не заслуживает замечаний. Просто Шимшони не подхалим и не старается понравиться.

Когда у меня украли одеяло, Шимшони помог мне найти его. Одеяло было у одного ученика второго класса, родом из Иудеи. Стыдно сказать, что отец его богатый плантатор! Мальчишка умолял, чтобы мы никому не рассказывали, потому что его могут исключить из школы. Мы пообещали молчать и свое обещание сдержали. Я даже не сержусь на него. Он просто несчастненький, но не вор. Разве он нуждался в моем одеяле? Он просто большой осел!

Огород в долине был полностью уничтожен. Угрозы и крики Хермони не помогли — больные валили толпами и делали все, что им взбредет на ум. Долина после ухода несчастных выглядела, как после боя. Вся земля была истоптана, изрыта, словно стада первобытных животных вывалялись в ее грязи. Вода снова залила долину, и малярийные комары жужжали в воздухе.

Тиква ходила мрачная. Вся ее работа, в которую она вложила столько сил, пошла насмарку. Грустно смотрела Тиква на свою долину, и сердце ее сжималось от боли.

Хермони проснулся от тихого, сдержанного плача. На дворе было еще темно, и только на востоке чуть розовела кромка неба.

Он приподнялся, прислушался — тихо кругом.

Он подумал, что ему послышалось, будто кто-то плачет. Укрывшись одеялом с головой, он лег и уснул. Однако хриплые, глубокие вздохи вскоре под-

няли его на ноги. Взволнованный, подошел он к детям и Тикве.

Дети спокойно спали. Глаза Тиквы были закрыты, но она тяжело дышала и с короткими промежутками глухо стонала. Хермони нагнулся и, сдерживая дыхание, посмотрел на жену, Ее лицо было покрыто каплями пота, сухие губы сжаты от боли...

Хермони тихонько провел рукой по ее лбу. Тиква с трудом открыла глаза, словно пробуждалась от кошмарного сна. Испуганная, она смущенно смотрела на мужа.

— Ты больна, Тиква? — спросил Хермони.

— Мне ужасно больно, — ответила она и вся сжалась, схватившись руками за живот.

Хермони отошел от жены, быстро оделся.

— Схватки наступили... — прошептала Тиква, поворачиваясь с боку на бок и стараясь сдержать стоны.

— Неужели не успеем доехать до больницы... — сказал Хермони, ни к кому не обращаясь.

— Я думала, это начнется через несколько дней, — прохрипела Тиква.

— Через час примерно пройдет первый поезд, мы сможем добраться до станции за полчаса, — сказал Хермони, весь дрожа.

— Быстрей! — прошептала Тиква, глядя на мужа умоляющими глазами.

Хермони разбудил детей и легонько подтолкнул Амалию к матери. Узи посмотрел вокруг удивленно и, увидя мать, корчащуюся от боли, заплакал.

Хермони быстро запряг лошадь в телегу, положил туда матрац и подушку, а сверху одеяло. Потом бережно взял Тикву на руки и отнес ее в телегу.

— Папа! — испуганно закричала Амалия, — куда ты везешь маму?

— Не плачь, Амалия, — шепнула ослабевшая Тиква, — завтра, наверное, я вернусь домой...

Надо было спешить. Прилетело эхо далекого паровозного свистка.

— Узи, езжай с нами до станции, а потом вернешься домой! — сказал Хермони, — мы с мамой едем в Хайфу. А ты, Амалия, не бойся и не плачь. Через полчаса Узи вернется к тебе.

Амалия забралась на телегу и стала целовать маму.

— Не задерживай нас, Амалия! — сердито ска-

зал Хермони, спуская дочь на землю, — следи здесь за всем и не бойся!

Хермони хлестнул лошадь, и телега медленно покатилась с холма. Чтобы сократить дорогу к станции, Хермони свернул с главного шоссе и поехал по необработанным полям. Рытвины и колдобины причиняли Тикве сильную боль, и она стонала непрерывно, но Хермони, прислушиваясь к паровозным гудкам, все погонял лошадь. Дрожь проходила по всему его телу, когда он думал, что Тиква может родить в дороге.

Они подъехали к станции вместе с поездом. С надеждой глядел Хермони в окна единственного пассажирского вагона, ища друга или знакомого, которого можно было бы позвать на помощь. В одном окне он увидел юношу с большой шевелюрой. Опершись головой о стекло, он дремал. Хермони стукнул в стекло кнутовищем, и юноша, проснувшись, с удивлением взглянул на Хермони, словно извиняясь за свой короткий сон.

— Слушай, парень, сойди-ка на минуту, я прошу тебя! — И Хермони указал ему кнутом на телегу, стоявшую около поезда.

— Что? — удивленно спросил юноша, проводя руками по лицу и прогоняя остаток сна.

— Помоги мне, пожалуйста, поднять больную в вагон! — прокричал Хермони.

Тогда открылось несколько окон вагона, и взлохмаченные головы высунулись наружу.

— Скорей, скорей, хаваджа! — подгонял начальник поезда Хермони, — ялла, хабиби, это тебе не трумбиль.*

Два парня выпрыгнули из вагона и подбежали к телеге. Тиква покраснела и спрятала лицо в одеяло. Быстро и осторожно они подняли ее в вагон. Паровоз загудел, засвистел — и поезд тронулся.

— Возвращайся домой, Узи! — крикнул Хермони в окно, — быстро, быстро!

Мальчик долго глядел вслед поезду, готовый заплакать, но потом сдержался, громко чмокнул и ударил лошадь кнутом:

— Гей, вперед, милая!

Тикву уложили на скамью. Хермони прикрыл ее одеялом, а свое пальто подложил ей под голову. На-

---

* Автомобиль (араб).

чальникк поезда подошел, посмотрел на нее с любопытством:

— Иншалла, валад,* хаваджа! — воскликнул он, подмигнув ребятам, — не нужно девочек, клянусь Аллахом!

Один из парней зевнул и тоже пошутил:

— Зря нас разбудили, ей Богу! Не такой уж опасный больной...

В вагоне тускло горела лампа, распространявшая сажу и запах керосина. Ночные тени еще не расеялись в маленьком и узком вагоне. Апельсиновая корка и ореховая скорлупа валялись на полу и скамейках вперемежку с обрывками газет. Один конец вагона был завален рабочим инструментом железнодорожников, возвращавшихся в город. Пассажиров было немного: железнодорожные рабочие в грязных спецовках, парни из Иорданской долины и из Эмек Изреэль, несколько феллахов и старый, высокий бедуин, усердно молившийся стоя на коленях на скамье.

Хермони сидел напротив Тиквы и со страхом глядел ей в лицо, искаженное болью. Она кусала губы, потом сунула в рот кулак и пыталась сдержать стоны.

— Как страшно... — шептала она в слезах, — я боюсь родить в дороге, как это страшно, — тихо всхлипывала она.

Хермони взял ее руку, успокаивал.

— Еще две станции, и мы будем в городе, — говорил он нежно, — я позвоню в больницу к врачу, и он приедет на станцию в автомобиле.

Вдруг крик боли вырвался у Тиквы.

Хермони вскочил и наклонился к ней. Он побледнел, руки его дрожали. Он стоял, как беспомощный ребенок, и не знал, что ему делать.

— Ой-ой-ой! — снова вскрикнула Тиква, корчась от боли на твердой и узкой скамье.

В вагоне поднялась суматоха. Тихонько подошли парни, заглянули осторожно в купе, где лежала роженица, и со вздохом отошли.

— Она рожает! — сказал Хермони в отчаянии. — Товарищи, может, есть женщина в вагоне?

---

* Мальчик (араб.).

— Нет ни одной женщины, — сказал один из парней.

Железнодорожные рабочие толпились у купе, смотрели на Тикву и Хермони с жалостью.

— Ма-ма! — раздался ужасный крик в вагоне. — Мама-а-а!

Смятение нарастало. Пассажиры переходили с места на место, спорили и предлагали всякого рода советы.

Тиква теряла сознание. Не было человека, который протянул бы ей руку и принял младенца.

Неожиданно старый бедуин легко вскочил со своего места и подошел к купе.

— Что случилось, брат? — спросил он, поправляя свою кефию на голове и протирая черные глаза кончиками пальцев.

— Женщина рожает... — ответил один из феллахов и зашептал молитву.

— Где? — спросил старик.

— Вот здесь, брат...

— Ради Бога! — закричал старик, — ялла, люди! Скорее уходите все отсюда!

Легким движением он снял с себя платок и протянул его Хермони. — Занавесь вход в купе.

Хермони быстро выполнил указание и выжидающе смотрел он на старика-бедуина, не решаясь, однако, пропустить его к Тикве.

— Не бойся, сын, — успокаивал его старик, — Бог поможет.

Старик шептал молитву и ободряюще поглядывал на Хермони.

— Не пугайся, дочь моя, не пугайся, — доносился голос старика из-за назавески, — с Божьей помощью все будет благополучно, все устроится...

И вдруг раздался крик новорожденного, голос недовольный, голос нового человека на земле.

Хермони совсем растерялся. Неловко стащив с себя белую рубашку, он вошел в купе и обернул в нее красноватое существо, кричавшее непрерывно.

— Давай сюда сына, — сказал старик с облегчением и протянул руки к Хермони, — кончилось, все прошло, слава Богу!

— Браво! — вскричали железнодорожники, — браво, браво!

Хермони накрыл Тикву одеялом. Из глаз его

текли слезы. Роженица лежала в обмороке, а старик-бедуин ухаживал за младенцем, как хорошая мать, как опытная повитуха.

Раздался долгий свисток паровоза. Поезд приближался к кибуцу у подножия горы Кармель.

— Хаваджа! — обратился бледный как мел начальник поезда к Хермони, я здесь задержу поезд, а ты вези роженицу в кибуц. Я не могу вести ее в город, хаваджа! Богом клянусь, запрещено мне!

Поезд остановился. Один парень выпрыгнул из вагона и побежал в кибуц.

Хермони закутал младенца в платок и попросил закрыть окна от сквозняка. Тиква открывала иногда глаза, но ничего не видела: крупные, скупые слезы текли у нее по щекам.

Через считанные минуты раздались возбужденные голоса, и в вагон вбежали несколько молодых женщин с бутылками, ватой, простынями, подушками, водой.

— Парни, уходите! — приказали они мужчинам, — все, все!

— Тиква! Это же Тиква! — вскрикнула одна из женщин, и бутылка из ее рук упала на пол и разбилась. — Хермони, разбойник! Что ты с ней сделал?

Она взяла у Хермони младенца, сбросила с него тряпки, в которые он был завернут, и обернула его в чистую простыню.

— Парни, несите носилки! — закричали женщины кибуцникам, стоявшим снаружи у вагона.

Несколько парней поднялись в вагон со складными носилками. Осторожно укутали Тикву в белую простыню и перенесли ее на носилки.

— Осторожно, осторожно! — покрикивали женщины мужчинам, тащившим носилки.

Пассажиры провожали роженицу пожеланиями и приветствиями.

— Заплати лиру, дружок! — сердито обратился начальник поезда к Хермони, похлопывая его по плечу. — Мы задержали из-за тебя поезд почти на час, клянуть пророком!

Хермони смущенно посмотрел вокруг. В спешке, выезжая из Эйн-Роима, он забыл взять кошелек.

— Денег нет со мной! — смущенно пробормотал Хермони.

— Правительство не дает в кредит! — с досадой

сказал начальник поезда, — у меня голова от тебя болит, а теперь у тебя еще и денег нет!... Едем со мной в город, в полицию, ялла!

— Вот тебе лира, — сказал один из парней в вагоне. — Вернешь ее в хозяйство Гильбоа.

Хермони вручил штраф начальнику поезда, поблагодарил парня, потом с чувством пожал руку старику-бедуину.

— Сойди, отец! — упрашивал Хермони бедуина. — Пойдем, мы все отблагодарим тебя по-дружески!

Старик, посмеиваясь, положил руку на сердце и сказал:

— В другой раз, господин, Бог даст, я приду посмотреть, как поживает мать и младенец.

— Мой дом — твой дом, — сказал Хермони и еще раз пожал его жилистую, сильную руку, — да пошлет тебе Бог хорошего здоровья!

Когда Хермони пришел в кибуц, Тиква спала в белой постели. Около нее в большой плетеной корзине спал младенец. Дежурившая около Тиквы девушка выгнала Хермони из комнаты.

— Такова наша участь, — сказала она со вздохом, — работать, как животное, и рожать, как зверь. Езжай себе домой!

Мальчика назвали Рехав, ибо в поезде он родился.

Глава одиннадцатая

ДОМ ХЕРМОНИ ОТКРЫТ ДЛЯ ВСЕХ

Как только телега с мамой, папой и Узи исчезла за холмами, Амалия успокоилась и осмотрелась вокруг сорьезным взглядом хозяйки. Страх спрятался где-то глубоко в сердце, чувство ответственности заслонило все остальное: ведь на ней осталось все хозяйство, а скот закрыт со вчерашнего дня — время его кормить. Она заперла барак на замок и спрятала ключ под большой обтесанный камень, служивший ступенькой перед дверью в барак.

Девочка выпустила кур из пещеры-курятника. Птицы с недовольным кудахтаньем разошлись во все стороны и стали деловито копаться в песке и навозе. Амалия достала из большого, глиняного горшка дурро и рассыпала его птицам. Затем она побежала к бочке, набрала в банку воды и налила в небольшое корытце. Куры набросились на зерна и затеяли драку. Потом они побежали, размахивая крыльями, к корытцу с водой, глотали из него по каплям и важно поднимали головы вверх.

Стайка была разноцветная: белый петух-леггорн, пестрая анкона, минорки с длинными хвостами, бедуинские куры с большими глазами. Петух леггорн, большой, белый как снег, напал на Амалию и принялся клевать ее голые ноги. Девочка ударила его и со смехом убежала на холм, а петух визгливо и злобно кудахтал ей вслед, словно хотел растерзать ее.

Амалия услышала недовольное мычание и вывела корову с теленком, выгнала козу и газель и пустила их пастись по склону холма, на свежую траву. Животные спокойно смотрели вокруг блестящими выпуклыми глазами, вдыхали утренний аромат и жевали вкусную траву. Теленок протяжно замычал, задрал кверху хвост и принялся прыгать вокруг коровы.

Утро выдалось удивительно приятное. Эмек Изреэль — зеленая, большая, как море, долина — расстилалась внизу. Красные лютики раскрылись навстречу

солнцу, и капли росы блестели на них, как жемчуг. Тюльпаны упруго покачивали изящными головками, ромашки сверкали праздничной белизной. Желтые хризантемы выделялись в зеленом море. В небе металась с песнями жаворонки, веселя своих подруг, сидевших в гнездах в траве. В кустах слышно было бесконечное чириканье. Пчелы с тихим жужжанием перелетали с цветка на цветок, чтобы наполнить соты желтым пахучим медом.

Амалия забыла, что она совсем одна. Девочка сидела среди цветов, прислушиваясь к приятному шороху травы. Вдруг она услышала: «Амалия!» Она вскочила и пошла на зов, ведя за собой газель.

— Узи! — радостно закричала она и вспомнила все, что произошло утром.

— Глупая, я так испугался! Я зову тебя целый час, а тебя нет! — сказал он сердито.

— Я пасла корову, Узи, — пробормотала девочка. — Папа уже вернулся?

— Нет, папа поехал с мамой в больницу. Два парня помогли ему поднять маму в вагон, а поезд ждал, — не без гордости сообщил мальчик.

— Мама плакала? Скажи, Узи! — настаивала Амалия.

— Нет! — ответил он сердито. — Она даже не стонала.

— Тпр-р-р! — крикнул он лошади, пытавшейся освободиться от дышла.

Он выпряг лошадь и пустил ее пастись. Дети неспеша пошли вслед за ней. Лошадь чихнула, легла, несколько раз неловко перевернулась в траве, а потом вскочила на ноги и жадно захрустела зелеными стеблями, подбирая их длинной верхней губой.

Узи лег в траву.

— Ты голоден, Узи? — спросила Амалия.

— Я хочу спать, — ответил мальчик, зевая и поворачиваясь набок. — Кто это там?! — вдруг спросил он, внимательно вглядываясь в противоположный склон холма.

Амалия испугалась: по склону холма со стороны Кишоны спускался странный человек.

— Не разбойник ли это, Амалия? — с тревогой спросил мальчик.

Девочка побледнела и не могла произнести ни слова.

— Он почти голый, — прошептал Узи с недоумением.

— У него борода красная как огонь, — сказала Амалия, прячась за корову.

— Но он без ружья, — сказал Узи, привставая.

— Смотри, у него сумка!

Не заметив детей, неизвестный спустился крупными шагами к источнику. У воды он снял сумку, нагнулся и, зачерпнув ладонями, плеснул водой в лицо. Теперь дети могли разглядеть его.

Это был низкорослый, широкоплечий человек с рыжими, как ржавчина, волосами и бородой. Выше пояса он был совсем голый, короткие штаны закрывали бедра. Он выглядел, словно вылитый из меди.

— Он что-то поет! — засмеялся Узи.

— Замолчи! — шепнула Амалия. — Он рассердится на тебя.

— Он смешной! — сказал Узи, сдерживая смех.

Неизвестный осмотрел склоны долины, прикрывая рукой глаза от солнца.

— Здравствуйте! — обрадованно крикнул он, увидев детей. И повторил: — здравствуйте! — и помахал рукой.

— Это еврей, — облегченно произнесла Амалия, — это действительно еврей!

— Почему же ты не сказала мне раньше?

— Я очень испугалась, — пробормотала Амалия, помахивая рукой в ответ на приветствие неизвестного.

— Вот! — закричал Узи и тоже помахал рукой. — Мы уже не боимся тебя!

— Ха-ха-ха! — расмеялся неизвестный. Он провел ладонью по бороде, вскинул на спину сумку и поднялся на холм.

Подойдя к детям, он остановился. Дети смотрели на его крепкие, круглые мускулы, на его приглаженную бороду. А он, широко раскрыв глаза, разглядывал детей с ласковой улыбкой. Узи не выдержал и рассмеялся.

— У тебя нет рубашки? — спросил он.

— Есть, — ответил незнакомец серьезно.

— Почему же ты голый?

— Потому что так хорошо ходить по солнышку!

— Ты смешной! — засмеялся Узи, а за ним Амалия.

— Чьи вы? — спросил гость, помолчав.

— Нашего отца, — ответил Узи.

— Ты молодец! — сказал гость и улыбнулся.

— Хватит! — шопотом упрекнула Амалия брата, — некрасиво смеяться над гостем.

— А вы что, живете здесь? — спросил гость и посмотрел на детей лучистыми, синими глазами.

— Там, наверху — указал Узи, стараясь придать своему лицу серьезное выражение.

— Я совсем не знал, что здесь живут евреи, — сказал он.

— Как тебя зовут? — спросила Амалия.

— Бен-Шломо.

— А чем ты занимаешься? — спросил Узи.

— Гуляю.

— Всегда гуляешь?!

— До тех пор, пока попадается работа, — ответил гость и снял свою сумку со спины.

— Папы нет дома, — сказала вдруг Амалия.

— А где же он?

— Он поехал с мамой, — пробормотала девочка.

— А вы не боитесь? — спросил гость и взял Узи за руки.

— Отпусти! — закричал Узи, вырываясь.

—У нас есть ружье! — сообщила на всякий случай Амалия после короткого молчания.

— Это нехорошо, — вздохнул незнакомец. — Не нужно ружья, запрещено убивать. Я вегетарианец, мои дорогие, я мяса не ем.

Он опять схватил Узи, посадил на колени и прижал к себе.

— Есть у меня мальчик, такой же баловник, как и ты, такой же большой баловник.

— А где же твой мальчик? — с любопытством спросил Узи и сделал попытку освободиться от объятий рыжего Бен-Шломо.

— О-го-го, — вздохнул гость. — Далеко, очень далеко...

— Узи, надо идти завтракать, уже пора... — вспомнила неожиданно Амалия. — Пойдем, — сказала она гостю, — увидишь наш барак...

Они поднялись наверх, а гость за ними. В одной руке он нес свою сумку, а другой чесал рыжую бороду.

Амалия отворила дверь в барак и пригласила гостя зайти.

— Нет, доченька, — сказал гость и провел рукой по ее голове, — здесь, на открытом воздухе, лучше. Я очень устал, очень люблю солнце...

— Узи, сбегай в курятник и принеси несколько яиц, а я пока разожгу печку, — сказала Амалия.

Скоро на сковороде уже шипела яичница, и запах жареного возбуждал аппетит.

— Заходи, будем есть, — пригласил Узи гостя.

— Нет, нет, дружок, я не могу есть с вами! — усмехнулся гость.

— Это же не мясо! — крикнула ему Амалия из комнаты. — Только яйца и хлеб.

— Я же не ем яиц, — пробормотал Бен-Шломо, играя мускулами рук.

— Разве таким, как ты, запрещено есть яйца? — спросила Амалия с удивлением.

— Я не совсем вегетарианец, дитя мое, я ем только в сыром виде, — объяснил человек, ласково глядя на детей.

— Но ты же голоден! — огорченно возразил Узи.

— Немножко, — ответил гость тихо, — не страшно...

— Я могу дать тебе простоквашу, — предложила Амалия.

— Нет, нет, — пробормотал Бен-Шломо, — ешьте на здоровье, не беспокойтесь обо мне.

— А овощи тебе можно? — спросила Амалия.

— О, да, да, дитя мое! — подтвердил гость, — но у вас нет овощей.

— Есть! — хором вскричали малыши, — есть морковь, редиска и кольраби!.

— Угостим его инжиром, — предложил Узи.

Амалия вынула из мешка морковь и редьку и предложила гостю.

— О, замечательно! — засмеялся Бен-Шломо, — достаточно, хватит.

Амалия вынесла на улицу сковороду с яичницей, и они вдвоем с Узи сели завтракать. Гость сполоснул овощи в бочке с дождевой водой, вернулся к детям и, не чистя, захрустел морковкой и редькой. Дети смотрели на него с удивлением.

— Он не ест хлеба! — шепнула Амалия Узи, указывая на ломоть хлеба, к которому Бен-Шломо не притронулся.

— Он хороший, — сказал Узи тоже шопотом.

Покончив с овощами, Бен-Шломо подошел к боч-

ке, зачерпнул воды и стал пить большими глотками. Потом вынул из сумки толстую книгу, лег на траву и принялся читать. Через несколько минут раздался тяжелый храп, и книжка выпала из рук рыжего гостя.

— Он спит, — шепнул Узи, подкравшись и заглянув в книгу.

— Это не еврейская книга, — сказал он Амалии, — я в ней ничего не понимаю.

Солнце, уходя на запад, медленно исчезало за горой Кармель. Весь западный край неба стал красным, а потом пурпурным. На востоке, из-за голубых Хоранских гор, показалась луна. Тишина воцарилась вокруг. Время от времени дул легкий ветерок, и травы перешептывались. Надрывно стрекотал одинокий лесной сверчок. Из леса доносился стон горлицы, печальный и сдержанный.

Недалеко от барака горел костер, вокруг него молча сидели Амалия, Узи и Бен-Шломо. Тут же, рядом, лежали корова, теленок, коза и газель; они жевали, серьезно и неспеша. Бен-Шломо размахивал обугленной веткой, ковыряя ею в горячей золе, переворачивал картофелины, которые дети туда положили, и рассказывал ровным голосом:

— Тогда пришли все животные к Богу и заплакали: Бог милостивый, для этого ли ты нас создал, чтобы нас кромсали человеческие зубы, того избранного человека, о котором ты говорил, что он будет управлять нами, а мы должны покориться его воле. Он же жесток, как Каин, и злой, как тигр.. Его живот — наша могила, а его руки испачканы нашей кровью, кровью слабых и несчастных тварей.

— А что будут есть люди? — недовольно спросил Узи.

— Помолчи, Узи — прикрикнула на него Амалия, — дай ему рассказать, это так интересно!

Бен-Шломо рассмеялся, вытащил из золы картофелину, подбросил ее на ладони и сказал:

— Посмотрите, дети, на эту картофелину, которую Бог дал нам и им...

— Кому же это? — спросил Узи с любопытством. — Животному и птице, и всякому живому существу? Если мы не будем есть этих животных, так зачем же мы будем кормить их бесплатно?

— Так, так, сын мой! — ответил гость и поднес

ко рту горячую картошку. — Не придется их кормить, они сами будут себя кормить. Мир Божий широк и просторен, всем хватает места.

— Да будет тебе, Узи, дай ему говорить! — А что сказал им Бог? — повернулась Амалия к гостю.

— Да, — вспомнил Бен-Шломо. — Бог сказал им: Я дам человеку новое сердце, жалостливое и доброе, и он перестанет убивать и проливать кровь, и только зелень и траву будет есть. Шерсть он не будет носить, и ботинки из кожи — тоже.

Гость неожиданно замолчал. За холмом раздались тяжелые шаги, и все повернулись туда. Амалия поднялась, чтобы первой увидеть.

— Папа, папа идет! — воскликнула она весело и побежала навстречу отцу.

Узи тоже поднялся, побежал за сестрой. Хермони, широко шагая, размахивал на ходу своей широкой шляпой.

— Папа, папа, папа! — кричали малыши, с разбегу бросаясь к отцу.

— Теперь у вас есть маленький братик, — сказал Хермони, обнимая детей. — Мама родила сына!

— Ой, папа! — вскрикнула Амалия и прильнула к отцу.

— Ты лгунишка! — вдруг со слезами в голосе сказал Узи сестре, — ты хотела сестричку, сама говорила мне!

— А потом я сказала, что мне все равно! — пробормотала девочка смущенно. — Не плачь, Узи, я уже люблю его еще больше, чем девочку.

Хермони рассмеялся и потрепал детей по щекам.

— А как мама? Скажи, папа, — спросила Амалия тревожно.

— Да, да, Амалия! — ответил Хермони как будто самому себе, — через несколько дней мама вернется домой. А кто это сидит там у костра?

— Какой-то халуц,* — прошептал Узи.

— Как тебе не стыдно, Узи! — сказала Амалия. — Он сыроед, папа, он не ест ни хлеба, ни яиц, только сырое.

— Здравствуй, Бен-Шломо! — радостно и немного с усмешкой сказал Хермони и подошел к костру, — добро пожаловать! Вот уже несколько лет, как

---

* Пионер (иврит).

мы с тобой не виделись. Я думал, ты покинул Эрец Исраэль...

Бен-Шломо отложил печеную картофелину, улыбнулся своей детской улыбкой, поднялся и протянул Хермони руку.

— Но какая это неожиданность! — сказал он с искренней радостью. — Я и не знал, что нахожусь под твоей крышей, а дети, твои дети прекрасные... дети природы! — Он разволновался и глядел на Амалию и Узи с восхищением.

— Ты что, знаешь его, папа? — спросили маленькие с удивлением.

— Да, да, дети, — сказал Хермони и дружески похлопал Бен-Шломо по широким плечам.

— Встречались мы много раз в Галилее и в Изреэльской долине...

— Так-то так, да ты уже теперь, Хермони, хозяин, — пробормотал Бен-Шломо с сияющим лицом.

Он опять взял картофелину и разломил ее в ладони.

— Садись, Бен-Шломо! — сказал Хермони и тоже сел у костра. — Ты желанный гость, можешь жить с нами сколько хочешь.

Бен-Шломо рассмеялся. Глубокие морщины на его загорелом лбу разгладились. Неторопливым, уверенным жестом он вынул из золы пахучий картофель и предложил Хермони.

Наступил вечер, стало совсем темно. Дул прохладный ветерок, раздувал угли. Амалия принесла из барака хлеб, маслины и сыр, втроем они сели ужинать. Хермони сидел, погруженный в свои мысли и по временам глубоко вздыхал. Бен-Шломо проводил рукой по своей огненной бороде, как будто намеревался что-то сказать, но, кроме невнятного бормотания, ничего не было слышно. Глаза его тревожно шарили по всему небу.

Перед сном дети хватились, что гость исчез. Амалия сказала об этом Узи, и они оба дважды обошли вокруг барака.

— Даже сумки его нет! — сказал Узи удивленно.

Они подошли к камню, где недавно лежала сумка Бен-Шломо, — она исчезла.

— Он ушел от нас потому, что ты смеялся над ним, — сказала Амалия и потерла глаза кулачками, — ночью он не найдет дорогу, мне его жалко!

— Амалия! — позвал Хермони из барака. — Где вы там, дети?

Амалия побежала в барак. Узи плелся за ней с опущенной головой, как уличенный в дурном поступке.

— Что случилось, дети? — спросил удивленно Хермони.

— Он ушел ночью, — шептала Амалия, — Узи обидел его, папа! Узи виноват!

— Он не ушел, Амалия! — рассмеялся Хермони, — он наверное пошел спать в пещеру, он не живет в домах!

Амалия взглянула на отца удивленно. Она хотела узнать от него побольше о загадочном Бен-Шломо.

— Идемте спать, дети! — проговорил Хермони, — Бен-Шломо будет с нами еще много дней.

На следующий день Хермони и Бен-Шломо работали вместе в долине. Босые, обнаженные, они стояли в болоте, образовавшемся после нашествия больных арабов, и рыли канавы, чтобы отвести воду. Солнце припекало, тучи комаров вились над болотом. Хермони не отчаивался. Правда, не было у него уверенности, что история с пришельцами из Цфата не повторится в будущем году, но пока что не было у него иного выхода. Были, правда, другие земли, пригодные для посадки летних овощей, но нужен был мотор, чтобы поднять туда воду, а денег для этого у Хермони не было.

Иногда Хермони и Бен-Шломо выкапывали мотыгами морковь и свеклу, оставшиеся в земле. Скаля зубы, Бен-Шломо с аппетитом ел овощи, как человек, голодавший несколько дней.

— Здесь хорошие овощи, друг мой, — говорил он, — сочные и вкусные.

— Ешь, ешь, Бен-Шломо, с аппетитом! — смеялся Хермони, стирая пот с лица и шеи, — не беспокойся о завтрашнем дне!

— Вот эти две вкусные морковки я все же оставлю малышам, — сказал Бен-Шломо и отложил две небольшие золотистые морковки, — маленькие нуждаются в овощах больше, чем взрослые!

— Папа, папа! — вдруг услыхали они голос Амалии.

— Иди сюда, доченька, получишь морковку! —

воскрикнул Бен-Шломо и помахал морковкой, поднятой с земли.

— Папа, иди сюда! — кричала Амалия, — быстрей, быстрей!

— Что такое, Амалия? — тревожно спросил Хермони и шагнул к девочке.

Бен-Шломо отложил мотыгу и медленно пошел за Хермони, жуя кольраби.

Девочка держала обеими руками подол платья. Там было много срезанных колосьев.

— Что это? — спросил Хермони озабоченно.

— Что-то ужасное случилось, — сказала девочка, бросив на землю колосья, — мы пасли корову и теленка около хлебного поля. Я зашла в поле нарвать фиолетовых гладиолусов и вдруг увидела яму и в ней много, много колосьев. Пошла дальше — и опять яма, еще яма, много, много ям. Все они полны колосьями, а из них идет какой-то свист, странный свист! Как будто в этих ямах много, много птиц.

Девочка умолкла. Лицо ее было красное и разгоряченное. Она стояла растерянная и теребила пальцами колос.

— А где скот? — с беспокойством спросил Хермони.

— Узи смотрит за ним.

— Продолжай работать, а я пойду в поле, выясню, что там случилось, — обратился Хермони к Бен-Шломо и пошел вверх по холму.

— Возьми морковку себе, другую дай Узи, — обратился Бен-Шломо к Амалии и протянул ей две морковки.

— Нет у меня времени, — ответила девочка, — я должна бежать к стаду!

Бен-Шломо пожал плечами, проворчал что-то, улыбнулся и вернулся к работе.

Придя на хлебное поле, Хермони увидел ужасную картину: на всех участках были выкопаны ямы, из них торчали колосья. Вокруг ям валялась сухая солома, без метелочек, без зерен. Из ям доносилось раздражающий визгливый писк. Хермони стоял, как громом пораженный. Лицо его побледнело, покрылось крупными каплями пота. Он увидел страшное разорение, постигшее хлебное поле. Сердце сжалось, в глазах потемнело.

— Полевые мыши, — сказал он самому себе с хриплым вздохом. — Они погубили хлеб...

И тут он вспомнил, что всю зиму слышал этот проклятый писк в поле. Часто он видел мышей, снующих из норы в нору, но тогда он не обратил на это внимания.

Хермони нагнулся, поднял несколько колосьев и внимательно осмотрел их. В метелочках зерна были еще мягкие, невызревшие. Узи и Амалия легли на землю и стали выгребать из ям кусочки соломы и пшеничное зерно.

— Посмотрим, что делается в лесу, — сказал Хермони и печально направился туда.

— А стадо, папа? — спросили дети.

— Оставьте стадо, дайте животным наесться пшеницы, — с горечью сказал Хермони, — все равно ее уничтожат мыши.

Дети переглянулись и пошли за отцом. Они пришли к ячменному полю, и перед ними открылся вид, точь в точь такой же, как на пшеничном участке: на каждом шагу голые проплешины и пустая, сухая солома.

Хермони смотрел вокруг с отчаянием, как матрос на тонущем в бурном море корабле. Он вспомнил запустение, к которой полевые мыши привели Верхнюю Галилею около пятнадцати лет назад в сытность его шомером на полях Метулы. Ни один мешок зерна не попал тогда в амбар. Пустое и печальное гумно, без песен и молотьбы.

В нем закипела злость на самого себя, злость эта росла с минуты на минуту: если бы он чаще приходил на поля, если бы он не послал Эйтана учиться, может, они не проглядели бы надвигавшуюся опасность, вовремя бы спохватились! Может быть, хоть часть урожая удалось бы спасти! Сквозь скупые слезы глядел Хермони на хлебные поля — пустые, уничтоженные. И он печально покачивал головой, как человек, расстающийся с чем-то дорогим и навеки потерянным.

Назавтра Хермони отправился верхом в Алону за рассадой для летних овощей. Он медленно ехал по тропинкам через поля, внимательно оглядывая плешины. Со всех сторон раздавался мерзкий писк полевых мышей. Не осталось ни клочка поля, не пострадавшего от грызунов. Сотни дунамов пшеницы и яч-

меня погибли, пропали. Из сотен нор, разбросанных по полям, торчали пустые колосья. Это было страшно.

В Алоне тоже чувствовалось угнетенное настроение, руки у поселенцев опустились. Тысячи дунамов пшеницы и ячменя были уничтожены мышами полностью. Правда, с ними боролись ядовитыми газами и отравой, но это могло помочь только яровым. На спасение озимых не было уже никакой надежды.

Бен-Шломо продолжал работать в долине босой, забрызганный грязью и глиной. Помахивая мотыгой, он шагал по болоту, копая канавы для отвода воды.

Солнце повернуло на запад, тишина царила вокруг. Тихим голосом Бен-Шломо пел песни на разных языках — он научился этим песням за долгие годы своих странствий. Настроение у него было хорошее. Он никогда не тревожился о будущем. Он радовался сегодняшнему дню и мечтал об исправлении мира силой любви.

Внезапно он услышал кудахтанье курицы и писк птенцов. Прекратив работу, он осмотрелся. Тут ему еще не доводилось видеть курицу на яйцах. Он прислушался к глухому кудахтанью, доносившемуся из кустов ежевики, и ему очень захотелось посмотреть. И он заметил под кустом серую курицу, сидящую на яйцах, а за ней — суетливых птенцов, мягких, золотистых. Увидев Бен-Шломо, она закудахтала сильнее и уставилась на него со злостью. Птенцы вертелись вокруг нее и плаксиво попискивали, ища укрытие под распущенными крыльями матери.

— Успокойся, — сказал Бен-Шломо, — я тебе ничего плохого не сделаю.

Курица упрятала птенцов под себя, посмотрела на Бен-Шломо с опаской и постепенно умолкла. Убедившись, что он стоит неподвижно и руки его пусты, она поднялась и начала копаться в навозе. Птенцы прыгали вокруг нее и тоненько пищали. Каждый хватал зернышко или крошку и отбегал на миг, а потом возвращался.

Скрестив руки на груди, Бен-Шломо с дружелюбной улыбкой наблюдал за курицей и птенцами. Когда все семейство ушло, Бен-Шломо подошел поближе к зарослям. Под кустом он увидел ямку, выстланную соломой и травой, а внутри ямки белела яичная скорлупа.

— Здесь она высиживала, счастливая, — проговорил Бен-Шломо растроганно, — Боже, как все это прекрасно!

Радость охватила его всего, он хотел сделать что-нибудь приятное этой симпатичной куриной семье. Собрав остатки картофеля от завтрака, он бросил их курице и птенцам, направлявшимся к бараку.

— Не иди туда, несчастная! — закричал Бен-Шломо, — вернись в свое гнездо!

Он обогнал курицу с птенцами и погнал их обратно к кустам.

Глава двенадцатая

НАПАДЕНИЕ

Хермони уехал за Тиквой и ребенком, чтобы перевезти их в Эйн-Роим. Тиква поправилась. Она с нетерпением ждала приезда Хермони, беспокоилась о детях и хозяйстве. Когда они поднялись в вагон поезда и устроились в небольшом купе, вошел высокий стройный юноша и бросился к ним с объятиями и радостными криками.

— Эйтан!

Тиква обняла сына, Хермони ласково разглядывал его.

— Чей это ребенок? — спросил Эйтан, взглянув с улыбкой на закутанного младенца на скамье.

Хермони и Тиква ухмыльнулись.

— Это твой братик, — сказала Тиква, — маленький Хермони.

Эйтан подошел и смущенно посмотрел на младенца:

— Да, он похож на Узи. А вы даже не писали мне ничего! — добавил он укоризненно.

— Мы были уверены, что ты скоро приедешь, — пробормотал Хермони.

Эйтан был в рубашке, синих штанах и синей шапке. Он двигался легко и плавно.

— А я изменился, мама? — спросил Эйтан неожиданно и не к месту.

— Ты — джахеш,* — улыбнувшись, ответила Тиква и провела пальцем по его грязной груди, темной и мускулистой.

— Как видно, нет у вас воды в школе, — сказала она иронически.

— Мыла недостаточно, — ответил Эйтан и покраснел совсем по-детски.

Тиква смотрела вопросительно.

---

* Осленок (араб.).

— Только маленький кусочек мыла на месяц, а когда соберешь три кусочка, можно их продать за пиастр, — сказал Эйтан.

— И управление не обращает на это внимания? — спросил Хермони удивленно.

— Пойманного штрафуют, — засмеялся Эйтан.

— А тебя ни разу не поймали? — спросила Тиква.

— Меня-то не поймали, но однажды я попал в неприятное положение за грех, который я не совершил.

— То есть?

— Была история с яйцами... — пробормотал Эйтан скороговоркой, — я работал в курятнике. Пошли и донесли на меня заведующему, что я краду яйца и устраиваю вечеринки в питомнике. Тогда меня позвали к заведующему.

«— Как тебе не стыдно воровать яйца в учреждении, которое дает тебе хлеб и знание? — спросил меня заведующий и стал красным, как редиска.

— Я не вор, — ответил я ему.

— Не ври! — сказал заведующий и топнул ногой. — Один из твоих товарищей по воровству рассказал об этом.

— Я не лгу, — сказал я.

— Я бы выгнал тебя отсюда, как выгоняют вора, — орал на меня заведующий, — но из уважения к твоим родителям я прощаю тебе. Но придет твой день, Эйтан, придет!»

Хермони строго посмотрел на сына и руки его задрожали.

— Ты в самом деле крал яйца? — спросил Хермони.

— Ах, папа, никогда я не крал! — ответил Эйтан обиженно, — я не могу украсть... но я съел одно яйцо в обед, работая в курятнике — мне как раз принесли сухой хлеб. Разве это называется воровством? Работник на сборе урожая разве не пробует виноград? Разве на него надевают намордник? — И глаза Эйтана сердито заблестели.

— Почему ты не сказал об этом заведующему? — спросила Тиква, давая грудь заплакавшему младенцу.

— Я бы разозлил его еще больше! — сказал Эйтан с горькой усмешкой, — там опасно говорить правду, мама! Я ему сказал: «Я не хочу милости за заслу-

ги моего отца. Если верите доносчику — это тот самый мальчик, который зимой украл мое одеяло, и тогда мы его побили, — так выгоните меня из школы!». Как он тут разозлился! На мое счастье, в это время появились туристы, и заведующий сразу стал добреньким и отослал меня, похлопав по спине, будто после дружеской беседы.

Свисток паровоза прервал их разговор. Хермони взглянул в открытое окно и посоветовал Тикве укрыть младенца — они уже подъезжали. Тиква оправила свое платье и передала ребенка Хермони. Эйтан забросил за спину свою сумку, и они втроем, сойдя с вагона, молча глядели на знакомые холмы Эйн-Роима.

— Амалия! Узи! — закричал Эйтан, указывая в сторону холмов, — шалом, шалом!

Тиква и Хермони засветились от радости: с холмов бегом спускались Узи и Амалия, они что-то кричали, волосы их развевались по ветру.

— Папа, мама, Эйтан! — добежав, маленькие прыгали от восторга, как телята, — мама!

Тиква обняла детей и приподняла осторожно кисею над младенцем.

— Какой он милый! — дрожащим голоском сказала Амалия и поцеловала братика.

— Он похож на меня! — объявил Узи торжествующе, — ты, Амалия, тут ни при чем!

— Он немножко похож на Эйтана, — сказала Амалия.

Эйтан рассмеялся, схватил Амалию потом Узи и подбросил их в воздух.

— Почему вы пришли пешком, а не приехали на телеге? — спросил Хермони сердито.

Амалия смутилась.

— Да, папа, мы хотели приехать, но Бен-Шломо нам не разрешил, сказал, что несчастная лошадь устала и должна отдохнуть.

Веселые, вся семья поднялась в Эйн-Роим. Было приятное, теплое утро. Цветы цикория пышно распустились, и холмы засинели, словно таинственный маляр окрасил их в синий цвет. Щебет птиц, жужжание пчел, стрекот кузнечиков провожали и встречали их на каждом шагу. Зайцы прыгали со страхом от куста к кусту, а газели пугливо появлялись и исчезали между холмами, будто играли в прятки.

Узи и Амалия шли рядом с Хермони, то и дело поглядывая на нового братика. Тиква с Эйтаном шли впереди и тихо о чем-то беседовали.

— Значит, не будет у нас в этом году гумна, — сказал Эйтан с огорчением.

— Боюсь, что нам придется покупать хлеб зимой, — вздохнул Хермони.

— Неужели так плохо? — сердито спросил Эйтан.

— Все уничтожено, — ответил Хермони с болью.

— Что же мы будем делать, папа? — спросил Эйтан, бросая вопросительный взгляд на Тикву и детей.

— Не будем впадать в отчаяние, — бодрился Хермони, — прочистим лес, посадим побольше овощей и посеем яровые.

Внезапно в лесу застучали частые выстрелы. Пуля пролетела мимо лица Эйтана и ударила в землю в нескольких шагах от него, подняв пыль. Не успели они осмотреться, как загремели новые залпы.

— Ложись! — закричал Хермони и бросился на землю. Эйтан приник рядом с ним. Дети прижались к Тикве. Младенца она держала на руках и не отрывала от него глаз, полных страха.

— Мама, убьют нас? — спросила Амалия, пряча свою голову на груди матери.

— Дура, не бойся! — Узи погрозил Амалии кулаком, — сейчас увидишь, как папа побьет их...

Некоторое время они лежали, прижавшись к земле, сдерживая дыхание. Стало тихо. Воздух застыл, пчелы прекратили жужжать, а солнце как будто остановилось на своем пути.

— Где твой пистолет? — шопотом спросил Хермони Эйтана, доставая свой.

— Есть, папа!

— Достань его.

Эйтан медленно снял сумку и, не поднимая головы, вытащил оружие.

Снова гулко стукнули два выстрела.

— Выстрели дважды! — шепнул Хермони.

Эйтан дважды выстрелил в сторону леса. Прижавшись к земле, они выжидали. Младенец начал плакать, и Тиква, лежа на боку, дала ему грудь. В глазах у нее были слезы. Стук конских копыт прилетел издалека. Хермони прижал ухо к земле и прислушался.

— Нападают на нас! — прошептал он Эйтану. — Давай поближе к маме и детям!

Они переползли на другое место, отгородив Тикву с детьми от леса. Эйтан осторожно поднял голову.

— Всадник скачет к нам! — сказал Эйтан и вытянул вперед руку с пистолетом.

Хермони стал на колени и прикрыл глаза рукой от солнца. Из леса несся всадник, концы его абайи развевались по ветру, а ружье поблескивало в руке.

— Абу Наами, — воскликнул Хермони, скрежеща зубами, — опять он!

— Огонь! — сказал он со злостью, — смерть собаке!

Они оба несколько раз выстрелили. Хермони вскочил и побежал навстречу Абу Наами, продолжая стрелять на бегу.

— Я-раб! Я-раб!* — раздался голос Абу Наами, — Абу Эйтан, не стреляй в меня! Я твой гость! — кричал Абу Наами, дергая повод и расмахивая своим белым платком.

Хермони опустился на землю. Всадник подъехал вплотную.

— Доброе утро, Абу Эйтан! — сказал он медовым голосом и с хитрой улыбкой.

Хермони молчал. Зубы его были стиснуты, с презрением смотрел он на Абу Наами. Араб спрыгнул с лошади, ядовитая улыбка не сходила с его лица.

— Что с тобой, Абу Эйтан? — начал он с деланной обидой, — ты что, не узнал меня?!

— Подлец! — закричал Хермони.

— Клянусь Богом, я выехал поохотиться! — завизжал Абу Наами, побледнел и театрально бросил свое ружье на землю.

— Врешь! — презрительно закричал Хермони.

— Клянусь пророком! — Разве не прошло здесь стадо оленей? Я по ним стрелял, Абу Эйтан, клянусь пророком.

— Эйтан, Тиква, вставайте! — позвал Хермони. — Что тебе нужно, Абу Наами?

Тиква и дети подошли и презрительно разглядывали Абу Наами.

— Здравствуйте, госпожа! — сказал Абу Наами, оборотясь к Тикве с подобострастной улыбкой.

---

* Боже! (араб.).

Тиква не ответила. Перед ней стоял бандит, пытавшийся убить ее детей.

— Все пропало, Абу Эйтан! — неожиданно начал Абу Наами, вытирая лицо белым шелковым платком, — мыши съели все, ты видел.

Хермони молчал.

— Пойдем, — сказал он Тикве и детям, — солнце высоко, становится жарко!

Взяв ребенка из рук Тиквы, он зашагал первым. Абу Наами догнал его, ружье его висело на плече стволом вниз.

— Вы же умрете с голоду! — продолжал на ходу Абу Наами, — пожалей жену и детей!

— Иди своей дорогой! — сказала Тиква сердито. — Абу Эйтан не убийца и не вор! Ялла, ялла, уходи отсюда, охотник на людей!

— Нужно иметь еду, женщина, — успокаивал ее Абу Наами, — а угольщики еще ждут...

— Хватит! — сказала ему Тиква. — Катись отсюда!

Хермони и дети повернули в Эйн-Роим. Абу Наами вскочил на лошадь, ударил ее плетью и помчался галопом в лес.

— Негодяй! — крикнул ему вслед Эйтан. — Придет твой день!

Когда они подошли к Эйн-Роиму, собака с ласковым визгом побежала им навстречу. Опустив голову, она преданно лизнула руки Тикве и Эйтану.

Барак был закрыт. Курицы на холме копались в траве. Корова и лошадь паслись на склоне внизу, коза пощипывала травку. Заметив детей, она заблеяла и стала взбираться на холм. Бен-Шломо нигде не было видно.

— Бен-Шломо! — закричали Амалия и Узи, — Бен-Шломо!

— Бен-Шломо! — позвал и Хермони, повышая голос, — Бен-Шломо! — Ответа не было.

— Кого вы зовете? — удивился Эйтан.

— Пойдем и увидишь, — сказал Хермони, смеясь. — Есть у нас забавный гость.

Тиква и дети зашли в барак. Хермони зашагал к пещерам на склоне холма, Эйтан шел за ним.

— Бен-Шломо! — кричал Хермони. — Где ты?

— О-го, о-го, — донеся хриплый голос из одной пещеры.

Они подошли к пещере и заглянули вовнутрь. В узкой и глубокой пещере было темно, в ее стенах чернели ниши, когда-то в них покоились человеческие останки. Из пещеры тянуло сыростью, у входа висели ветви папоротника, они свисали, как длинные локоны. На стенах пещеры зеленели лишайники и плесень, и маленькие ящерицы метались туда и сюда. В одной нише, на подстилке из соломы и сухих листьев лежал Бен-Шломо. Его левая рука свисала и касалась земли, глаза были закрыты. Грудь подымалась и опускалась медленно, а из приоткрытого рта раздавался дикий храп.

— Бен-Шломо! — позвал его Хермони с усмешкой. — Ты все бросил на произвол судьбы и заснул!

Эйтан смеялся.

— Бен-Шломо! — крикнул Хермони сердито и потянул его за левую ногу.

— Ху-умм! — выдохнул спящий и не пошевелился.

— Вставай, Бен-Шломо! — повторил Хермони.

— Папа, у него лихорадка... — сказал Эйтан очень серьезно, — он весь горит.

Хермони нагнулся и положил руку на лоб Бен-Шломо.

— Да, он весь горит, — повторил Хермони шопотом.

— Корова... корова... — бредил Бен-Шломо, почувствовав прохладную руку на лбу. — Холодно ей, корове.

— Нужно дать ему хинину, папа... — сказал Эйтан, — его здорово трясет.

Когда все поели, Эйтан поскакал верхом в Кишону и вернулся с таблетками хинина для Бен-Шломо. Около барака он увидел Бен-Шломо с большой редькой в руке.

— Шалом, сынок, — сказал Бен-Шломо и протянул ему руку. — Очень рад тебя видеть.

Эйтан смутился и вопросительно взглянул на отца, возившегося с плугом в тени барака. Хермони усмехнулся:

— Спала температура, Бен-Шломо?

— Не было у меня никакой температуры, — проворчал Бен-Шломо, хрустя редькой.

— Все же, выпей-ка хинин, — сказал ему Хермони, — это не повредит тебе!

— Вот, — злился Бен-Шломо, — вот этот прие-

хал со своими лекарствами! Жаль лошадь, зря ее гоняли. Бедная моя! Весь день издеваются над ней!

— Пожалеешь, Бен-Шломо! — укорил его Хермони, — с лихорадкой не шутят. Сегодня она оставила тебя, а завтра снова схватит.

— Да, да, — бормотал Бен-Шломо — посмотрим! Я не отравляю свой организм этим проклятым хинином.

И снова взялась вся семья за работу. Тиква с детьми сажали и сеяли летние овощи — помидоры, баклажаны, огурцы, тыквы. Утром Тиква укладывала младенца в плетеную корзину и ставила ее в тень. По многу раз в день дети прерывали работу и подходили к ребенку взглянуть, все ли в порядке. Тиква была еще слаба, худа и бледна, руки ее дрожали от слабости.

Хермони пахал болотистые участки у дороги в Кишону и готовил землю под кукурузу и дурро. Пшеница и ячмень погибли, остатки не имело смысла снимать даже на корм скоту. Полугодовой труд пропал. Ничего не оставалось, кроме как вспахать снова большие участки земли под яровые. Черные, влажные комья земли выворачивались лемехом, и свежие полосы радовали глаз, успокаивали и вселяли надежду.

— Вперед, вперед! — погонял Хермони лошадь и налегал грудью на плуг.

Глава тринадцатая

МЫШИ И ЧИНОВНИКИ

Хермони и малыши пошли войной на мышей. Терпеливо и упорно шли они от норы к норе. Хермони доставал вилами колосья пшеницы и ячменя и укладывал их в кучи, а Амалия и Узи складывали в мешки.

Недалеко от них работал Бен-Шломо. Он не хотел лишить мышей еды и будто бы занимался молотьбой: по небольшой куче колосьев он водил лошадь взад и вперед. Лошадь была впряжена в деревянную молотилку, утяжеленную большим камнем.

Медленно шагал Бен-Шломо, погруженный в свои мысли, а лошадь тащила молотилку и дробила пшеничные и ячменные зерна птицам на корм.

Громкое приветствие вывело его из задумчивости. Он остановился, остановил лошадь, почесал бороду, нащупал и вытащил из нее кусочки соломы и осмотрелся. Два загорелых молодых человека в белых рубашках и в брюках для верховой езды стояли перед ним.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — небрежно произнес Бен-Шломо и нагнулся, чтобы освободить заднюю ногу лошади, запутавшуюся в вожжах.

— Мы не узнали тебя, Хермони, — сказал брюнет в большой соломенной шляпе, — пятнадцать лет уже прошло, как мы не виделись!...

— И бороду ты отпустил, — добавил другой.

— Простите, — пробормотал Бен-Шломо, понукая лошадь, — Хермони работает там, в поле, сходите туда...

Он указал на Хермони и вновь занялся молотьбой.

Гости обменялись удивленными взглядами, пожали плечами и ушли, посмеиваясь.

Хермони лежал на земле около большой норы, выгребая оттуда руками нечистое зерно... Узи первый заметил приближающихся людей. Слегка смущенный, он шепнул Амалии:

— Дырявая голова, ты же обещала мне в школе напомнить папе!

Амалия как будто проснулась, ударила в ладоши и закричала:

— Ой! Я забыла, но и ты, Узи, тоже забыл!

— Папа, папа, — воскликнул Узи, — сегодня мне два человека сказали в Кишоне, что они придут под вечер к нам домой!

— А кто они? — спросил Хермони с любопытством.

— Вот они и пришли! — сказала Амалия, показывая куда-то вдаль.

Гости подошли, громко переговариваясь. Хермони встал, отряхнул землю с одежды и взглянул на пришедших. На его лице появилась улыбка.

— Вот это настоящий Хермони! — закричал со смехом черноволосый, протягивая руку Хермони.

— Здравствуй, степной человек!

— Это он, это он! — кричал рыжий, хлопая Хермони по плечу.

—Тебя, Карми, я узнал, — сказал Хермони, обращаясь к черноволосому, — а твое имя я не помню, — улыбнулся он, глядя на рыжего.

— Гвиши! — сказал рыжий. — Ты, видно, забыл суп, которым я кормил тебя, когда ты был шомером в Рухаме!

— А, да, да! — сказал Хермони и пожал ему руку, — «Джинджа» из Рухамы. Ты работал на кухне!

— Это твое гумно, Хермони? — вздохнул Карми, указывая на небольшую кучу, где Бен-Шломо водил лошадь.

— Корм для голубей! — засмеялся рыжий Гвиши. — И у нас в Гиват-Гаморе не осталось ни единого колоса, проклятые мыши уничтожили даже солому.

— Уцелел только кибуц Рама, — сказал Карми.

— Удивительно: наши поля граничат с Рамой, там все в порядке, а у нас ничего не осталось.

— Как видно, мышам больше нравятся кибуцы, — пошутил Гвиши.

— Вот уже тридцать лет мы блуждаем здесь, как в темноте, — сказал Карми, — каждый год нас мучают грызуны, но мы еще ничему не научились. А что мы знаем о саранче? Ничего! Исчезает на несколько лет, а потом снова приносит несчастье. Куда она исчезает? Откуда появляется? Мы ничего не

знаем. То же самое и с мышами. Правительство каждый год берет с нас всякие налоги и сборы, но ничего не делает, чтобы спасти нас от мышей.

— Трудную землю выбрал для нас Моше Рабейну, — сказал рыжеволосый.

На лицах присутствующих появилась легкая усмешка. Хермони стер пот с лица, поднял кувшин с водой и протянул его гостям.

— Пейте!

— Мы пили из родника внизу, — сказал Карми. —Вода отвратительная.

Оба вынули из карманов сигареты и закурили. Хермони выпил несколько глотков воды и опустился на землю. Наступило молчание. Гости затягивались, выпускали дым, медленно напевая что-то закрытыми ртами.

Солнце клонилось к западу. Закат вызолотил поле. Жара спала, с моря подул прохладный ветерок и повеяло влагой. Одинокий жаворонок появился в воздухе, распевая прощальную песню солнцу.

— Кому принадлежит пастбище около болота? — неожиданно спросил Карми.

Хермони как бы очнулся от сна, взглянул вокруг удивленно и сказал:

— Какая земля?

— Болото, — повторил Карми.

— Керен Каемет, — ответил Хермони коротко.

— А кто имеет право пасти в лесу? — спросил Гвиши.

— Я, — ответил Хермони и посмотрел на спрашивающих.

— Пастухи-бедуины, которых мы видели в лесу и на болоте, платят тебе или Керен Каемет? — спросил один из них.

— Пусть пасут скот и не мешают мне, — рассмеялся Хермони, — кто живет в лесу, бросает кость волкам.

— Если мы, например, придем пасти скот у болота, пастухи не будут возражать?

— Лес и земля принадлежат Керен Каемет, а я только сторожу, — ответил Хермони твердо. — Пастухи пасут здесь скот с нашего разрешения.

— Если так, — сказал Гвиши, — перейдем прямо к делу. Мы пришли к тебе по поручению поселения

Кфар-Хаим, чтобы ты взял у нас часть нашего скота — пасти его все лето.

Хермони задумался. Он поднялся, вновь сел и пожал плечами.

— Что это значит? — процедил он сквозь зубы.

— Вопрос ясен: мы передаем тебе, в твое распоряжение, наш скот — коров и телят, заплатим тебе за охрану и уход за ними с каждой головы.

— Это не от меня зависит, — пожал плечами Хермони, — приходите, пасите, пастбище принадлежит вам так же, как и мне.

— Верно! — рассмеялся Гвиши, — но не за пастбу мы заплатим, а за присмотр за скотом... Не думаешь же ты, что мы все бросим наше хозяйство и придем сюда пасти скот!

— Наши дела в этом году плохи, — продолжал Кармн, — мыши оставили нас без кормов. Орошение мы еще не наладили, зеленого корма не хватает. Войди в наше положение и помоги нам!

Хермони вздохнул, поглядел на голые поля, вспомнил Тикву и детей, вспомнил о своих многочисленных долгах и о том, что на гумне ничего нет.

— А вот и подходящий кандидат! — сказал Гвиши. — Бен-Шломо будет пасти, а ты — сторожить. И все будут довольны.

Наступила тишина. Солнце село за горой Кармель. Со стороны пещер донеслись стоны ночных птиц. В воздухе промелькнули трясогузки, оставляя за собой полосы фосфорического, холодного света.

Хермони встал, а за ним поднялись и гости.

— Идемте в барак, — сказал хозяин, — переночуете у нас, и мы решим это дело! Я посоветуюсь с Тиквой.

Хермони взял вилы и кувшин с водой, и все направились в барак. Проходя мимо кучи колосьев, Хермони рассмеялся — лошади не было. След от молотилки вел в конюшню, а около горстки намолоченных семя крепким сном спал Бен-Шломо. Все трое подошли к спящему.

— Бен-Шломо! — закричал Хермони, коснувшись его ноги.

Вместо ответа раздался громкий храп.

Гвиши взял колосок и провел им по носу Бен-Шломо. Тот не шелохнулся. Хермони пощупал его лоб и вздохнул:

— Его снова лихорадит, несчастный! А лекарства не принимает. Подымем его!

Втроем они подняли Бен-Шломо на ноги.

— У него высокая температура! — сказал Гвиши, коснувшись его лица. — Он весь горит!

Бен-Шломо приоткрыл на минуту глаза, обвел непонимающим взглядом вокруг и шепнул:

— Мыши пришли меня наказать, мыши...

Медленно приближались они к холму Эйн-Роим. Стало совсем темно, когда они уложили Бен-Шломо в пещере.

До поздней ночи гости беседовали с Хермони и Тиквой и пришли к соглашению: Хермони получает за охрану скота по два шиллинга в месяц с каждой головы, но должен построить загон из жердей для скота. Он не несет никакой ответственности перед владельцами скота, только в случае воровства. Молоко и навоз идут в доход Хермони. Село обязуется каждую голову скота снабдить крепкой веревкой.

Утром, когда гости уже собрались на станцию, Хермони передал им письмо и просил отправить по почте. Это было письмо к Ципору в Тель-Авив. Хермони предлагал ему приехать в Эйн-Роим пасти скот.

Дети были в школе. Хермони заготавливал в лесу жерди для скотного загона. Скот скоро должны были пригнать в Эйн-Роим. Бен-Шломо поправился и без хинина, он работал на орошении летних овощей в долине. Помидоры краснели между листьями, синие баклажаны выглядывали из своих укрытий, грядки огурцов зеленели на склоне холма.

Тиква пасла корову, теленка и козу между холмом Эйн-Роим и лесом. Рехав спал в маленькой деревянной коляске, которую Хермони смастерил из ящика. Личико Рехава было круглым, полным и смуглым от солнца. Тиква прикрыла коляску ветками, чтобы заслонить ребенка от слепящих лучей солнца. Коляску она тянула за собой, переходя с места на место со своим стадом. При этом Тиква штопала чулки. Она печально смотрела на своего младенца и думала: «Бедуины... точно бедуины... зимой холод, а летом жара. Эйтан родился в сторожке в винограднике в Шомроне. Узи родился в галуте в Дамаске, куда Хермони был выслан вместе с другими сионистами. Амалия появилась на свет в полуразрушенном

глинобитном домишке у озера Кинерет, Рехав — на грязной скамье железнодорожного вагона».

— Бедуины, бедуины... — шептала Тиква, волоча за собой коляску, — вечные бедуины... Иудея, Шомрон, Галилея, Эмек Изреэль. Может, здесь мы наконец успокоимся? Кто знает! Абу Наами нападает на нас, и мыши, и кто знает, что ждет нас здесь!

Вначале они блуждали по собственному желанию, не тянуло их к спокойной жизни, как жили их дедушки и бабушки в украинском местечке... Много испытаний и лишений они перенесли, но теперь ноги отяжелели, головы седеют, а сами они изнемогают от усталости. Пора прибиться к постоянному, собственному берегу, осесть на земле. Старое старится, молодое растет. Дети нуждаются в пристанище. Прошла юность, прошла и не вернется... Тиква вздохнула и погрузилась в воспоминания: ...Небольшая группа рабочих Галилеи отправлялась закладывать еврейское поселение у озера Кинерет. Она присоединилась к ним, ей хотелось быть в первом ряду, в самом опасном месте. На берегу озера они наткнулись на ветхий арабский домик, в котором была одна крохотная комнатка, и все устроились там. Кухню соорудили под открытым небом, она варила на плите из неотесанных базальтовых камней, изнемогала от жары летом и от холода зимой, а товарищам по коммуне не пришло в голову поставить вокруг плиты шалаш с крышей.

Визгливый крик осла вернул ее к действительности. Она повернула голову на крик и увидела навьюченного осла, а за ним шагал высокий мужчина с черной бородой и в очках. Подойдя, он остановился и поздоровался, дружески улыбаясь. В руке он держал большой кожаный портфель. Гость долго, с улыбкой, рассматривал Тикву. Она смутилась, поправила свои растрепанные волосы и залилась краской.

— Тиква? — спросил пришедший.

Тиква недоуменно пожала плечами и вдруг радостно закричала:

— Ярдени!

Гость погладил шелковистую, блестящую бороду и протянул ей свою загорелую, волосатую руку.

— Неужели я так изменился? — спросил Ярдени и положил на землю свой портфель.

Тиква пробормотала отрывисто:

— Ну как тебе сказать... Теперь у тебя интеллигентное лицо, Ярдени, не так, как это было двадцать с лишним лет назад. Тогда ты выращивал овощи на берегу Иордана, жил в шалаше из степных веток и тебя лихорадило каждую неделю по понедельникам и четвергам.

Ярдени наклонился с улыбкой к спящему ребенку и сказал шопотом:

— Я и сегодня выращиваю овощи. Лихорадка треплет меня по-прежнему, только бедный шалаш я променял на комнату.

Наступило молчание. Ярдени поднял портфель.

— А как твое здоровье? — спросила Тиква. — Мы уже много лет не виделись.

Ярдени засмеялся. Позолоченная оправа его очков блестела на солнце.

— Так, — процедил он тихо, — живем.

— Куда ты идешь сейчас?

— Из Алоны в Кишону.

— Через Эйн-Роим? — изумленно спросила Тиква.

— Я зашел повидать вас, — пробормотал Ярдени. — Вот уже год я слышу от многих о ваших делах.

— Ах, старый шут! — воскликнула со смехом Тиква. — Кто говорит о нас, кто обращает на нас внимание? Мы здесь как на необитаемом острове, забытом Богом и людьми.

Тиква пошла к бараку, волоча за собой коляску с ребенком и покрикивая на корову:

— Иди, иди сюда, Нежная!

Ярдени взял у нее веревку, привязанную к коляске. Тогда Тиква побежала за коровой, теленком и козой, размахивая сухой веткой, поднятой с земли. Корова повернула голову, посмотрела вокруг и, продолжая жевать, потихоньку двинулась к Тикве. Теленок задрал хвост, замычал и побежал за коровой. Коза подняла голову, чихнула, щипнула траву и поскакала, издавая печальное ме-ме-ме.

Когда корова тяжело проходила мимо Ярдени, он нагнулся и защитил ребенка своим портфелем. Тиква расмеялась, крикнула ему издалека:

— Не бойся, горожанин, корова не бодается!

Дальше они шли молча. Ярдени тащил коляску

и все время посматривал на спящего ребенка. Тиква отгоняла полотенцем мух от своего сынишки.

— А где Хермони? — спросил Ярдени.

— Он работает в лесу.

— А хлеб он сеет?

— Конечно!

— А как запас зерна? — спросил гость и остановился.

— Да, — вздохнула Тиква. — Хлебные злаки взошли хорошо. Земля здесь золотая, но мыши все уничтожили...

— Вы, наверно, посеяли много ярового хлеба? — спросил Ярдени.

— Верно. Хермони засеял несколько участков болотной земли, но нет надежды получить что-либо. Мыши быстро размножаются.

— Хорошо, что я заехал к вам, — сказал Ярдени и ударил осла. — Я разбросаю здесь отравленные зерна.

Тиква взглянула на него с удивлением.

— Я работаю в сельскохозяйственном институте, и в последнее время мне поручено воевать с мышами.

— Ты заразишь их тифом? — спросила Тиква со страхом. — Они могут отравить источник, из которого мы пьем.

— Нет, нет, — рассмеялся Ярдени, — успокойся, Тиква! Мы не заражаем зерна тифом, мы пользуемся специальными ядовитыми зернами.

Подойдя к бараку, Ярдени остановил осла, снял с него деревянные боченки и поставил рядком на землю. Осел потерся спиной об угол барака, напился из корыта и побрел на пастбище.

Ярдени откупорил боченок, достал оттуда железным черпаком красные зерна и высыпал их в сумку. Затем зашел в барак и попросил Тикву показать, где они сеяли озимые.

— Подожди, мы раньше перекусим, день большой!...

Ярдени поблагодарил и отказался.

— У меня много работы в Кишоне, — объяснил Ярдени, — а времени мало. Дай-ка мне воды, очень пить хочется.

Тиква прополоскала чашку, налила ему холодной воды из запотевшего кувшина, затем показала участки, пострадавшие от мышей.

Ярдени надел шляпу и вышел, захватив с собой сумку с отравленным зерном. Он уходил широкими шагами, осматриваясь вокруг. Иногда он останавливался, доставал из мешочка горсть зерна и бросал в мышиные норы, попадавшиеся ему по дороге.

Приближался полдень. Тиква вспомнила, что Хермони не взял с собой завтрак в лес. Она растопила печь, поставила нагреть воды, потом достала из мешка блестящие, синие баклажаны и принялась их чистить. В комнате было душно, мухи нудно жужжали. Рехав в соседней комнате то и дело просыпался из-за мух. Он плакал, Тиква успокаивала его нежно, чмокала губами, пела.

— Я-нас, я-нас!* — вдруг услышала она крики — эй, хозяин!

У барака стояли лошадь и осел. На лошади возвышался пузатый араб, а на осле сидел тощий, маленький человечек с редкой бородкой и слезящимися глазами. Тиква с ножем и синим баклажаном в руке вышла к ним.

— Мы не воры, госпожа, свистящим голосом сказал маленький человечек на иврите. — Почему ты вышла к нам с ножем?

— Мархава,** — важно приветствовал ее араб, закручивая пышные усы.

— Ахалан весахалан, — сказала Тиква, — заходите в барак, прошу вас.

— Нет времени, — ответил толстяк нетерпеливо. — Где господин?

— Его нет, — ответила Тиква.

— Давай его сюда! — рассердился коротышка, вытирая свои слезящиеся глаза краем грязного платка, покрывавшего его голову.

— Тшш, — успокоил араб своего тощего спутника, — мы от правительства, мы оценщики.

— Мы более важные, чем полицейские, даже поважней, чем камиакам!*** — расмеялся человечек и победно взглянул на Тикву.

— Нет у нас гумна, — ответила Тиква коротко.

---

* Люди (араб.).

** Здравствуйте (араб.).

*** Губернатор (араб.).

— Так?! — разозлился араб. — А Абу Наами сказал нам, что вы засеяли тысячу дунамов, клянусь Аллахом!

— Неважно, сколько дунамов мы засеяли, — ответила Тиква сердито. — Важно, сколько мы собрали на гумно, а гумна нет.

— Что, вы продали? — подскочил человечек, словно ужаленный скорпионом.

— Мыши уничтожили все, несчастный! — сказала Тиква презрительно. — Много ли скирд видел ты в этом году в Изреэльской долине?

— Это неважно! — повертел человечек головой и руками. — Есть хлеб или нет хлеба — надо дать десятую долю правительству, госпожа! Надо дать десятину! Хасал!*

Младенец заплакал. Тиква побежала успокоить его. Приехавшие нетерпеливо шептались между собой. Наконец человечек присвистнул и начал, не переставая, ругаться.

— Я-сит! Я-сит! — вскричал араб сердито. — Уф, что же это такое? Мы официальные лица!

Тиква вышла к ним еще раз с плачущим ребенком на руках.

— Где твой муж? — спросил араб спокойно. — Вы должны уплатить десятину, клянусь Мухаммедом! Что мы, бездельники? Платите налоги.

— Подожди немного, — сказала Тиква, успокаивая младенца.

Она отошла от них, повернулась к долине, и очень громко крикнула несколько раз:

— Бен-Шломо! Бен-Шломо!

— Дайте воды, мадам! — нагло потребовал человечек, когда Тиква вернулась к ним.

Тиква зашла в барак и вынесла кувшие с водой. Человечек подобострастно подал кувшин арабу, лениво отгонявшему мух нарядным веером.

— Итфадал, — сказал он, — пей на здоровье, иншалла!

Араб важно принял кувшин, высоко поднял его, повернул дно кверху, и тонкая струя полилась ему в рот.

— Возьми, Абу Дауд, — сказал эфенди,** протя-

---

* Кончено, довольно (араб.).

** Господин (турец.).

гивая коротышке кувшин, — хорошая вода, как из озера Кинерет.

— Да будет благословен Бог вселенной, по велению которого все создано, — помолился человечек громким голосом и поднес кувшин ко рту. Вода пролилась на его лицо и одежду, из горла донеслось бульканье.

— В будущем тебе будет воздана милость, — сказал он, возвращая Тикве кувшин и тяжело дыша. — Жарко, да смилостивится Бог!

На холме появился Бен-Шломо. Заслонив глаза рукой, он рассматривал пришельцев с любопытством. Грудь была обнажена, волосы спутаны, ноги покрыты грязью. Он с утра работал на орошении.

— Ф-ф-ф-фи-и, — свистнул араб с презрением, увидя Бен-Шломо. — Улла,* ей Богу, улла!

— Здравствуйте, господин? — злобно приветствовал его Абу Дауд. — Разве можно так? Мы что — не от правительства?! Нет у нас времени, надо дать асур** и кончено! Уф, уф, эта твоя мадам нехорошая, ей Богу!

Бен-Шломо медленно подошел, ничего не понимая.

— Пожалуйста, пойди в лес и скажи Хермони, что пришли оценщики, — обратилась Тиква к Бен-Шломо, а потом добавила, — они правительственные чиновники, пусть он сейчас же идет!

Бен-Шломо размашисто зашагал к лесу, потирая рукой волосатую грудь.

— Куда?! — спрыгнул Абу Дауд с осла и погнался за ним, крича и ругаясь, — остановись! Мы пришли от правительства!

Тиква рассмеялась и объяснила арабу, что Бен-Шломо пошел в лес позвать ее мужа.

— Тише, тише, Абу Дауд! — сказал араб, улыбаясь. — Он не хозяин, он работник у хозяина.

— Извиняюсь, — пробурчал Абу Дауд, возвращаясь. — Он ненормальный, ей Богу, он ненормальный!

— Заходите, пожалуйста в барак, — позвала Тиква оценщиков.

---

* Черт (араб.).

** Десятина (араб.).

Араб слез с лошади и передал поводок Абу Дауду. Тот повел животных к источнику.

— Выкупай лошадь, Абу Дауд! — приказал араб ему вслед. Потом поправил одежду, набросил шелковую кефию на голову и вошел в комнату.

— Садитесь, пожалуйста, — предложила Тиква, указывая на стул.

Эфенди выбрал прохладный угол, широко расселся и начал напевать тихую песенку.

— Сколько твоему младенцу, я-сит, хвала Богу? — спросил он с любопытством.

— Четыре месяца, — ответила Тиква и нежно погладила младенца по головке.

— Есть еще?

— Есть еще трое.

— Да благословит их Бог, — рассмеялся эфенди, —а вот у меня есть семеро, — сказал он хвастливо, прочищая спичкой уши. — У меня две жены, — подмигнул он, — одна большая, полнотелая, как я, а вторая городская, тонкая, изящная и красивая, как ты, ей Богу!

— Я-эфенди! — раздался вдруг свистящий голос Абу Дауда, — да будет приятно тебе!

— Да будет разрушен твой дом! — усмехнулся араб и начал проклинать его. — Собака, сукин сын! Привяжи лошадь в тени и дай ей ячменя из мешка!

— Да, да... — пробормотал Абу Дауд и обругал осла, который прыгал, как безумный, вокруг ослицы Ярдени.

Войдя в барак, он внимательно осмотрел комнаты и изучил каждую вещь.

— Приготовь кофе, мадам, — обратился он к Тикве. — Мы вышли сегодня из Алоны натощак, клянусь...

Тиква иронически усмехнулась:

— Хорошо, приготовлю вам кофе, — сказала она после короткого молчания.

— И приготовь яйца на жиру, мадам. У вас много птиц, слава Богу!... — добавил Абу Дауд на иврите. — И дай ему, гою, да сгинет имя его, масла и сыру. Арак?* Не найдется ли у вас немножко арака? Он, понимаешь ли ты, правительственный чиновник.

---

* Водка (араб.).

Ему нужно честь воздавать... Мы в галуте. Нет у нас царя в Израиле... из-за грехов наших.

Тиква сварила им кофе и приготовила яичницы. Между тем Абу Дауд вынул из кармана пару огурцов, украденных в долине, угостил эфенди одним и стал грызть с треском и чавканьем.

Лишь только Тиква положила коврик на пол и подала кофе и яичницы, Хермони вернулся в барак.

— Да будет приятно вам, гости! Мой дом — ваш дом!

Эфенди прекратил жевать, дважды поклонился, положив руку на сердце, и пригласил Хермони сесть рядом с ним на пол.

— Прости, хозяин, — сказал он слащаво, — что мы ворвались в твой дом без приглашения. Мы официальные люди, посланные правительством — да будь оно проклято...

Трусливо съежившись, Абу Дауд пристально смотрел на Хермони.

— Пойду, взгляну на животных, — сказал Абу Дауд и поднялся со вздохом с ковра.

— Все в порядке, — успокоил его Хермони, — я только что проходил мимо них.

Абу Дауд остановился в сомнении. Хермони просверлил его глазами и холодно сказал:

— Здравствуй, Рахамим!

— Да будь ты проклят!... — сказал Абу Дауд, побледнев. Его худое тело еще более сжалось, больные глаза забегали.

— Ах, официальный человек! — сказал Хермони со смехом. — Да будь ты желанным гостем в моем доме!

Абу Дауд крадучись вышел из барака.

— Да ведь это вор Рахамим! — сказал громко Хермони. — Это Рахамим из Тверии, он часто появлялся в колониях Галилеи, когда я был там шомером. Он крал куриц и яйца.

— Да?! — удивилась Тиква. — Я, правда, никогда его не видела, но это имя хорошо запомнилось мне с тех пор.

— С первого взгляда я узнал его. Не один раз он пробовал мою плетку, — усмехнулся Хермони.

Хермони спросил эфенди, бросил ли Рахамим свое старое ремесло, ведь он теперь официальное лицо!

— Что было, то было... — сказал Абу Дауд, войдя в комнату. — А теперь я Абу Дауд, и я оценщик! Чистая и почетная работа, слава Богу!

— Ялла, ялла, эфенди! — торопил Абу Дауд араба. — Мы люди официальные, надо спешить, вот солнце уже заходит.

— Если так, то поспешим, — обратился эфенди к Хермони. Оценим-ка твой хлеб.

Хермони сердито посмотрел на него.

— Придется тебе лезть в мышиные норы! — сказал он коротко.

— Не следует так легкомысленно относиться к нему, — хмуро ответил Абу Дауд. — Не еврей он, а гой и официальный человек! Нужно посмотреть, что есть — и халас.

— Да и смотреть-то нечего! — разозлился Хермони. — Что вы хотите оценить? — спросил он араба.

— Поля, брат мой, поля, — сказал эфенди, выпрямившись. — Правительство не знает, сколько дунамов ты засеваешь.

— Хорошо, я сперва поем, потом пойдем, — сказал Хермони с деланной серьезностью.

— Нет времени, много работы, день короткий! — ворчал Абу Дауд. — Ялла, ялла!

Оценщики вышли. Тиква подала Хермони еду, взяла ребенка из коляски и стала кормить его грудью.

— Садись, ведь и ты еще не ела, — сказал ей Хермони мягко. — Не огорчайся и не раздражайся. В этом году никто ничего не заплатит правительству. Не дадим правительству содрать с нас шкуру, она и так вся иссохла!

— Подожду, пока вернется Ярдени с поля, — сказала Тиква. — Забыла рассказать тебе: Ярдени, который выращивал овощи на берегу Иордана, пришел к нам, чтобы вывести мышей.

— По поручению правительства? - спросил Хермони, зачерпнув ложкой суп.

— Нет, по поручению нашего института по исследованию сельского хозяйства, а правительство знает только одно — доить: десятину, налог со скотины и налоги без конца, — закончила Тиква, вздыхая.

— Ялла, ялла! — раздались голоса оценщиков.

— Вот, вот, — проворчала Тиква сердито. — Они зайдут выпить еще чашку кофе!

Хермони поднялся и вышел к ним.

— Поведи нас на поля и не лги! — сказал Абу Дауд. — Не то посадят тебя в тюрьму.

Хермони бросил на него презрительный взгляд и усмехнулся.

— Дорога в тюрьму известна тебе лучше, чем мне, — ответил он. — Тиква, обрати внимание на куриц...

Когда они поравнялись с жалкой кучей зерна, которую намолотил из спасенных колосьев Бен-Шломо, Хермони повернул свою лошадь, и оценщики последовали за ним.

— Вот вам гумно, — сказал он с усмешкой. — Оцените!

— Пять мер зерна, — сказал Абу Дауд, — сидя на осле.

Хермони расхохотался.

— Я продам тебе весь урожай за одну меру ячменя!

— Есть у тебя много пшеницы, — знаем мы ваши проделки! — вскричал Абу Дауд угрожающе.

— Нет, нет, — закричал эфенди, — три меры, хорошо? Полторы... хорошо?

— Постыдитесь, — сказал Хермони сердито. — Я работал, как осел, и собрал немного зерна для птиц. Вы пришли украсть и это немногое.

— Что, мы воры? — вскипел Абу Дауд. — Клянусь именем рабби Меира-Баал-Нес, здесь есть две меры, есть, есть!...

— Тайеб,* меру! — заключил эфенди и громко зевнул.

— По твоему приказу, эфенди, — поклонился Абу Дауд. — Пусть будет одна мера! — Абу Дауд вынул из кармана записную книжку и карандаш и что-то записал.

Подъехав к озимым полям, они спешились и пошли пешком.

— Сколько дунамов вы обработали? — спросил эфенди.

— Я не мерил.

— Скажи правду и закончим, — ворчал Абу Дауд.

— Пойди и измерь! — сказал Хермони.

---

* Хорошо (араб.).

Оценщики отошли в сторону и о чем-то шептались.

Хермони стоял один и горько рассуждал: «Таково правительство Эрец Исраэль, такое оно есть! Оно обязалось помочь еврейскому народу вернуться в страну, к сельскому хозяйству... Мало того, что оно не дает еврейскому сельскому хозяйству ни земли, ни зерна и не приходит ему на помощь в тяжелую пору, — оно делает все, чтобы разрушить его!... Весь год мы трудились, чтобы добыть хлеба, пришли мыши и сожрали наш последний кусок. Правительство не помогает, не дает ни ссуды, ни зерна пострадавшим, чтобы они могли продержаться и не впасть в зависимость от кровососов-процентщиков. Оно ни на что не обращает внимания, отворачивается и требует — без стыда, без совести, зная лишь одно: давай, давай, давай!»

— Хермони! — вдруг услышал он знакомый голос.

Повернув голову, он увидел перед собой Ярдени с сумкой на боку и с ковшиком в руке.

— Шалом! — воскликнули оба и обнялись с радостью.

— Я думал, что мы уже не увидимся, — сказал Ярдени, поправляя очки.

— Вот, пришли оценить мой урожай, — горько засмеялся Хермони.

— Из Алоны их выгнали со стыдом, — сказал Ярдени.

— Не уплатят в этом году асура? — спросил Хермони с облегчением.

— Ведутся переговоры с правительством, — ответил Ярдени, скосив глаза на оценщиков. — Требуют от правительства, чтобы оно отказалось в этом году от шерсти, которую оно стрижет с каждого сельского хозяина... Арабские и еврейские села действуют вместе в этом деле. А мы пока что воюем с мышами. Есть опасность, что эти прожорливые грызуны сожрут и летний урожай.

— Зачем ты идешь за ними? — спросил Ярдени, останавливая Хермони. — Пусть они измеряют, сколько им угодно. В этом году никто не заплатит десятины. Пусть пошлет правительство своих чиновников вытаскивать свою долю из мышиных нор.

— Да, пусть они измеряют, — успокоился Хермони. — Пойдем, Ярдени, вернемся домой.

Они вдвоем вернулись в Эйн-Роим. Тиква подала обед. Втроем они стали вспоминать работу на берегах озера Кинерет, годы сторожевой службы.

Перед вечером, когда Тиква загоняла птиц в курятник, она не досчиталась нескольких кур.

— Наверное, опять появились дикобразы! — сказал Хермони с досадой. — Или Абу Дауд взял «десятину» с курятника.

Глава четырнадцатая

ЭЙН-РОИМ — ЕВРЕЙСКОЕ ПАСТБИЩЕ

Хермони заготовил жердей, а Бен-Шломо перевез их на телеге в маленькую равнину между холмами. Здесь Хермони решил построить загон для кибуцного стада.

Несколько дней назад появился наконец Ципор. Он согласился пасти скот. Дети встретили его с радостью. Тиква напекла в его честь блинов. Ципор принес с собой песни и смех, и барак вновь наполнился весельем. Новый пастух был в коротких штанах и зеленой рубахе, а на голове сидела соломенная широкополая шляпа.

— Ты такой смешной! — кричали малыши, обнимая Ципора, — но ты уже не Ципор!

— А кто же я такой? — смеялся он, подбрасывая детей вверх.

— Ой, мама! — кричали дети и хватались за поля его шлапы, — он как большой гриб!

— Бен-Шломо съесть тебя! — сказала Амалия, — он всегда хочет есть...

— На работу, ребята! — торопила Тиква. — Времени у нас в обрез.

Ципор рыл ямы, вбивал в них колья, к которым проколачивал толстые жерди, и получалась изгородь. Амалия и Узи помогали ему: они укрепляли в ямах колья камнями и землей для прочности.

Стояли жаркие дни. Солнце всходило рано и медленно двигалось по чистому небу, распространяя душную жару. Тиква то и дело спускалась к роднику за холодной водой для работников.

— Пожар, Тиква! — восклицал возбужденный работой Ципор. — У меня в сердце ад! — Он выхватывал из ее рук кувшин с водой и обливал голову и плечи, а дети восторженно смеялись над ним.

Бен-Шломо возил жерди из леса и задержался на минуту. Проводя рукой по своей волосатой груди и вытирая пот, он задумчиво посмотрел на Ципора и глубоко вздохнул.

— Что ты так вздыхаешь, Бен-Шломо? — спросил Ципор, подмигнув.

Бен-Шломо, не отрывая глаз от Ципора и поглаживая красивую бороду, ответил:

— Да, да, сын мой, ты почти натуралист... Тебе следует воздержаться от мяса и от всего того, что разрушает и уродует тело.

— Ха, ха, ха! — громко засмеялся Ципор. — Тиква, может, напечешь нам вечером блинов из клевера и мальвы, и мы вступим в секту Бен-Шломо?

Бен-Шломо тихо проворчал:

— Да, да, клевер мы должны жевать и древесную кору. А ты — городской черт!

Бен-Шломо никак не мог примириться с постройкой загона. При каждом случае он изливал свое огорчение перед Ципором:

— А что, позволено ли нам по законам морали выкармливать скот для молока и мяса? Нет и нет! Никто не может дать тебе разрешения на это, а тем более позволить строить тюрьму, собирать в ней животных, избивать их кнутом, как заключенных, — ведь это преступление, которому нет оправдания! Ципор! Мне очень жаль, что я вынужден принимать участие в работе, которая мне не по душе... — заканчивал Бен-Шломо.

Ципор как будто внимательно прислушивался к его словам, сдерживал смех и говорил:

— Но положение хозяйства тяжелое, мой друг. Хермони вынужден пасти чужой скот, иначе он не выдержит. Ведь твои полевые мыши уничтожили весь урожай!

— Мои мыши? — возмущался Бен-Шломо, — они тоже должны жить, само собой разумеется... Правда, они взяли больше, чем им положено, потому что вообще в жизни нет справедливости. Но хозяйство может существовать и без коров. Да, да...

Тут загремел раскатистый смех Ципора, он хватался руками за живот и хохотал, хохотал без конца...

— Брат мой, ты немножко сумасшедший! — обиделся Бен-Шломо. — Ты еще более несчастный, чем все кругом!

Однажды утром Амалия и Узи прибежали в Эйн-Роим. Они шли в школу, но вернулись бегом с полдороги. Тяжело дыша от бега, они выпалили:

— Папа, мама, коровы идут! Смотрите, коровы идут!

Тиква выбежала из барака с младенцем на руках.

— Где же папа? — наперебой спрашивали дети.

— Что случилось, дети?!

— Ой, мама, коровы идут! — кричали они и указывали в сторону Кишоны.

Тиква посмотрела туда — клубы пыли стояли над дорогой.

— Ципор, Ципор! — позвала Тиква. — Иди сюда!

Ципор вмиг оказался рядом.

— Они идут? — спросил Ципор и подпрыгнул. — Добро пожаловать!

— А загон готов? — спросила Тиква.

— Почти... — ответил Ципор. — Бегите в лес, зовите отца, — обратился он к детям. — Бегите скорей!

Амалия и Узи сорвались с места и побежали.

Пока Хермони возвращался из леса, большое стадо пришло в Эйн-Роим. Оно поднималось на холм со всех сторон, подгоняемое запыленными девушками и крепкими молодыми парнями. Голландские черно-белые телята с важным видом шествовали около своих матерей. Коричневые и бурые бейрутские коровы тяжело двигались, с трудом таща свои большие тугие животы...

Звенели цели, кнуты со свистом разбивали воздух, и тучи мух с беспокойным жужжанием клубились над стадом.

— Хермони! — раздавались голоса за стадом, — где хозяин Эйн-Роима?

Коровы и телята, окружив барак и шалаши, искали тень и бестолково толкали друг друга.

— Где же Хермони?

— Он вот-вот придет! — заверила Тиква, вынося из барака большой кувшин с водой и чашки.

— Нет времени, мы должны вернуться домой! — послышались голоса.

— Шалом, Тиква! — приветствовали ее со всех сторон. — Ты хозяйка этого дома?

— Я! — смеялась Тиква, разливая воду в чашки.

— А как ваше здоровье, отшельники?

— Надеемся, что со временем все будет хорошо.

— Го, вот уже двадцать лет прошло, как мы вместе работали в Бейт-Шемене, а ты все надеешься на хорошие времена! — заметил пожилой из толпы

молодежи, и все добродушно рассмеялись, потягивая холодную воду из чашек.

— А хлев уже готов, Тиква?

— Вот он! — указала Тиква на загон и поправила волосы.

— Но ведь это же загон! — сказал кто-то разочарованно.

— Хлев мы еще не построили, — извинилась Тиква, продолжая разливать воду.

Хозяева коров недоверчиво подошли к загону.

— Моя Дикарка одним ударом повалит изгородь и убежит на все четыре стороны.

— А моя Госпожа весь загон принесет на рогах в деревню.

— А моя Красавица как почешется об эти палки, так от загона ничего не останется!

— Ха, ха, ха! — рассмеялись парни и девушки.

— Не думали же вы, что Хермони построит специальный хлев! — развел руками Карми.

— А рыжий определенно обещал хлев! — кричали некоторые.

— Гвиши, эй, ты, красноволосый! — раздались голоса, — подойди-ка, расскажи нам!

Гвиши медленно подошел с соломинкой во рту. Шляпа его сдвинулась на затылок, глаза казались сонными.

— Доброе утро! — крикнул кто-то с усмешкой.

— Стыдно вам... — сказал Гвиши, протирая глаза.

— А где же обещанный хлев, разбойник?

— В будущем году, — ответил Гвиши с иронией.

— А что это за загон? — сердито спросил один, — любой подросток может выдернуть ночью колья и угнать коров!

С этими словами он схватил две жерди и сильно дернул, но они не поддались.

— Ой! Ой! — шутливо простонал Гвиши, и все засмеялись.

— Вон Хермони! — сказал Гвиши и указал на лес. — Вот он скачет!

— Он еще не забыл своего дела! — заметил один.

— Нет от него спасения... — сказал другой.

— Этот пионер не только вора словит, но и самого черта! — заверил Гвиши.

— Тиква, принеси кофе и хлеба, — сказал Хермони, подъехав.

Погонщики замолчали. Все дружелюбно смотрели на Хермони, его лицо, изрезанное глубокими морщинами, обожженное солнцем и ветром, — лицо старого шомера.

Хермони спешился, привязал лошадь к загону, поздоровался с гостями и извинился за задержку. Тиква принесла хлеба и налила кофе в тяжелые жестяные кружки.

— Эти чашки — наследство кибуца, — сказал Гвиши и поглядел на погонщиков, усевшихся в тени и отмахивавшихся от назойливых мух.

— По кофе можно подумать, что вы отправляете все молоко в город, — пошутил один из них.

— По хлебу можно убедиться, что Хермони еще не молотил в этом году, — прибавил другой.

— Вы, погонщики, не отчаивайтесь! — укорял их Гвиши. — Будем пить за здоровье!

Он взял чашку и сказал:

— Да поможет Бог, чтобы обе стороны не сожалели и чтобы это место стало большим селом.

— Дай Бог! — ответили все хором, и каждый отпил из чашки.

Тиква принесла на закуску огурцы, помидоры и лук.

— Это ваши овощи? — спросили гости.

Хермони утвердительно кивнул головой.

— Чудо из чудес!

— А где твой старший сын? — неожиданно спросил один из толпы, — тот, что родился в винограднике в Шомроне, когда нас срочно погнали за акушеркой?

Тиква покраснела и сказала:

— А ты с перепугу привел зубного врача!

— Браво! — воскликнули крестьяне.

— Он учится в школе Сде-Нотер, — сказал Хермони, сдерживая смех.

— Нет же у тебя цитрусовой плантации, — посмеивался Гвиши.

— Он наладит здесь питомник лесных саженцев, — сказал Кармн, жуя помидор.

— Господа, мы же не пришли сюда на вечеринку! — заявил один из погонщиков, — Айда домой!

Гости поднялись один за другим.

— Хермони, обрати внимание на мою Дикарку, она всегда норовит убежать из стада!

— А моя Особая не ложится, если ты не положишь ей подстилку из сухого сена.

— А моя Ярданка, у нее живот слабый, присмотри, пожалуйста, за ней!

— А кто же пастух? — спросил вдруг один из гостей.

— Вот он перед вами, — сказал Хермони и указал на Ципора, наигривавшего на тростниковой свирели.

— Он готовится к исполнению своих обязанностей, — сказал Гвиши, — он перепугает телят своей шевелюрой.

— Постриги его, Тиква!

— Шалом! Шалом!

И загорелые, запыленные люди стали спускаться с холма Эйн-Роим.

Был летний, безлунный вечер. Коровы стояли в загоне, жевали и мычали. Иногда доносился чуть слышный звон цепей. Вблизи загона горел костер, около него сидели Ципор и Хермони. На коленях Хермони держал охотничье ружье, а недалеко от Ципора дремала собака Алони. Узи и Амалия спали тут же на теплой земле. Хермони время от времени подбрасывал ветки в костер, и огонь вспыхивал и освещал загон.

Неожиданно из леса долетели какие-то звуки. Хермони и Ципор прислушались.

— По-видимому, шакалы воют, — предложил Ципор, позевывая.

Хермони встал, вновь прислушался и сказал:

— Нет, я слышу звуки песни. Обойду-ка я загон.

Он взял ружье наперевес и зашагал в лес. Звуки песни слышны были все ближе и ближе. Ципор тоже встал и догнал Хермони, сосредоточенно вглядываясь в темноту. Вдруг собака принялась скакать вокруг них, визжа от радости и виляя хвостом.

— Т-ш-ш! — прикрикнул на нее Ципор. — Замолчи, Алони!

Он придвинулся к Хермони и оба стали чутко прислушиваться к песне.

— Слышны шаги! — сказал Ципор и озадаченно посмотрел на Хермони.

Хермони взял ружье на прицел и громко крикнул:

— Кто там?

Песня оборвалась, шаги прекратились. Хермони и Ципор легли на землю. Собака подскочила к ним и с ворчанием бросилась головой к их ногам.

— Пошел! — нервно крикнул Ципор и ударил собаку. — Т-ш-ш! Тихо!

— Потуши огонь! — шепнул Хермони Ципору.

Тот подполз на четвереньках к костру, бросил в него песок. Огонь потух и стало совсем темно.

Хермони поднялся и сердито крикнул:

— Кто идет?

— Ха-ха-ха! — раздался смех. — Воры пришли!

— Бен-Шломо! — протянул Ципор разочарованно. — Не играй в прятки ночью, как филин!

— Вы что, не узнали меня? — снова раздался голос, и из темноты к ним придвинулся человек.

Ципор и Хермони отступили назад с криком изумления:

— Эйтан!

— Да, Эйтан, — ответил юноша и протянул руку Хермони и Ципору.

— Осел! — вскричал сердито Ципор. — Хорошо ты разыграл нас!

Но напряженность исчезла, все облегченно засмеялись. Пришла Тиква узнать, почему они потушили костер.

— Эйтан! — воскликнула она тревожно, — что случилось с тобой?

Она обняла и поцеловала сына. Хермони снял с него сумку, а Ципор подбросил сухих веток в костер. Огонь осветил их, и все трое посмотрели на Эйтана с тревогой.

— Ты что, заболел, Эйтан? — спросила Тиква и снова обняла его.

— Нет, — ответил он с улыбкой.

Хермони оперся на ружье и испытующе глядел на сына.

— Что, уже отпуск? — спросила Тиква. — Хорошо, что ты спешил вернуться домой!

— Я очень голоден, мама, дай мне, пожалуйста, поесть!

Он опустился усталый около костра и вытянул ноги. Собака прыгнула, подползла к нему и стала лизать ему руки.

— На автобусе добрался до леса? — спросил Ципор.

Эйтан ответил, улыбаясь:

— Нет, только до города!

— А оттуда?

— Пешком.

— С грузом? — удивился Ципор, указывая на сумку.

— Не было у меня денег... — ответил смущенно Эйтан.

Хермони с Ципором обменялись взглядами.

Тиква вернулась с хлебом, молоком и огурцами. Все это она протянула Эйтану.

— Я сейчас приготовлю тебе яичницу, — сказала она и вернулась в барак.

Эйтан приступил к еде. Наступила тишина. Ципор тихо напевал, а Хермони стоял, опершись на ружье, и смотрел на Эйтана.

Тиква вернулась с яичницей и зелеными маслинами.

— А где ты обедал? — спросила Тиква, отрезая Эйтану ломоть от большой буханки.

— Не обедал, — ответил Эйтан.

— Молодец, ничего не ел и проделал такой длинный путь пешком, — похвалил его Ципор.

— Что, выгнали тебя из школы или отпустили на несколько недель? — бросив ружье, неожиданно спросил Хермони.

— Это совсем не пришло мне на ум, Хермони! — тихо сказала Тиква с дрожью в голосе.

— Только на две недели, — ответил Эйтан с притворным спокойствием, словно это его вовсе и не касалось.

Наступила тишина. Эйтан с жадностью откусил кусок хлеба и перевел глаза с отца на мать.

— Дело было так, — начал он спокойно. — Мы объявили забастовку, потому что нам не давали достаточно еды... Мы всегда ходили голодные... Лежали на кроватях и не учились и не работали. Мы объявили голодную забастовку.

— И вообще ничего не ели? — спросила Тиква.

— Мы брали кое-что в кладовых, в огороде, перехватывали на ходу, но в столовую не ходили... Мой класс выбрал меня и послал к заведующему передать ему наши требования... Я и еще два ученика из вто-

рого и третьего классов пошли к заведующему. Он выгнал меня из школы на две недели.

— Это ты организовал забастовку? — спросил Хермони с любопытством.

— Нет, — твердо ответил Эйтан. — Не я. Никто нас не организовал. Все мы голодали и решили меня послать к заведующему. Я разве мог отказаться, как трус?

— А ты рассказал все заведующему? — уже мягче спросил Хермони.

— Папа, там ничему не верят! — продолжал Эйтан.

— Я не хочу возвращаться туда, папа! Там нечем дышать!

Тиква смотрела на него, в глазах у нее были слезы.

Хермони подошел к сыну, притянул его к себе и поцеловал.

— Иди спать, — сказал он. — Никогда не покоряйся лжи.

Ветки догорели, огонь потух. Хермони взял ружье и пошел в лес. Он теперь редко делал такие обходы: устройство загона отнимало все время.

Переполненный запахами, лес пышно зеленел. Чуть заметно качались вершины деревьев, высокие дубы поскрипывали. Бодрая свежесть царила вокруг.

Хермони спрыгнул с лошади, повесил ружье на луку седла и медленно зашагал в лес, ведя на поводке лошадь. Птички чирикали, горлицы мелькали между ветками. Хермони бросились в глаза обломанные ветки, смятые кусты и молодые деревья с ободранной корой. Он подошел ближе. Ему открылось зрелище, знакомое еще с первых лет сторожевой службы в лесах. Злоба охватила Хермони, и кулаки его сжались. Он внимательно осмотрелся вокруг и увидел шарики овечьего и козьего помета.

— Снова пастухи начали безобразничать, — сказал он вслух себе. — Они почувствуют теперь тяжесть моей руки!

Он вскочил на лошадь и дернул узду. Лошадь пошла вскачь, мотая головой. Хермони сердито сидел в седле со сжатым ртом. Его палец лежал на курке ружья. Снова пробудился в нем галилейский шомер тех лет, когда он гонялся за похитителями скота или

поджигателями хлебных полей. После часа скачки по лесу гнев его спал. Огорченный неудачей, он повесил ружье на плечо и задумался. Лошадь шла медленно, ноги Хермони задевали колючие кустарники, но он не обращал на это внимания.

Услыхав вдали стук топора, он остановил лошадь. Удары стали более частыми, с металлическим звоном. Теперь Хермони почувствовал запах дыма, запах горящего дерева.

Он пустил лошадь шагом и настороженно оглядывался. Удары топора прекратились. На маленькой прогалине горящая угольная печь дымила во всю, вокруг нее были разбросаны поленья, обрубки стволов. В одном полене торчал топор. Хермони бесшумно спустился с лошади. Не видно было ни живой души... Около печи валялись инструменты и вещевой узелок.

— Кто здесь? — крикнул Хермони. — Где угольщики?

Ответа не последовало. Только короткое эхо донеслось издалека.

— Убежали! — с горечью шепнул он самому себе, — Да разрушатся их дома! Это работа все того же Абу Наами.

Подняв с земли мотыгу угольщика, он начал разрушать печь. Печь развалилась с шумом, и большое пламя вырвалось из груды камней.

Хермони отпрыгнул в сторону, взял валявшуюся тут же широкую лопату и стал засыпать огонь землей. Но пламя разгорелось, языки пламени поднялись высоко вверх. С минуту от стоял растерянный, не зная, что делать, но потом пришел в себя, стал оттаскивать стволы и поленья, бросал песок в огонь. Жара стояла адская. Лошадь отошла подальше. Хермони покрылся копотью, его лицо горело и пот стекал со лба.

Вдруг лошадь злобно заржала и поскакала галопом. Хермони успел разглядеть на ее спине всадника, подгонявшего лошадь палкой.

— Стой! — крикнул Хермони не своим голосом. — Стой, говорят!

Он схватил ружье и стремглав бросился за лошадью, но выстрелить не успел: лошадь неожиданно повернулась и со злобным ржанием прискакала обратно к печи. Встав на дыбы, она сбросила неизвестного наездника.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Хермони и поймал узду. — Хорошо ездишь, мерзавец!

Он посмотрел на упавшего. Тот лежал с закрытыми глазами, разбросав руки и ноги.

— Ты?! — вскричал Хермони, узнав в нем угольщика, прошлой зимой напавшего на водителя автомобиля.

— Встань! — И Хермони ударил его по ноге.

Угольщик открыл глаза и пролепетал:

— Не убивай меня, хаваджа!...

— Где ты был эти полгода? — спросил Хермони.

— В тюрьме.

— Что, мало тебе?

— Пусть сожрут тебя собаки! — выругался угольщик, скрежеща зубами.

— Пошел вон, убирайся из леса, несчастный! — крикнул Хермони повелительно. — И не смей никогда возвращаться сюда...

— Халас, халас, хаваджа, — бормотал угольщик в страхе. — Сегодня же уеду в Наблус.

Хермони вернулся к печи. Огонь почти погас. Поленья и обрубки деревьев он разбросал в разные стороны, а печь разрушил до основания. Он очень устал, тело его ломило и болело.

По дороге в Эйн-Роим ему повстречались пастухи. Он подъехал к ним, поздоровался. Но они смотрели на него мрачно и еле ответили на его приветствие.

— Эй, вы, пастухи, почему снова пасете в молодом лесу? Разве вы забыли ваши обещания?

— Нет пастбища, — со злостью ответили пастухи. — Твой скот все пожирает!

— Вам хватит! — ответил Хермони. — Я денег за пастбище не брал у вас!

Пастухи не ответили, и Хермони медленно отъехал.

Ципор и Бен-Шломо пасли стадо в лесу и на болоте. На хорошем, сочном пастбище скот жирел день ото дня, и хозяева, приходившие иногда посмотреть на свой скот, были довольны. Более ста голов было в стаде, и после месяца пастьбы Хермони получил первые деньги...

Тиква съездила в город и купила одежду взрослым и детям. Ципор и Бен-Шломо тоже получили

новую одежду, кефии и сумки, как полагается пастухам.

Эйтан отказался вернуться в Сде-Нотер. Уверял, что не может жить там. Целыми днями Хермони и Тиква спорили с ним, объясняли и доказывали, но напрасно. Он ни за что не хотел возвращаться в школу, и Хермони оставил его в покое. Он был даже рад возвращению Эйтана, так как было много работы с большим стадом. Хермони определил для Эйтана несколько участков и поручил ему пахать землю и готовить ее к зимнему севу. Эйтан весело взялся за дело. С утра до вечера шел он за плугом, и, прокладывая борозду за бороздой, пел.

— Шалом, Эйтан! — окликал его Ципор с пастбища, — Как дела?

— Замечательно!

— Лучше, чем в школе?

— Как в раю!

Эйтан останавливал лошадь, переводил дыхание и отгонял комаров, мучивших его с самого утра.

— Ну, а комары? — смеясь спрашивал Ципор. — Там, в школе, тоже есть эта гадость?

— Там другие казни, не записанные в Торе, — улыбался Эйтан, снова налегая на плуг.

Комары донимали их. Маленькими облачками комары реяли в воздухе, поднимались и опускались, собирались вместе и рассеивались, кружились и наполняли воздух назойливым и противным жужжанием.

Время от времени Эйтан откупоривал бутылку керосина, и натирал ими руки и лицо. Комары оставляли его ненадолго — неприятный запах отпугивал их, но потом снова набрасывались со всей яростью, забираясь в ноздри и жаля без жалости.

Тиква, приносившая Эйтану завтрак, потрунивала над ним:

— Комары такие же упрямые, как и ты, Эйтан... Разве не лучше в эти часы сидеть в тени и учиться? И как можно жить без книги, без знания арифметики? Эйтан, Эйтан, через год ты пожалеешь о своем упрямстве, но уже поздно будет исправить ошибку... Возьми платок и укрой голову, твое лицо красное, как арбуз.

Было субботнее утро. Бен-Шломо и Ципор получили выходной — их место при стаде заняли Эйтан с малышами. Эйтан гнал стадо в лес, а маленькие

помогали ему. Цветы цикория распустились и залили лужайки синевой. Вьюнок выбелил поля, а цветы колючих растений золотились, как звезды, в густой траве. Синекрылая птица летела неровно, как пьяная, и, внезапно нырнув, опустилась на землю. Узи побежал к ней, но птица вспорхнула, покачнулась в воздухе и снова села на кочку.

— Она пьяная! — закричала Амалия. — Она смеется над тобой, Узи!

Узи вернулся с пустыми руками.

— Пригони черную корову к стаду, — сказал Эйтан. — В лесу я наловлю тебе много птичек.

Солнце медленно подымалось, Утренний туман на полях и в лесу постепенно рассеялся. Стрекотали сверчки. Жаворонки чирикали в небе, пели утреннюю песню. Амалия собирала вьюнки и плела из них венок.

— Бен-Шломо говорит, что цветы тоже нужно жалеть, — сказал Узи с усмешкой.

— Цветы не живут, — сердито ответила Амалия.

— Ты не знаешь, Амалия, — вмешался в их беседу Эйтан. — Растения похожи на существа, они чувствуют, есть между ними мальчики и девочки. В школе Сде-Нотер я видел растения под названием «Не тронь меня». Когда к ним прикасаются, их листья сворачиваются и опускаются вниз.

— Ха-ха, — усмехнулся Узи и поглядел на Эйтана недоверчиво.

— Правда, Эйтан? — спросила Амалия, блестя глазами.

— Глупенькая, ты что, не веришь мне? — обиделся Эйтан. — Там есть растение с пальцами, оно ползет по стенам без нитки, как паук по потолку нашего барака.

—И он не падает со стены? — смущенно спросила Амалия.

— О, его трудно оторвать от стены! — ответил Эйтан со знанием дела.

— Ты глупый, если уходишь из школы. Ведь там такие интересные вещи!

— Беги за коровами! — прикрикнул Эйтан, отвлекая сестру от этой темы. — Быстрей!

Коровы разбрелись по лесу и щипали траву. Эйтан прилег на бугорке и бездумно смотрел в небо, синевшее в просветах высоких ветвей. Амалия и Узи

играли в прятки, прячать за деревьями. Вдруг Амалия закричали испуганно:

— Ой, Эйтан, Эйтан!

Эйтан вскочил, как ужаленный.

— Эйтан! — продолжала звать Амалия. — Быстрей, иди сюда!

Эйтан побежал к Амалии и остановился в ужасе: большой и красивый голландский теленок корчился в муках. Из его рта текла зеленая пена.

— Подымайся! — кричал на него Эйтан и тянул за хвост. — Вставай!

Теленок лежал на боку и слабо стонал.

— Он, наверное, хочет родить! — продолжала Амалия. — Не бойся, Эйтан, наша корова сделала то же самое.

— Глупая, это же теленок, — поучительно заметил Узи. — Он еще не может рожать.

— Бегите за папой и Ципором, — сказал Эйтан. — А я послежу за ним.

Дети побежали в Эйн-Роим. Эйтан собрал вокруг себя стадо и еще раз попытался поднять теленка на ноги. Коровы подошли к теленку, смотрели грустно, лизали его шкуру шершавыми языками и тихо мычали. Теленок с трудом поднял голову, ответил им глухим стоном и снова уронил голову на траву.

Через несколько минут прибежали Хермони и Ципор, за ними бежали Тиква и Бен-Шломо, а позади всех поспевали Узи и Амалия.

— Иди к Рехаву! — крикнула Тиква Амалии. — Он спит один в бараке!

Хермони подошел к теленку, осмотрел его, погладил по животу. Ципор вертелся вокруг, его пышная шевелюра разлетелась на ветру.

— Что теленок ел, Эйтан. — нервно спросил Хермони.

— Не видел... — пробормотал Эйтан.

— Подымем его, — сказал Хермони Ципору.

Вдвоем они взяли теленка за хвост и ноги, но теленок не мог стоять и валился на землю.

— О, Боже! — всхлипывал Бен-Шломо и гладил голову теленка. — Такое прекрасное существо.

— Побегу за ветеринарным врачом в Кишону! — сказал Хермони.

Наступило тягостное молчание. Тиква и Ципор смотрели на теленка грустно и тревожно. — Бен-

Шломо уселся на землю, обхватил голову руками и в глазах его заблестели слезы.

— Идите пасти скот, — сказала Тиква Эйтану и Узи. — Не стойте, как истуканы!

Эйтан встрепенулся, взял свою палку и погнал скот вглубь леса. Коровы шли медленно, поворачивая головы к больному теленку.

— Надо дать ему воды, — сказала Тиква Ципору.

— Побегу за водой! — сказал Ципор и побежал в барак.

Тиква наклонилась над теленком, гладила его, говорила с ним, как с ребенком. Вдруг теленок натужно закашлялся, из его рта поползла прожеванная зеленая масса. Тиква отступила назад. Бен-Шломо подошел к теленку, молитвенно сложив ладони рук.

Ципор вернулся с ведром воды. Тиква поднесла воду теленку, он сделал несколько глотков. Понемногу он успокоился. Живот его опустился, рвота прекратилась. Теленок поднял голову, посмотрел кругом мутными глазами и поднялся на колени.

— Теленок будет жить! — радостно закричала Тиква.

— С Божьей помощью, — шептал Бен-Шломо. — Бедненький теленок!

К обеду приехал Хермони с ветеринарным врачом. Теленок спал. Врач осмотрел его, затем исследовал его рвоту.

— Да, — вздохнул он, — отравили его.

— Да ну?! — Хермони даже вздрогнул.

— Не бойтесь, — успокоил их врач. — Его вырвало, он выживет. Отравили его ядовитыми зернами, они опасны и для человека.

— Может теленок случайно проглотил эти зерна? — спросил Хермони.

— Нет, — заверил врач. — Животные более осторожны, чем люди. Чувство опасности очень развито у них. Я думаю, арабы рассыпали хлебные шарики с ядовитыми зернами внутри.

Тиква и Хермони удивленно посмотрели на него.

— Вы живете в дружбе с арабами-пастухами? — спросил врач.

— До того, как мы получили скот, у нас были хорошие отношения, — сказал Хермони. — Теперь отношения испортились...

— Они и между собой воюют, — заметил врач.

— Надо проверить! — решил Хермони. — Наверное, такие отравленные шарики валяются и в лесу.

Он вскочил на лошадь и ускакал. Ципор и Бен-Шломо поднялись и пошли к стаду. Через час вернулся Хермони. Он принес в шляпе несколько хлебных шариков. Врач раскрошил их — внутри белели ядовитые зерна.

— Это зерна из крупных плодов, похожих на яблоки и покрытых пушком, — сказал Хермони, разглядывая зерна.

— Да, да, — сказал врач. — Они содержат сильный яд. Надо предупредить об этом детей.

Глава пятнадцатая

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

Хермони поехал в город за мукой и другими продуктами. В одной из витрин он увидел сельскохозяйственные машины и остановился посмотреть. Там были выставлены крупорушки разных цветов, блестели большие и маленькие сепараторы, серпы. Особо почетное место занимал насос с мотором. Хермони глаз не мог отвести от этого маленького мотора, к которому были присоединены насос и труба. Он смотрел на поблескивающие детали машины, и глаза его горели. Как убого выглядит по сравнению с этим насосом примитивная труба, которую смастерили дети! Этот маленький насос может преобразовать все его хозяйство! Хермони вспомнил зимний огород в долине, вытоптанный арабами-паломниками. Он представил себе тучные, ухоженные поля вместо своих пустых и засохших. Сердце его сжалось. Если бы он построил маленький бассейн, а мотор гнал бы воду из источника, он смог бы выращивать овощи и кормовые травы круглый год, мог бы купить несколько породистых коров и доить, и доить... Не задумываясь, зашел он в магазин.

— Здравствуйте! — приветствовал его молодой человек, хорошо и модно одетый, и услужливо поднялся навстречу вошедшему Хермони. — Пожалуйста, прошу вас.

Хермони улыбнулся смущенно, закашлялся, окинул взглядом десятки машин, расставленных в магазине, и подался было назад, к двери.

— Господин, господин, куда же вы? — сказал ему другой молодой человек. — Можете бесплатно смотреть на все, пожалуйста!

Хермони повертел головой, слабым голосом поздоровался с молодыми людьми и пробормотал:

— Я хотел так просто посмотреть... так сказать, у меня есть хозяйство, я хотел бы знать, сколько

стоит маленький мотор с насосом, самый маленький, что стоит в витрине.

— Добро пожаловать! — пригласил его из-за деревянной перегородки пожилой человек в очках. — Это новейшая усовершенствованная машина! Каждый современный сельский хозяин должен приобрести мотор и насос такого типа. Есть у нас более мощные, но маленький мотор должен быть в каждом хозяйстве, и стоит он очень дешево.

— Сколько? — спросил Хермони, раздумывая и уже сожалея о своем неосторожном шаге.

— Откуда вы? — спросил господин в очках.

— Из Эйн-Роима.

— Из Эмек Изреэль?

— Это недалеко от Кишоны.

— Комитет села Кишоны даст гарантию? — деловитым голосом спросил первый молодой человек.

— Я сам ответственный человек, — ответил Хермони, смеясь. — Я шомер лесов Еврейского национального фонда.

— Мотор и насос будут стоить вам пятьдесят лир, — сказал господин в очках. — Это очень дешево.

— Вместе с трубами? — спросил Хермони.

— Трубы по мере надобности, — сказал господин в очках и засмеялся.

— Ого, — пробормотал Хермони. — Это совсем не дешево...

— Но мы же даем вам машину в рассрочку, — сказал господин в очках. — Мы платим проценты, друг.

Хермони громко задышал. Подойдя к витрине, он снова смотрел на насос.

Через несколько часов Хермони уезжал из города. В его телегу был погружен насос с мотором и трубы. Рядом с Хермони сидел монтер — фирма послала его установить мотор, уложить трубы и проинструктировать нового владельца.

Назавтра в Эйн-Роиме не работали. Эйтан не вышел в поле. Тиква не варила обед, а дети не пошли в школу. Все толпились около монтера. Да разве это пустяк?! — Электрическая сила погонит воду из источника в бассейн на вершине холма, а оттуда вода по трубам потечет на плодородную землю между бараком и лесом! До сооружения бассейна Хермо-

ни установил две большие железные бочки и приспособил к ним железную трубу. Амалия и Узи собрали камни, а Эйтан выложил их так, что получился фундамент для бочек. Ципор тоже несколько раз приходил с луга, где паслось стадо, оставив коров на попечение Бен-Шломо.

Хермони весь сиял от радости. То и дело оглядывал он плодородные участки земли, серевшие повсюду вокруг, и сердце его радостно пело. Люцерна и клевер будут расти здесь круглый год, и овощи тоже, а гуси и утки будут плавать в бассейне.

Тем временем монтер устанавливал мотор и насос. Рядом с источником, на невысоком бугре, залил он для них фундамент из бетона, работа продвигалась быстро, мастер переходил с места на место, измерял и планировал, укреплял трубы и давал указания Хермони, как обращаться с мотором.

Перед наступлением сумерек мастер наконец закончил свою работу. Тени легли на холмы, и тишина стояла вокруг. Все возбужденно и нетерпеливо, с остановившимся дыханием, стояли в ожидании чуда. Мастер взглянул на них и улыбнулся.

— Подойди и крутани колесо, — сказал он Хермони, присоединив насос к мотору широким кожаным ремнем.

Хермони подошел к машине и дрожащими руками повернул колесо.

— Еще раз! — сказал мастер и повернул колесо твердой рукой.

— Тик-так, тик-так! — послышались удары машины. — Тик-так-так! — легкий, синий дымок приятно пахнул бензином.

Все вздоргнули, а потом засмеялись. Машина работала хорошо, колесо крутилось, а мотор гудел и трещал.

Вдруг в трубах послышался мягкий, шлепающий звук. Эйтан быстро взбежал на холм, стал на бочки и торжественно провозгласил:

— Во-да!

Все поднялись на холм и подошли к бочкам. Темнота понемногу сгущалась. С трепетом они прислушивались к плеску воды, лившейся из трубы в бочку. Вода пела им песню, песню надежды, процветания и благоденствия, песню заселения пустынного места. Эту песню слушали и люди, и коровы в за-

гоне, и вечерний ветер. Впервые со дня сотворения мира слышен был здесь стук мотора.

Бен-Шломо снова заболел. Температура подскочила выше сорока. Все тело больного горело. Ципор, спустившись утром в пещеру к Бен-Шломо, едва его добудился.

— Бен-Шломо! Милый мой, перебирайся в барак!

— Милые ящерицы! — бредил несчастный.

Ципор вышел, а потом вернулся с Хермони и Эйтаном, и втроем они пытались перенести Бен-Шломо из пещеры в барак, но безрезультатно: больной руками и ногами цеплялся за камни.

— Его состояние вызывает тревогу, — сказал Хермони, вздыхая. — Человек непрерывно лихорадит и отказывается принимать хинин. Человек слабеет, почти ничего не ест, он живет только принципами...

— Надо все-таки привести врача, — сказал Ципор. — Может быть, его положат в больницу.

Хермони очень устал после ночного дежурства, но оседлал лошадь и поскакал в Кишону за врачом. Эйтан и Ципор выгнали стадо на пастбище. Тиква не находила себе места — бегала между бараком и пещерой с чаем и молоком для больного. Бен-Шломо был без сознания. Тиква пыталась напоить его, но губы несчастного были сжаты, зубы стиснуты, и она не могла открыть ему рот. Странный хрип вырывался из его носа, и мутная пена скапливалась в углах рта, Тиква клала ему на голову холодные компрессы и смачивала губы водой. Она смотрела на его красное лицо и закатившиеся глаза, и слезы медленно текли по ее щекам. Жалко ей было этого несчастного человека, лежавшего на каменной полке грязной, душной пещеры и боровшегося со смертью.

«Кто он? Откуда он пришел? Что его привело сюда, в этот каменный мешок?», думала Тиква.

Никто ничего не знал о его жизни до прибытия в страну. Он был скрытным, никогда ни словом не обмолвился о своем прошлом. Где он родился, есть ли у него родители, семья? Все это покрыто тайной... Как древний аскет, ходит этот человек по земле, и нет у него ничего общего с людьми. Что привело его в Эрец Исраэль? — Отчаяние или идея возрождения народа на древней родине?

Он казался живым протестом против суетного мира, с любовью и покорностью влачил он свой удел, без претензий, без требований...

Тиква намочила платок в холодной воде и положила ему на лоб. Больной застонал и открыл глаза. Тиква взяла его руку и тепло ему улыбнулась.

— Шалом, Бен-Шломо! — прошептала она. — Лучше тебе стало, легче?

Бен-Шломо приподнялся, сел на своем ложе и бессмысленно осмотрелся. Когда его глаза встретились с глазами Тиквы, — она отшатнулась: что-то ужасное было в его глазах.

Она отошла, вся дрожа от страха. Бен-Шломо смотрел на нее мутными глазами. Его лицо вдруг почернело, глаза словно хотели выскочить из орбит. Он приподнялся с каменной скамьи, ощупал камни вокруг себя и снова уставился на Тикву.

— Берта! — позвал он странным голосом, протягивая руки к Тиква. — Берта! Иди ко мне, мой добрый ангел! Иди, Берта! — заплакал он.

В испуге вышла Тиква из пещеры и поднялась на холм. Она вся покрылась холодным потом, ноги и руки дрожали, сердце замирало. Она повернулась к пещере и увидела Бен-Шломо у входа с вытянутыми вперед руками. Он как бы хотел что-то поймать, схватить.

— Фрицль! Фрицль! — рыдал он. — Фрицль, где ты, мой Фрицль, где ты?

Потом он замолчал, уронил голову на грудь, покачнулся и, свалившись, камнем покатился по склону холма. Головой он ударился о выступ скалы, и струя крови залила его лицо и бороду.

— Ой! — закричала Тиква. — Хермони, Ципор, спасите, спасите!

Она услышала голоса людей. С холма спускался Хермони и доктор из Кишоны.

— Хермони! — закричала Тиква изо всех сил. — Скорей к Бен-Шломо!

Когда его поднимали с земли, он был уже мертв. Врач осмотрел труп и констатировал смерть от сердечной слабости.

Густая туча спустилась над Эйн-Роимом. Радость прежних дней сменилась печалью. Комната в бараке, где лежал Бен-Шломо, была темна: окна занавесили, закрыли от солнца.

Эйтан объехал на лошади окрестные поселения и сообщил о смерти Бен-Шломо. Когда зашло солнце в Эйн-Роим стали приходить люди — печальные, молчаливые. Они пришли сюда, чтобы отдать последний долг неизвестному человеку с Запада, строившему еврейскую страну и нашедшему здесь вечный покой.

Люди толпились вокруг барака и говорили шопотом, с опущенными глазами. Хермони и Тиква стояли между людьми и тихо отвечали на их вопросы.

— Есть ли у него семья?

— Кто знает!

— Есть ли родственники здесь?

— Неизвестно...

Бен-Шломо был знаком со всеми, все видели его, блуждающего из села в село. Давали ему поработать день-другой, давали пищу и ночлег. Но никто не поинтересовался, кто он и откуда он пришел.

Всегда окруженный людьми, он жил одиноко. Один из строителей страны, он был крепок, как кремень, и загадочен, как сфинкс. Его замучила лихорадка, но он отказывался принимать хинин и ел только овощи. Он был очень страным человеком.

Да, он был необыкновенным и странным человеком. С одними принципами невозможно существовать, особенно в Эрец Исраэль.

Многие сели на траву и закрыли лица руками. Узи и Амалия ходили вокруг барака, со страхом заглядывали вовнутрь. Амалия плакала и, подходя к матери, прятала голову на ее груди.

— Он больше не будет жить, мама? Разве похоронят его на холме, в могиле, которую копает Ципор?

Старый еврей, отец одного из жителей Кишоны, принес свечи и зажег их у изголовья покойника. Комната в бараке осветилась бледным светом. Некоторые поднялись с земли, вошли в комнату и посмотрели на зажженные свечи и на мертвое тело, покрытое черным одеялом, и стали в углу. Каждый вспоминал свое детство, местечко на Волыни или в Литве, свечи, зажженные на полу, и дорогое тело отца или матери. Каждый переживал и вспоминал свое сиротство...

— Поставь свечи на кирпичи, чтоб не загорелось, — сказал один из молодых старику, принесшему свечи. — Ведь это барак.

— Человек беспокоится о потере своих денег, а

не думает ни о жизни, ни о смерти, — вздохнул старик, принимая кирпичи и ставя на них свечи.

В загоне часто и коротко мычали коровы и стучали рогами по жердям.

— Надо доить коров, — сказала одна женщина своей подруге.

— Почему они не доят? — спросила другая.

— Наверное, еще не готова могила.

— Здесь твердая земля.

— Здесь люди странные, и место странное.

— Можно ли построить здесь поселение, в этом пустынном месте?

— Смотрите, как постарела Тиква с тех пор, как они поселились здесь!

— Хермони, доски принесли? — спросил старик из Алоны.

Хермони как бы пробудился от глубоко сна и вздохнул:

— Нет, ничего мы не сделали.

— Дай, пожалуйста, доски, и мы все приготовим: мы еще живые и обязательно должны вернуться до ночи домой!

Ципор пришел и позвал нескольких молодых людей помочь ему копать могилу — земля тут тверда, как камень.

— А талит у тебя есть? — спросил старик из Кишоны.

— Нет... — шепнул Хермони.

— Так, — вздохнул старик, — и слезы блеснули в глазах. — Евреи, ну и ну... Я взял с собой мой старый талит на всякий случай. Это наш паспорт, паспорт еврея.

Только с закатом солнца вынесли покойника из барака. Тиква плакала, ей вторили некоторые женщины. Медленно процессия шла за гробом. Старики опустили тело в могилу. Люди молча толпились около свежего холмика.

Жил человек полный мечтаний, странностей, принципов, с добрым, жалостливым сердцем, открытым всему живому, — и его не стало...

— Бог дал, Бог взял, — шептал старик молитву всепрощения.

Амалия положила на холмик венок лесных цветов и заплакала.

Стемнело. Звезды зажглись в небе. Тусклая луна

появилась на горизонте. Все разошлись. Только Хермони с Ципором долго еще стояли около могилы.

Мотор весело постукивал, и вода с утра до ночи лилась в бочки. Хермони и Эйтан разбили много грядок между бараком и пещерами и подвели к ним воду по канавкам. На новом огороде они посадили летние овощи. Огород был похож на огромную шахматную доску, зеленую и свежую... Воды вдоволь, земля унавожена, солнце пригревает, и овощи созревают быстро и обильно. Несколько раз в неделю Хермони возил в город на продажу огурцы и помидоры.

После смерти Бен-Шломо Эйтан пас скот вместе с Ципором. Травы становилось все меньше и меньше. И арабы держались все более нахально. Они забыли, что Хермони спас их от ногтей Абу Наами и что лишь по милости Хермони они пасут свой скот около болота безвозмездно. Их лица окаменели и, встречая кого-либо из семьи Хермони, они покрывали головы платками и тихо ворчали. В глазах их была ненависть.

Ципор просил, чтоб Хермони дал ему охотничье ружье — было ясно, что пастухи-арабы затевают недоброе. Возможно, пастухи нападут внезапно.

Хермони не решался удовлетворить просьбу Ципора. Как-то вечером Ципор категорически заявил, что не пойдет на пастбище без оружия, и Хермони вынужден был согласиться, но с одним условием: патроны всегда будут у Эйтана.

Назавтра, когда Ципор с Эйтаном шли на пастбище, Хермони проводил их и просил проявлять осторожность и сдержанность.

— Я дал тебе опасную штуку, — сказал он с мрачной серьезностью, — я доверяю тебе, Ципор!

— Не беспокойся, Хермони.

— Один выстрел может навлечь несчастье на нас всех, Ципор!

— Ведь я, в конце концов, не мальчик! — обиделся Ципор.

— Разрешение дано на мое имя, и я не имею права передавать ружье другому, — добавил Хермони.

— Здесь, в лесу, нет полицейских, — усмехнулся Ципор.

Солнце клонилось к западу, поля и кроны деревьев стали золотистыми. Подул западный ветер и

освежил землю после долгого жаркого дня. Ципор и Эйтан вышли из леса, в тени которого пасли стадо в обеденные часы, и медленно стали продвигаться к болоту. Коровы и телята мычали после спокойного отдыха и, блестя выпуклыми глазами, двигались к зеленому и свежему пастбищу на болотистой земле. Арабские стада с другого холма тоже спускались на то же пастбище. Собаки с лаем носились от одного стада к другому. Пастухи лениво шли за стадом, играя на свирелях, и подгоняли овец и коз гортанным криком и завыванием. Мелкий скот трусил длинными рядами.

— Поверни коров на восток! — крикнул Ципор Эйтану. — Там еще есть свежая трава.

— Да ведь арабы идут туда, — сказал Эйтан с укором. — Зачем тебе сталкиваться с ними?

— Ты не беспокойся, мальчик! — смеялся над ним Ципор. — Пастбище большое, хватит места для всех.

Скот щипал траву, а Ципор взял свирель и заиграл, пригибаясь, как это делают пастухи. Арабские козы и овцы облепили коров и окружили их со всех сторон.

Пастухи с опущенными головами топтались на месте и держали толстые дубинки за спиной.

— Они специально окружают нас, — шепнул Эйтан Ципору. — Будь осторожен.

Ципор перестал играть, поднял свирель в воздух, чтобы очистить ее от слюны, улыбнулся и сказал:

— Не бойся, Эйтан!

Наступила тишина. Арабы собрались вместе и шептались между собой. Одна корова, пощипывая траву, медленно приблизилась к арабским пастухам.

— Убери свою корову, калб!* — крикнул один пастух Ципору, размахивая дубинкой.

Ципор и Эйтан ничего не ответили. Пастух поднял дубинку, ударил корову по задним ногам и дико закричал:

— Ялла, пошла вон отсюда!

Корова жалобно замычала и, припадая на задние ноги, поскакала к своему стаду. Пастухи засмеялись.

---

* Собака (араб.).

— Они хотят раздразнить нас, — сказал Эйтан. — Обычно они никогда не собираются в тесную группу.

Ципор побледнел, шагнул к пастухам и спросил дрожащим голосом:

— Почему этот сумасшедший ударил корову?

Пастухи подбросили свои дубинки в воздух.

— Это наше пастбище! — крикнул один из них, выходя вперед. — Уходите отсюда!

— Врешь! — крикнул в ответ Ципор.

— Я вру? — воскликнул обиженный пастух. — Да будет разрушен твой дом, свинья!

— Закрой рот, — рассердился Ципор. — Иначе я покажу тебе силу моей руки, проклятый раб!

Пастух завертел дубинкой, намереваясь ударить Ципора. Но Эйтан подскочил, схватил дубинку и вырвал ее из рук пастуха. Пастух упал, а Ципор засмеялся громко, с чувством удовлетворенной мести.

— Отдай палку! — кричал пастух, поднявшись на ноги и подбежав к Эйтану. — Клянусь Аллахом, я проломлю тебе голову!

Ципор выхватил дубинку из рук Эйтана и спрятал ее за спиной.

Пастухи подошли вплотную и стояли молча, глаза их налились кровью, дубинки в их руках дрожали.

— Утрубу!* — крикнул один из пастухов. — Бейте их!

В тот же миг пастухи набросились на скот, жестоко избивая коров и телят и разгоняя их во все стороны. Перепуганные коровы сердито мычали. Собаки злобно лаяли, а пастухи кричали и визжали, продолжая орудовать дубинками.

Ципор и Эйтан опомниться не успели, как два пастуха бросились на них с кривыми бедуинскими ножами.

— Убьем! — кричали они, размахивая ножами. — Убьем, собаки!...

Эйтан шагнул к Ципору, который быстро снял ружье с плеча и шепнул Эйтану:

— Беги в барак!

Ципор вскинул ружье. Оба пастуха подошли ближе, их ножи сверкали в воздухе.

— Дай мне патрон, — попросил Ципор.

---

* Бейте (араб.).

Эйтан нерешительно взглянул на него.

— Скорей, дай мне патрон, или они зарежут нас! — крикнул Ципор с пеной у рта.

— Папа не разрешил мне! — сказал Эйтан сквозь зубы.

— Я буду стрелять в воздух, мальчик! — гневно сказал Ципор. — Скорей, скорей!

Эйтан протянул Ципору патрон. Тот открыл затвор и быстро загнал патрон.

— Зарезать их, ялла! Зарезать! — кричали пастухи. — Отнять у него ружье!

Ципор выстрелил, дымок взвился между ним и нападающими.

— Ципор! Ципор! — вдруг послышался голос Хермони, скакавшего галопом. — Не стреляй, к черту!

Ципор швырнул ружье и бросился бежать. Эйтан поднял ружье с земли и подал Хермони.

— Почему ты дал ему патрон? — резко спросил Хермони.

— Они хотели убить нас, папа! — сказал Эйтан.

Хермони схватил сына, посадил рядом в седло и поскакал собирать разбежавшееся стадо.

Вечером пришли полицейские за Ципором: один из пастухов был ранен в ногу. Но Ципора уже не было в Эйн-Роиме. У Хермони отняли охотничье ружье и его обвинили в передаче ружья без разрешения властей.

Через несколько дней стадо было возвращено его владельцам. Загон опустел. Кругом снова стало тихо.

Глава шестнадцатая

ПЛОХОЙ ГОСТЬ ПРЕДВЕЩАЕТ БЕДУ

Вторая зима в Эйн-Роиме прошла скучно. Не стало Бен-Шломо, Ципор скрылся, а Эйтан все же вернулся в Сде-Нотер. Он уступил просьбам Хермони и Тиквы.

Оторванные от всего мира, как на заброшенном одиноком острове, жили Хермони и Тиква в Эйн-Роиме, погруженные в свою работу. Сотни дунамов были уже засеяны ячменем и пшеницей, десятки дунамов огорода зеленели между бараком и лесом, но Хермони не выпускал из рук плуга.

— Необработанная земля плачет! — говорил Хермони Тикве, которая не одобряла его чрезмерного рвения. — Земля просит: возьми меня. Разве не грех оставлять невозделанной такую плодородную землю?! А кроме того, не забывай, Тиква, что мы в долгах по горло, и только новое гумно исправит наше положение.

Одна комната в бараке превратилась почти в «храм». «Вечная свеча» горела в углу, ходили по той комнате на цыпочках и говорили шопотом. Здесь Тиква устроила инкубатор на несколько сот яиц. В «храме» было тепло и сумрачно. Как священнослужительница, возжигающая свечи с молитвой, так Тиква, входя в инкубатор, увеличивала или уменьшала огонь в лампе, проверяла температуру, приоткрывала окошко, чтобы проветрить комнату.

Лишь во время переворачивания яиц разрешалось Амалии и Узи входить в инкубатор и помогать Тикве. Легкими руками переворачивали они яйца с одного бока на другой, шепотом делали друг другу замечания и со страхом заглядывали в глаза матери.

— Ш-ш-ш, — тихо предостерегала их Тиква. — Не разговаривайте, дети!...

— Разве птенцы уже слышат? — спрашивает Узи, прикрывая рукой рот.

— Замолчи, Узи! — шепотом говорит Тиква и сердито смотрит на него, — ша-ша-ша...

— А они видят нас? — не отстает Узи.

— Тик-тик-хок! — вдруг донесся приглушенное постукивание из одного яйца. — Тик-тик-хок!

— Шалом! — воскликнул Узи со смехом. — Мазал тов,* мама!

Амалия неуверенно посмотрела на маму и сказала возбужденно:

— Миленький, он миленький!

Вылупившиеся птенцы запрудили весь барак, оглушив его обитателей назойливым щебетанием. Люди перебрались в кухню. Целые недели из барака шел запах навоза, прокисшей картошки и гнилых овощей. В бараке пахло дымом от лампы, горевшей в комнате-инкубаторе. Тиква возилась с птенцами днем и ночью. Часто она ночью поднималась с постели на полу кухни и бежала смотреть, что с ее пушистыми питомцами.

— Что случилось, Тиква?

— Наверно, мыши пробрались к птенцам...

— Почему ты не спишь, Тиква?

— Мне кажется, куница скребется под полом.

Хермони нехотя вставал, выходил из барака, осматривался и прислушивался, возвращался и ложился, ропща и тихо посмеиваясь.

Амалия и Узи не ходили в школу в Кишону: трудно было им расстаться с птенцами. Амалия мелко дробила уголь, смешивала его с пылью, песком и костяной мукой. Узи собирал клевер и люцерну, мелко рубил их ножом, готовил месиво для птенцов, и весь он сиял во время работы. Птенцы подбегали к нему, вытягивали клювики и хватали зелень, дрались, спорили и щипали друг друга, возбужденно щебеча.

— Это будет петух! — указывает Узи на большого, нахального птенца, победившего своих товарищей и вырвавшего пищу из их клювов.

— Откуда тебе знать? — недоверчиво спрашивает Амалия.

— Да потому, что он бьет их, как мальчик!

— Кого? — спрашивает Амалия.

— Кур! — усмехнулся Узи.

---

* Поздравляю (ивр.).

— Ты сам любишь девочек, — говорит она и краснеет. — Ах ты, попался...

— Молчи, ослица! — обрывает ее Узи и сердито уходит.

Вторая зима выдалась очень дождливая. Обильные дожди шли чуть ли не каждый день, и долины кругом наполнились водой. Мышиные норы залило доверху, и мыши утонули.

Потом пришла весна, поля высохли и стало привольно. Не было назойливого писка мышей. Хермони радостно шагал по своим полям. Каждое утро он подымался верхом на лошади на самый высокий холм и, заслонив от солнца глаза ладонью, осматривал свое хозяйство. Случалось, его охватывало желание броситься на землю, черную, влажную землю, обнять и целовать ее.

Поля золотились. Низко, низко клонились колосья ячменя и пшеницы под тяжестью зерен. Длинными рядами, утомленные, будто падая от бессилия, они молили: снимите нас, свезите на гумно, мы устали от света и солнца... Воздух был насыщен сладким, пьянящим запахом цветов.

Эйтан не приехал в Эйн-Роим на Пасху. Вместо этого он получил разрешение на преждевременные летние каникулы, чтобы помочь отцу в пору жатвы. Было много работы и мало рабочих рук.

Хермони привез из Алоны старую сноповязалку, починил ее и подготовил к жатве. Каждый день он точил ножи косилки, а Амалия и Узи по очереди вертели точильное колесо. Все трое поглядывали на дорогу, ожидая Эйтана.

И вот Эйтан прибыл в Эйн-Роим. Он приехал с опозданием из-за своего отставания в занятиях.

— Не было у тебя «столкновения» в этом году, Эйтан? — — спросила Тиква, подавая ему еду.

— Нет, нет, мама, в этом году я был тупицей. Учился, работал и жевал хлеб с повидлом.

— Неважно, главное, что тебя не наказывали, — сказала Тиква серьезно.

— Нет, мама, в этом году я был хорошим мальчиком.

Жатва началась, как атака. Крылья сноповязалки беспрерывно подымались и опускались, и веселый этот шум, сопровождаемый пением, радовал всех. Каждую

минуту со сноповязалки падал золотой сноп и ложился на свое место. Эйтан сидел на машине, крепко держал вожжи и радостно смотрел на золотистые колосья, по доброй воле склонившие свои метелки перед ножами машины.

— Вперед! Эй, Философ, вперед!

Хермони было мало одной лошади, и он нанял у крестьянина в Кишоне вола. Это был хороший вол, но с одним недостатком: время от времени он опускал голову, задумывался и забывал идти в ногу с лошадью.

— Он много думает, этот вол, — смеялись дети. — Он философ.

Эйтан постоянно следил, чтоб Философ не впадал в задумчивость и чтобы вся тяжесть работы не легла на лошадь. И Узи, вприпрыжку бежавший за сноповязалкой, тоже наблюдал за волом.

— Эй, Эйтан, Философ снова задумался! — кричал Узи. — Эй, Эйтан, он заснул, к черту!

Амалия подбирала полновесные колосья пшеницы, относила их в сторону и там обжаривала зерна. Свежие и сладкие зерна распространяли приятный, будоражащий аромат.

— Эй, Амалия, следи за огнем, чтобы не вспыхнул! — непрестанно предупреждал ее Эйтан, отъезжая от стога.

Амалия бежала к сноповязалке и руками, испачканными в саже, подавала Эйтану и Узи задымленные зерна.

— Ты съедаешь все зерно, Амалия! — заметил ей Узи. — Твой рот черный, как чайник!

— Амалия, отнеси также маме и папе! — сказал ей Эйтан, набив рот пахучими зернами. — Гей, вперед, Философ!

Хермони смастерил двухколесную тележку и свозил снопы на гумно в маленькой долине, по дороге в Кишону. Он брался за дышла и тянул тележку к гумну, счастливый и веселый и весь в поту.

Тиква приносила им холодную воду, простоквашу или арбуз, и работники утоляли жажду. Поставив свою корзину, Тиква подкрадывалась сзади к тележке и подталкивала ее вперед изо всех сил. Хермони ускорял шаг, тихо напевал и быстро катил вниз, к гумну.

— Прибыли! — весело восклицала Тиква позади телеги, смеясь и вытирая пот с лица и шеи. — Ура, мой бедный грузчик!

Хермони выпрямлялся, вытирал пот полами своей синей рубахи и смотрел на Тикву с изумлением и благодарностью.

— Зачем ты помогаешь мне тянуть телегу! — бормотал он и заливался краской.

Сидя в тени разгруженной тележки, Тиква смотрит на Хермони и тихо говорит:

— И вот мы снова на гумне! Как двадцать лет назад, но сейчас это гумно мы построили сами... Для себя...

Наступила годовщина смерти Бен-Шломо. Рано утром, до работы в поле, все пошли к могиле.

Амалия и Узи, целый год не приближавшиеся к могиле и только издали с внутренним страхом глядевшие на маленький холмик, теперь вместе со всеми подошли к нему вплотную.

Земляной холмик оброс высокой травой, в которой пряталось гнездо жаворонков. Молча стояли и смотрели они на нежных птенцов на могиле Бен-Шломо...

— Он любил их при жизни, и они отвечают ему любовью после его смерти, — печально сказал Хермони.

— Папа, не нужно их прогонять! — шептала Амалия. — Бен-Шломо будет сердиться на нас!...

— Они подрастут и сами улетят отсюда. И тогда мы положим камни на могилу, — сказал Узи со слезами в голосе.

Хермони с Тиквой переглянулись. Эйтан уже давно заготовил здесь кирпичи, песок и цемент для ограды вокруг могилы Бен-Шломо.

Наступила тишина. Хермони стоял, погруженный в свои думы, его лицо нервно подергивалось.

— Мама, мама! — вдруг закричал маленький Рехав, подняв в воздух пальчик.

Все посмотрели вверх. Над могилой висел жаворонок, размахивая крыльями, заливаясь тревожной песней, то подымаясь, то опускаясь.

— Это, наверное, мама птенцов, — предположила Амалия. — Отойдем в сторону, она хочет спуститься к ним.

Все немного отступили от могилы.

— Пррр... пррр... — с радостным криком жаворонок неожиданно нырнул в гнездо.

— Ц-ц-ц-ц, — донеслось радостное, прерывистое чириканье из гнезда. — Ц-ц-ц-ц!

— Сделаем ограду в конце лета, а сегодня поставим только памятник, — решил Хермони.

Он подошел к кусту, росшему невдалеке от могилы, раздвинул ветки и вытащил четырехугольную каменную плиту... То была белая мраморная доска, которую Хермони и Эйтан нашли, когда сооружали шатер. Хермони хорошо вычистил ее, на доске выпукло выделялся лепной светильник и рог, и под ними отчетливо было высечено: «Бен-Шломо. Доброй памяти. Царство ему небесное».

Эйтан помог отцу перенести плиту к холмику. Медленно, чтобы не спугнуть птиц, люди подошли к могиле и установили мраморную плиту у изголовья. Затем молчаливо и печально простились с могилой и вернулись к работе.

Работа в поле кипела. Сноповязалка трещала непрерывно, и гора снопов на гумне росла и росла. Хермони пришлось нанять в Алоне телегу с лошадью, чтобы перевезти весь хлеб.

С рассвета до обеда все работали, но и этого было недостаточно. У Хермони кружилась голова, когда он смотрел на обильный урожай пшеницы, ячменя и кормовых трав. Все валились с ног от усталости и после обеда засыпали как убитые.

Когда солнце склонялось к западу, Хермони будил всех и вел к болоту пропалывать кукурузу. С кувшином простокваши, с песней и смехом шли люди на работу.

Спал Хермони на гумне. Несколько раз в ночь он подымался, обходил снопы, всматриваясь в темноту с револьвером в руках.

Однажды ночью он почувствовал, что кто-то спускается с холма и приближается к гумну, тихо пробираясь между кустами.

Хермони притаился и смотрел, затаив дыхание. Он знал хитрости воров, подражающих голосам разных животных и сбивающих сторожей с толку. Через некоторое время из-за кустов вышел закутанный в платок человек. Он постоял в нерешительности и начал осторожно приближаться к месту, где прятался Хермони. Когда он подошел близко, Хермони выстрелил в воздух. Вор испугался и бросился бежать.

— Стой! — закричал Хермони и выскочил из засады. — Стой, или я убью тебя!

Вор опустился на землю и заплакал:

— Друг, господин, ради Бога, не убивай меня. Я несчастный, хаваджа!

— Брось оружие! — приказал ему Хермони, направив на вора револьвер. — Быстро бросай!

— Вот оно, — сказал вор и бросил что-то в сторону.

— Еще! Все бросай!

— Нет у меня больше ничего, хаваджа, клянусь пророком, — заплакал вор.

— Встань, и руки вверх! — приказал Хермони.

Тот встал и поднял руки. Хермони подошел ближе и заглянул ему в лицо.

— Негр! — удивился Хермони, узнав в нем бродягу негра, отнявшего у детей осла и бросившего их в болоте в проливной дождь.

— Смилуйся надо мной, хаваджа! — вопил он. — Я бедный пастух!

— Протяни руки вперед! — с насмешкой сказал Хермони.

Он вытащил из кармана веревку и связал ему руки.

— Где твое оружие?

— Вот, хаваджа!

Хермони нагнулся и поднял большой кинжал в жестяных ножках.

— А где револьвер? — со злостью спросил Хермони.

— Нет у меня, хаваджа, ей Богу! — клялся негр.

Хермони ощупал его карманы, грудь и поясницу.

— Иди вперед! — сказал Хермони, указывая в сторону гумна, яла!

— Не убивай меня, хаваджа! — плакал негр, стараясь поцеловать руки Хермони.

— Пошел! — повторил свой приказ Хермони.

Когда они подошли к скирдам, Хермони велел ему сесть. Негр сел и с опаской смотрел на Хермони.

— Скажи правду, — начал Хермони. — Сколько воров прячутся на холмах?

— Ни одного, клянусь жизнью! — плакал негр.

— Лжешь!

— Клянусь пророком, хаваджа!

— Зачем ты пришел сюда?

— Овца моя пропала, пришел искать ее, верой своей клянусь!

— Скажи правду! — громко крикнул Хермони.

— Аллахом клянусь, хаваджа!

— Скажи правду сейчас же! — топнул ногой Хермони.

— Так вот: пришел я взять немножко пшеницы, хаваджа, клянусь головой своей и жизнью Мухаммеда!

— Вранье! — сказал Хермони и подошел к нему вплотную. — Скажи правду!

— Не убивай меня, хаваджа! — воскликнул негр и пригнул голову к коленям, — пожалей меня!

— Скажи правду! — настаивал Хермони.

— Я хотел взять несколько колосьев ячменя для осла, — сказал негр со слезами. — И это чистая правда. Убей — и больше не буду врать, клянусь пророком!

Хермони оставил его. Он уселся на сноповязалку и строго глядел на негра. Тот съежился, плакал и молил о пощаде.

Звезды падали с неба и рассыпали огненные искры. На краю неба появилась красная луна.

— Бедное мое стадо, — бормотал негр, — бедное стадо! Что со мной будет, хаваджа? — вдруг спросил он, перестав плакать.

Хермони помолчал немного и ответил:

— Завтра утром отдам тебя полиции.

— Сжалься, хаваджа! — вскочил негр со своего места. — Бей меня, убей, но в полицию не отдавай, ради Бога!

— Нет, я не буду бить тебя, — промолвил тихо Хермони.

— Освободи меня, хаваджа, и я вернусь к своему стаду, — умолял негр. — Я буду предан тебе всю мою жизнь, как собака! Ей Богу!

— Нельзя тебе верить!

— Аллахом клянусь, хаваджа! Ты убедишься в этом через несколько дней, когда вспыхнет большая ссора между мусульманами и евреями.

— Какая ссора? — насмешливо спросил Хермони.

— Ого-ого! — повысил голос негр. — Мусульмане всюду готовятся, евреи хотят отнять у них Бурак.*

— От кого ты слышал эти глупости? — спросил Хермони, смеясь.

— В газете так написано. Вчера Абу Наами, который охраняет бедуинов в лесу, прочел им написанное в газете о евреях. Из Иерусалима пришло письмо,

---

* Западная стена Храма (араб.).

в котором сказано, что все мусульмане должны прийти туда и защищать мусульманские святыни с оружием в руках.

Негр замолчал и взглянул в глаза Хермони, слушавшего внимательно.

— Ложь! — сказал Хермони с усилием. — Все ложь!

— Что ложь?! — вскричал негр. — И тебя прикончат, хаваджа, клянусь Мухаммедом! Абу Наами призывает всех прийти на будущую неделю и сжечь все, а тебя, жену твою и детей — зарезать, как баранов.

— Замолчи, абд* — крикнул Хермони в ярости. — Не болтай чепуху!

— Именем пророка, хаваджа, — закричал негр. — Вчера вечером в лесу было собрание, и через несколько дней ты убедишься, врал я тебе или нет, будет тоша,** ого-ого!

Хермони слушал негра и дрожь прошла по его телу. В последние дни он очень устал и почти не читал газет, поступающих из Кишоны. Но из того малого, что прочел, из отрывочных рассказов встречных людей и из слов негра ему стало ясно, что в стране готовится что-то недоброе, что арабы замышляют разрушение еврейских поселений и убийства.

На востоке забрезжил свет. Ночь прошла. За Гилеадскими горами блеснуло солнце, его серебристые лучи ласкали и успокаивали.

Проснулись птицы, затянули утреннюю песню. Звезды одна за другой гасли, луна замерла посреди неба, тая на глазах. Утренний туман лег на долину, а на стогах заблестела роса... Негр задремал, свесив голову между коленями. Хермони толкнул его, и тот вмиг проснулся и посмотрел на Хермони глазами, полными страха и мольбы.

— Иди с миром! — сказал Хермони и развязал ему руки. — Но помни, абд, что ты обещал мне...

— Клянусь пророком! — обрадовался негр и поцеловал руки Хермони. — Все раскажу тебе, клянусь жизнью своего отца.

Негр побежал в лес... С тяжелым сердцем направился Хермони домой.

---

* Раб (араб.).

** Конец (араб.).

Глава семнадцатая

И НАЧАЛИ С НАЧАЛА

— Папа, папа! В Хевроне режут евреев!

Хермони спрыгнул со стога и быстро зашагал навстречу Амалии.

Девочка плакала.

— Что случилось, Амалия? — вскрикнул Хермони. — Он был бледен, вилы подрагивали в его руках.

— И много детей убили. Ой, папа!

— Где, о чем ты говоришь, Амалия? — спросил Хермони.

— В Хевроне и в Моце, папа! И еще в других местах — страшно! — плакала Амалия.

— Ты была в Кишоне?

— Да.

— Принесла газеты?

— Не получили.

— А откуда знают все это?

— Передали комитету по телефону.

Хермони стал как вкопанный. Потом бросил вилы, схватился обеими руками за голову и быстро пошел к бараку.

— Эйтан, седлай лошадь, — приказал Хермони сыну.

— Вот она, — ответил Эйтан, подводя оседланную лошадь.

Не оказав ни слова, Хермони вскочил в седло и помчался.

В Кишоне Хермони застал людей из ближних поселений, собравшихся на экстренное совещание. Все были мрачны, никто не знал, что делать. От ужасных слухов стыла кровь. Погромы в Иерусалиме, убийства в Моце и страшная, дикая резня в Хевроне. Настоящая резня на глазах у властей, погромы в духе Кишинева и Проскурова. Вчера вечером напали на поезд в Хайфе и убили двух евреев... В деревне Авиноам ночью сожгли хлебные стога и обстреляли Шаар-Гаэмек. Жители Бустны собираются напасть на еврей-

ские поселения в Изреэльской долине и стереть их с лица земли. Люди нервно и затаив дыхание смотрят на рассказывающего.

— А правительство?

— Что нам от этого правительства? Вот уже третий раз наша кровь льется в этой стране, как вода!

— Кое-кто из правительственных чиновников связаны с арабами, с арабским уполномоченным, с подстрекателями, с эфенди, а мы только и делали, что строили и не готовились к беде...

— Даже турецкие властелины Абдул Хамид и Джемал-паша покраснели бы от таких дел!..

— В их времена мы знали, что не на кого полагаться, и были начеку. Помните, что произошло в Мерхавии? Маленькая горсточка людей в заброшенном месте — а ведь устояли против шквала огня. Не помог яд, который лил тогда араб-губернатор Назарета в сердца бандитов: мы устояли, так как надеялись лишь на самих себя, на свою силу.

— А каково положение теперь?

— Очень скверное...

— Есть чем защищаться?

— Нет.

— А что насчет правительственных ящиков с оружием?

— Да ведь они же отняли их у нас, разве не знаешь?

— Правительство утверждает, что царит спокойствие, что люди в безопасности, что их имуществу ничто не угрожает!

Был избран комитет самообороны, которому поручили немедленно объехать все поселения Изреэльской долины и сообща решить, что предпринять. Пока же надо готовиться: рыть окопы вокруг поселений, протянуть проволочные заграждения, запасти воды и стоять на страже...

— Как?! С голыми руками? — спросил Хермони, сжимая кулаки.

— Домой, каждая минута дорога!

Хермони вскочил на лошадь и галопом поскакал в Эйн-Роим. Он тяжело дышал. Глаза были полны злости. Его охватило то чувство борьбы, настроение тех дней, когда он был шомером в колониях Галилеи.

Солнце виделось теперь ему иным. Небо изменилось, и воздух как бы застыл. Почему-то ему показа-

лось, что вокруг царила более глубокая тишина, чем обычно. Ему захотелось запеть «Эль йивне»,* как в те дни, когда горсточка еврейских парней охраняла жизнь своих братьев и сестер от Дана до Беэр-Шевы — без мандата Британской империи, без Лиги Наций и без кучи чиновников-предателей в Иерусалиме.

Вдруг он повернул лошадь на север и поскакал в город, чтобы потребовать у властей обратно свое охотничье ружье. Вот уже год, как английский губернатор откладывает это дело.

Вот и Алона. Его окружили со всех сторон, молотилка перестала работать. Он заметил, что стадо не выгнали. Отчаяние охватило жителей села, люди не знали, что делать.

— Есть новости, Хермони?

— А что решили на собрании в Кишоне?

— Прибыли ли воинские части из Египта?

— Куда ты скачешь?

Хермони сидел на лошади, не двигаясь. Губы его были сжаты.

— Я еду в город за охотничьим ружьем, — сказал он наконец. — Будьте готовы!

И он погнал лошадь вверх в горы.

Шоссе было необычно пустынным. Несколько раз встречались ему арабы на лошадях или пешком — и Хермони читал в их глазах ненависть и злобу.

Губернатора он не застал. Служащие, вышедшие к Хермони, открыто выражали свою ненависть.

— Беги, несчастный, тебя здесь зарежут!

— А что, есть еще живой еврей в Палестине? — спросил один полицейский. — Я думал, что всех уже уничтожили...

— Твое ружье мы послали Герберту Сэмюэлю, еврейскому королю, чтобы он пошел на охоту с этим ружьем в Лондра (Лондон), — издевался второй полицейский.

— Ха-ха-ха! — расхохотались арабы.

— Беги к твоим несчастным евреям!...

Хермони мрачно посмотрел на них и ничего не ответил. Губы его нервно дергались, хотя он старался казаться равнодушным. Он хотел остаться в полиции и ждать губернатора, который должен был вернуться вечером. Однако полицейские требовали, чтобы он тот-

---

* «Бог построит» (иврит).

час же оставил город, так как полиция не отвечает в эти дни за жизнь евреев.

Хермони вышел из губернаторского дворца, вскочил в седло и тронулся в путь. Прохожие бросали ему вслед ядовитые прозвища. Дети швыряли в него камни.

— Идбах эль ягуд!* — кричали прохожие.

— Идбах эль цахаюн!**

Прохаживающиеся по улице полицейские делали вид, что ничего не слышат и не останавливали издевающихся подростков.

— Ялла, ялла, хаваджа! — подмигнул ему один полицейский, — скорее удирай!

Хермони ударил лошадь и поскакал по шоссейной дороге. Потом свернул в сторону — на главном шоссе еврею угрожала смерть.

Вечером он вернулся в Эйн-Роим и застал Тикву и детей в страхе и беспокойстве.

— Негр приходил несколько раз и искал тебя.

Вначале Тиква заподозрила, что он пришел выведать что-то и прогнала его со двора, но так как он возвращался два-три раза, она провела его в барак и поговорила с ним. Он был очень взволнован и требовал привести хозяина немедленно, ибо у него есть секретное дело к нему. Эйтан побежал в Кишону искать отца, но там ему сказали, что Хермони вернулся домой. Наступил вечер, Хермони все еще не было, и беспокойство охватило всю семью.

Хермони успокоил их, попросил зажечь лампу и тихо рассказал Тикве о своей поездке.

— Вернули тебе ружье? — спросила Тиква.

Хермони вздохнул.

— Камни бросали в меня на улицах, я с трудом спасся...

Тиква подала ему еду и пошла за холодной водой.

— Кто там? — сердито спросила она, заметив кого-то в темноте.

Хермони выскочил из барака.

— Хаваджа! Хаваджа! — раздался голос из тьмы.

— Негр! — сказал Хермони и затаил дыхание.

— Это я! — прошептал негр и выполз на четвереньках из темноты.

---

* Режьте евреев (араб.).

** Режьте сионистов (араб).

— Потуши огонь, хаваджа, — умолял негр. — Чтобы не заметили меня!

Тиква вошла в барак и потушила лампу. Дети спали. Только Эйтан дежурил на гумне. Он сторожил хлеб, последнюю надежду семьи Хермони.

— Возьми, ешь! — Тиква протянула негру кусок хлеба с огурцом.

— Да поможет тебе Аллах! — пробормотал негр и жадно зажевал.

— Да поможет тебе Аллах! — пробормотал негр — Зарежут вас, ей-Богу!

— Кто? — спросил Хермони с деланным спокойствием. — Дети, такие как ты?

— Нет, хаваджа, — усмехнулся негр. — Клянусь пророком. Абу Наами собрал всех пастухов и угольщиков в дальнем лесу, и завтра они собираются зарезать вас и все сжечь.

— А мы что — бараны? — спросила Тиква с насмешкой.

— Разве я знаю? — сказал негр. — И в Кудс е-Шерифе (Иерусалиме), и в Халиле (Хевроне), и в Хайфе вырезали много евреев, много, хаваджа! Уфф! — свистнул негр в подтверждение сказанного.

— А много их? — спросил Хермони после долгого молчания. — Много убийц?

— Фю-ю-ю! — свистнул негр. — Их много, очень много.

— Есть правительство! — сказала Тиква серьезно.

— Абу Нами сказал им: алдоле маана* — усмехнулся негр — теперь все можно делать, нет суда, нет полиции, мусульмане отомстят евреям...

— Мне пора! — сказал негр и встал. — Нужно идти, чтобы не заметили моего отсутствия. И чтобы не узнали, что я был у вас!

— Иди с миром! — сказал Хермони и, провожая его, добавил твердо: — пусть придут Абу Наами и его люди. Завтра здесь будут десятки парней, и мы встретим их свинцом.

Негр исчез в темноте. Наступила тишина.

Вдруг до них донеслись металлические удары со стороны источника. Хермони вскочил и прислушался. Бросив ложку, он вышел и всмотрелся в темноту. Металлические удары слышались оттуда непрерывно.

---

* Правительство с нами (араб.).

— Эйтан! — позвал громко Хермони. — Эй, кто там у мотора?

Дикий смех и топот конских копыт послышались вместо ответа. Хермони вбежал в барак, схватил револьвер и бросился к источнику, Тиква бежала за ним с толстой палкой.

— Разбили мотор! — с болью сказал Хермони Тикве. — Негра послали для отвода глаз... Ремень от мотора унесли, насос и мотор разбиты.

Хермони пошел на гумно. Стояла тихая и темная ночь. Скирды были похожи в темноте на больших ежей. Только на далекой горе Кармель, на ее склонах, поблескивали огоньки, появлялись и исчезали.

— Кто там? — крикнул Эйтан.

— Я, я, Эйтан! — отозвался Хермони. — Ты не спишь? — спросил он и обнял его. — Теперь ляг, я посторожу несколько часов.

— Можно ждать нападения, папа? — коротко спросил Эйтан.

Хермони вздохнул:

— Надо быть настороже. Мы должны быть наготове...

— А что в Кишоне и Алоне?

— Готовятся. Ждут помощи из города, — ответил Хермони, снимая широкополую шляпу.

Он вынул из кармана большой револьвер, вложил его в шляпу и засунул в сено. Оба молчали. Хермони растянулся, глаза его закрылись. Он очень устал и незаметно уснул. Эйтан поднялся и часто оглядывался вокруг. Вдруг ему показалось, что отблески света оттесняют мрак ночи. И действительно, у подножия горы Кармель виднелось пламя. Оно росло, увеличивалось и заливало небо и землю красным светом.

— Папа, — прошептал Эйтан и коснулся руки отца. — Смотри, папа!

Хермони вскочил в испуге.

— Что, уже светает? — спросил он удивленно. — Что это за пламя, Эйтан?

Протерев глаза, он беспокойно осмотрелся вокруг. Небо стало красным, тяжелый дым и искры неслись в воздухе.

— Гумно Шаар-Гаэмек горит! — воскликнул он и всплеснул руками.

Тиква прибежала из барака.

— Где горит, Хермони? — спросила она, дрожа.

— Гумно Шаар-Гаэмек в огне, — ответил Хермони и закрыл лицо руками.

Потрясенные, стояли они втроем и смотрели на большой огонь, уничтожавший труд целого года.

— Несчастье приближается, — прошептала Тиква. — Мы заснули на вулкане...

На рассвете семья Хермони принялась строить укрепления. Хермони и Эйтан рыли длинный окоп вокруг барака, а от него отвели ход в пещеру. Тиква насыпала мешки с песком и укладывала их один на другой. Малыши таскали банки с водой и наполняли бочки около барака.

Вокруг стояла тишина, подозрительная и угрожающая. Дневной свет выглядел мутным и желтоватым, как при затмении. Арабских пастухов не было видно. Одинокий бедуин, недавно поселившийся на склоне холма, собрал залатанный шалаш, словил своих кур, нагрузил все добро на осла и уехал. Его голые дети с плачем бежали вслед за ослом, а жена подгоняла их криками.

Перед обедом Узи и Амалия пошли на огород за огурцами и помидорами. Над бараком курился дымок. Тиква месила тесто.

Хермони и Эйтан выкопали ямы вокруг гумна, установили столбы и натянули колючую проволоку. С болью смотрел Хермони на свои скирды. Их было так много, они были такие большие. Неужели? Неужели и теперь судьба обидит? Снова труд двух лет пропадает? А что он будет делать потом? Суждено ли ему блуждать всю жизнь и не найти постоянного места?

Он вспомнил тяжелые дни в Эйн-Роиме: непрекращающаяся борьба с природой и грабителями. Утомительная и напряженная работа днем, охрана по ночам, без сна и отдыха. Здесь он нашел пустынное место. Энергией и трудом они превращали это место в земной рай. Кому он нанес ущерб, кого прогнал отсюда? Разве нет вокруг тысяч дунамов, которых не коснулся плуг? Разве не издевались над ним Абу Наами и пастухи, когда он начал пахать эту заброшенную землю?

Он тяжело вздохнул. Кровь вскипела, кулаки сжались. От укола колючей проволоки он как бы проснулся и посмотрел вокруг. Эйтан стоял около барабана проволоки и тихо плакал. Плечи его вздрагивали, и

крупные слезы катились из глаз и падали на босые ноги, покрытые серой пылью.

Хермони подошел к нему, провел рукой по голове и негромко сказал:

— Не плачь, Эйтан, сынок. Имя твое Эйтан,* и ты должен быть крепким... Мы привыкли к нападениям. Не раз мы, я и твоя мать, были на волосок от смерти — и вышли победителями. Вот уже полвека мы стоим на страже нашей страны — и не сдались! Бандиты могут сжечь гумно, но они не сожгут надежду страдающего народа. Мы вцепились в эти скалы, и никакая сила в мире не прогонит нас отсюда. Эйтан, мы знавали поражения. Много могил шомеров разбросаны по холмам Нижней Галилеи, но никогда мы не уходили отсюда, не знали страха. Здесь наша родина, Эйтан, отсюда мы не уйдем.

Высоко в небе появился самолет. Медлено летел он над долиной, что-то высматривал. Иногда из самолета раздавались одиночные выстрелы. Вдруг самолет повернул к отрогам горы Кармель, потом воздух вздрогнул, и земля задрожала.

— Бомбит! — сказал Эйтан, указывая на клубы дыма, появившиеся над землей.

— Не полагайся на них, Эйтан! — вздохнул Хермони. — От них не будет нам спасения. Раньше они раздувают огонь ненависти, а потом приходят тушить его со стаканом воды. Галиль и Иудею мы строили без самолетов.

Под вечер из Кишоны в Эйн-Роим прибыло несколько человек на лошадях. Среди них был Галили из Алоны. Не говоря ни слова, они с мрачными лицами ходили вокруг, осматривали холмы, проверяли окопы. Хермони шел за ними с опущенной головой и неохотно отвечал на вопросы.

После осмотра все вернулись в барак и позвали Тикву.

— Дети, присмотрите за лошадьми, — сказал Галили серьезно. — А ты, Эйтан, садись с нами. — Взял он его за руку и усадил на пол.

Когда все уселись, Галили сказал:

— Вы должны уйти отсюда и перебраться в Кишону... Нет никакой возможности укрепиться здесь.

---

*Крепкий (иврит).

Наступила тягостная тишина. Солнце садилось, и предвечерний свет озарял комнату.

— Мы ничего не требуем от вас, — сказал Хермони после долгого молчания. — И не приказывайте нам уходить отсюда! Два года жизни и труда вложено в это место — и все бросить теперь на произвол судьбы? Не стыдно вам предлагать нам такое?

Тиква встала и сказала сердито:

— Не уговаривайте нас, мы не уйдем! Что остается нам? Снова бродить? Нет у нас больше сил!

— Я знаю ваше упрямство, — сказал Галили, не подымая головы. — Но вы не имеете права подвергать опасности ваших детей. По крайней мере, переведите детей в Алону!

— Дети — мои дети! Наша судьба — их судьба! Они останутся с нами.

Гости поднялись и вышли. Когда они сели на лошадей, Галили тихо сказал Хермони:

— Приготовьте здесь кучу соломы, в час опасности зажгите огонь, и мы прискачем вам на помощь.

— Хорошо, — шепнула Тиква. — Бежать отсюда всегда успеем.

Солнце зашло. Стало темнеть. Хермони и Тиква принесли с гумна соломы и уложили высокую кучу на склоне холма, обращенном к Кишоне. Эйтан собрал ветки и обрубки деревьев и положил на кучу, облив керосином. Тиква запаслась спичками. Детей устроили в окопе, а животных перевели в пещеру. Лошадь под седлом стояла за бараком.

Звезды одна за другой зажигались в небе. Темнота становилась все гуще. Хермони расхаживал между бараком и гумном с заряженным револьвером. Тиква и Эйтан сидели в окопе и зорко смотрели в сторону леса.

— Мама, видишь мигающий огонь в лесу? — шепотом спросил Эйтан.

Тиква затаила дыхание и напрягла зрение. В глубине леса мелькал слабый свет, блуждающий с места на место.

Хермони подошел к насыпи, вгляделся в огонек и сказал:

— Это сигналы. Может начаться нападение. Будьте готовы! — И снова ушел к гумну.

— Эйтан! Стреляй, стреляй! — раздался вдруг крик Хермони.

Тиква и Эйтан осторожно высунули головы из окопа. Несколько человек бежали к бараку.

— Тах-тах-тах, — раздалось несколько выстрелов со стороны леса.

— Эйтан, Тиква, стреляйте! — громко закричал Хермони.

Эйтан и Тиква ответили несколькими выстрелами. Дети проснулись в испуге.

— Что случилось, мама? — спросили они со страхом.

— Лежите, лежите, дети... — успокоила их Тиква.

— Нападают на нас?

— Шшш... не кричите... — шепнула Тиква. — Нельзя говорить!

Все смолкло. Нападавшие пригнулись к земле и выжидали.

— Тиква, зажги солому! — крикнул Хермони из темноты.

Тиква побежала к куче.

— Тах-тах-тах, — снова раздались выстрелы из леса.

— Мама, нагнись! — крикнул Эйтан. — Они видят тебя!

Тиква быстро опустилась на землю, подползла к куче и бросила зажженную спичку. Вспыхнуло большое пламя, вся округа осветилась.

Хермони принес с гумна еще охапку сена. Все спустились в окоп. Нападавшие поднялись один за другим и скрылись в лесу.

— Скачут на помощь! — закричала Тиква радостно. — Я слышу топот лошадей!

Хермони осторожно приподнялся и прислушался.

— Да, всадники скачут сюда, — прошептал он. — Вот и прибыли.

Группа всадников с криками поднялись на холм.

— Алейгум!* Алейгум! — подражали они крикам нападающих арабов, скача по холму с ружьями в руках. — Алейгум!

Огонь погас. Всадники собрались вокруг окопа.

— Что случилось? — спросил Галили, не слезая с лошади.

— Они обстреляли нас.

— Ну?

---

* На них (араб.).

— Ответили огнем.

— Разве у вас есть оружие? — спросили всадники.

— Один негр-пастух продал мне вчера несколько старинных пистолетов.

— Арабы убежали?

— Когда зажгли солому.

— Много их было?

— Кто знает. Они приближались цепью.

Вдруг вспыхнули два огня, и шум автомашины послышался со стороны Алони. Через минуту машина поднялась на холм и остановилась. Свет погас.

— Кто там? — спросил один из всадников.

— Хермони!? — спросил голос из машины.

— Да, да...

Открылась дверь, и несколько человек вышли из машины с винтовками в руках.

— Пробовали напасть на вас?

— Да.

— И убежали?

— Да... Зачем вы приехали?

— Мы слышали выстрелы, видели огонь и подумали, что гумно горит.

— Военной автомашины не было здесь?

— Нет.

— Остерегайтесь, хевре,* наверно, сейчас приедет. Она была на шоссе, когда раздались выстрелы, и остановилась в Алоне.

— Чем все это кончится, Хермони?

— Будем охранять и работать. Так, как было вначале.

Со стороны Кишоны послышался шум. Все напрягли слух.

— Нам надо спешить туда, — сказал командир всадников, — Приготовьте снова кучу сена и зажгите в случае надобности.

И группа поскакала галопом в Кишону.

— Хермони, не упрямствуй, — сказал один из приехавших на машине. — Жаль людей. Невозможно защищать этот слабый пункт.

— Если так, то зачем ты здесь? — сердито спросил Хермони.

— Нам жаль твоих детей, — ответил тот.

---

* Ребята (иврит).

— Это мои дети и оставьте меня! — крикнул Хермони.

— Мы не съедим их! — сказал другой с укором. — Перевезем в Алону, а когда пройдет опасность, вернем их вам.

— А там не опасно? — спросила Тиква с иронией.

— Да ведь здесь у вас нет ни одного каменного строения!

— Я не хочу, чтобы мои дети остались сиротами среди чужих людей, — сказал Хермони с горечью. — Наша судьба — их судьба!

— Мы силой заберем у вас детей! — закричали прибывшие. — Вы не имеете права подвергать смертельной опасности детей!

На шоссейной дороге показались две светящиеся точки приближающейся машины. Она медленно подъезжала, то появляясь, то исчезая.

— Мы должны уходить! — сказали все в один голос, отдайте нам детей, убийцы!

Не ожидая ответа, они спрыгнули в окоп, взяли на руки Амалию, Рехава и Узи и внесли их в машину.

— Залезай к нам, Эйтан! — крикнул один из алонцев.

— Не хочу, — сердито ответил Эйтан. — Я не уйду!

Вспыхнули фары, мотор заработал, и машина исчезла в темноте.

Трое снова спустились в окоп. Лишь только заглох шум мотора, из леса опять посыпались выстрелы. Пули со свистом летели над их головами и застревали в стенах барака. Хермони ответил несколькими одиночными выстрелами.

— У тебя много патронов? — спросил Эйтан.

— Нет, — ответил Хермони.

— Тах-тах-тах! — снова послышались выстрелы из леса.

— Трах-трах-трах! — вдруг затрещал пулемет.

— Военная автомашина! — закричал Хермони. — Вот она поворачивает сюда!

Выстрелы из леса прекратились. Пулемет трещал с перерывами, и автомашина медленно приближалась к Эйн-Роиму. Разглядев в ней солдат, Хермони выскочил из окопа и подошел ближе.

— Кто ты? — спросили его на иврите.

— Хермони.

— Есть у вас убитые?

— Нет.

Послышался приказ по-английски, и несколько солдат в касках, с примкнутыми штыками выскочили из машины. За ними вышли несколько арабских полицейских. На автомашине стоял маленький пулемет. Полицейский-еврей спросил:

— Где вы укрепились?

— Вот окоп, — ответил Хермони и повернулся к бараку.

— Сколько вас здесь? — спросил английский офицер, осматривая окоп.

— Трое, — ответил Хермони, и еврей-полицейский перевел офицеру на английский язык.

Офицер прохаживался вокруг насыпи с большим револьвером в руке, а солдаты облокотились на винтовки и посвистывали. Араб-полицейский опустился на землю, порылся в траве и поднял револьвер.

— Плиз,* — иронически сказал он, подавая револьвер офицеру.

— Это мое оружие, осел! — крикнул Эйтан и схватил его за руку.

— Ялла! — крикнул на него офицер по-арабски. — Отойди! — Он проверил револьвер и передал его одному из солдат.

— А чем мы будем защищаться? — крикнул Хермони. — Разве правительство дало нам оружие? Почему вы приходите и забираете то немногое, что у нас есть? Вы играете нашей кровью!

Офицер спросил, чего он хочет, почему кричит. Полицейский-еврей перевел ему слова Хермони.

— Мы защитим вас, — ответил офицер заносчиво.

— Он защитит? — вмешалась в разговор Тиква и подняла кулак вверх, словно для удара. — Если бы не револьвер, нас убили бы задолго до его приезда!

— Через пять минут после твоей смерти мы прибудем сюда... — ответил офицер, и солдаты засмеялись. — Файв минитс, иес...**

— Входите в автомашину! — приказал вдруг офицер семье Хермони.

— Мы не уйдем отсюда! — крикнул Хермони.

---

* Пожалуйста (англ.).

** Пять минут, да... (англ.).

— Немедленно входите в автомашину! — топнул ногой офицер и навел на них револьвер.

— Убей меня! — зло сказала Тиква и стала между офицером и Хермони. — Мы не уйдем отсюда!

— Посадите их в машину! — отдал приказ офицер.

Несколько солдат схватили Хермони и бросили его в автомашину. Два других схватили сопротивляющуюся Тикву и посадили ее рядом с мужем.

Хермони пытался выскочить из машины, но солдаты держали его крепко.

— Подымайся в машину! — крикнул солдат Эйтану, стоявшему в стороне.

— Скажи ему, что у нас есть лошадь, и я хочу ехать на ней! — сказал Эйтан еврею-полицейскому.

— Возьми же ее, — сказал полицейский. — И беги!

Машина тронулась. Эйтан сидел на лошади. Медленно нащупывая дорогу, машина сползала с холма. Безумными глазами смотрел Хермони на барак. Слезы текли по его щекам, слезы отчаяния. Тиква закрыла лицо руками и тихо плакала. Все пропало... Все уничтожено.

Когда подъехали к Кишоне, небо вдруг стало красным. Эйн-Роим был в пламени.

— Гумно горит! — дико закричал Хермони, вырвался из рук солдат и выпрыгнул из машины.

— Стой! Стой! — слышал он позади себя.

— Хермони! Папа! — кричали Тиква и Эйтан, но он не отвечал.

Он не обратил внимания на удар в ногу, он бежал и бежал, пока не скрылся в кукурузном поле.

— Папа Папа! — донесся до него отчаянный зов Эйтана, бросившегося вслед за отцом. Но Хермони не отвечал.

Не поворачивая головы, он бежал к гумну. Он задыхался, в висках стучало. Он сбросил с себя рубашку, крепко сжимал револьвер в руке и бежал изо всех сил, крича, как раненое животное.

Силы оставили его, он чувствовал слабость в коленях, сердце сильно билось, готовое выскочить из груди. Клубы черного и красного дыма подымались вверх над большими стогами, вверх к чебесам, усыпанным звездами. Длинные, страшные языки огня лизали небо, обжигали, со свистом и яростью рвались вверх. Все гумно было охвачено огнем.

— Вот пшеница, вот ячмень, а там лен, — шептал Хермони.

Он поднялся на холм с револьвером в руке. Теленок подошел к нему, печально мыча, как бы прося милости. Барак, хлев, курятник — все пылало.

— Убить, всех убить! — вдруг закричал Хермони, увидев нескольких арабов, волочивших корову и телят в лес, и выстрелил.

Выстрелы из леса участились. Пули свистели вокруг него. Он лежал на земле и стрелял.

Револьвер замолк... Одна лишь пуля осталась у него в кармане. Одна пуля для него... Нет, его не убьет пуля бандита. Нет. Довольно. Нет больше сил жить. Нет сил начать все снова.

Выстрелы застучали чаще. Отступив, он укрылся в тесной пещере. Он слышал крики убийц: «Алейгум, Алейгум!»

Дрожащими руками вогнал он последний патрон в револьвер.

Когда Хермони очнулся в пещере, кругом царила мертвая тишина. Утренние лучи солнца освещали замшелые стены. С трудом поднялся Хермони на ноги.

— Все кончено, — сказал он тихо. — Все сгорело.

Он поднял револьвер, осмотрел его.

Вдруг послышался конский топот. Хермони бросился на землю у входа в пещеру и осторожно выглянул наружу.

— Папа! Папа! — разрезал тишину крик. — Где ты, папа!

Хермони высунул голову из пещеры. Эйтан сидел верхом на лошади, с отчаянием смотрел вокруг и рыдал. Нерасчесанные волосы, красные глаза и усталое лицо сделали юношу похожим на старика, пережившего большое горе.

— Папа! Папа! — плакал Эйтан, глядя на пожарище. — Папочка!

Хермони взглянул на него из укрытия, и сердце его сжалось. Теплые слезы заволокли глаза. Тихо плакал он, и слезы текли по щекам и подбородку, соленые, колючие слезы.

— Папа! Папа! Где ты, папа!

Хермони вышел из пещеры, и Эйтан бросился в его объятия. Слезы душили Хермони, он бормотал отрывисто, и стоны прерывали его слова.

— Еще-я-жив-один-остался-здесь. Нет — двадцать-пять-лет-устояли-против-убийц-они-не-победили-бы-насели-бы-не-«спасители».

Все было сожжено. На месте гумна чернела куча горячей золы. Дымящиеся головни остались от барака и построек. Запах паленого мяса разносился в воздухе. Запах заживо сгоревших циплят.

— Снова ничего у нас нет, Эйтан, — прошептал Хермони. — Ничего нет у нас!

На востоке взошло солнце. Яркое и сильное, взошло оно из-за гор, как вчера, как всегда.

С опущенными головами бродили они между развалинами, и лошадь шла вслед за ними.

Кое-где валялись вещи и рабочие инструменты — грабители в спешке не успели взять их с собой...

Они остановились у перевернутого плуга. Лучи солнца сверкали на стальных лемехах.

— Им не нужны плуги... — сказал с горечью Эйтан. — Они не умеют пахать. Они умеют лишь разрушать.

Хермони нагнулся и поднял плуг. Оба стояли молча.

— Впряги лошадь, Эйтан! — вдруг яростно закричал Хермони. — Мы начинаем пахать!

Эйтан поднял глаза на отца с испугом и удивлением.

— Впряги лошадь, Эйтан! — повторил Хермони нетерпеливо. — Дай мне веревку!

Эйтан вытащил веревку из-под седла и передал отцу. Хермони привязал оба конца веревки к плугу, а середину веревки перебросил через седло.

— Веди лошадь, Эйтан! — сказал он и силой вогнал лемех в опаленную землю.

— Вперед! Вперед!

Медленно двигался плуг. Черные комья земли выворачивались навстречу солнцу.

— Вот мы и открыли новую борозду, Эйтан, — сказал Хермони. — Нам суждено начать с начала!

הספרייה של הפורום הציוני • חיפה •
БИБЛИОТЕКА СИОНИСТСКОГО ФОРУМА • ХАЙФА •
2866

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

1—2. Леон Юрис: ЭКСОДУС
3. Др. А. И. Кауфман: ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит: ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав: НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Др. Е. Хисин: ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод: РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель: ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ: Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман: СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский: СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль: ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам: ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед: ХЕДВА И Я
16. Яков Цур: И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль: ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея: ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст: МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский: РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон: ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер: УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш: ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш. Й. Агнон: ИДО И ЭЙНАМ
Рассказы, повести, главы из романов
26. Элиэзер Смоли: ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский: СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН

א. שמאלי
אנשי בראשית